А. А. Залевская
Что там — за словом?
Вопросы интерфейсной теории значения слова
DirectMEDIA
Языкознание

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Как мы понимаем друг друга? Какую роль при этом играет слово? Что требуется для того, чтобы слово стало полным смысла, т.е. «живым», помогающим понять и пережить то, на что оно указывает или намекает? Цель этой книги – показать: главное заключается в том, что лежит ЗА СЛОВОМ в личном и социальном опыте (без этого последовательность звуков или графем остаётся «мёртвой»). Интерфейсная теория значения даёт объяснение двойной жизни слова и раскрывает посредническую роль значения в двух позициях: (I) между обществом и личностью; (II) между дискретной языковой единицей и тем, что лежит за словом во внутреннем контексте – голограмме образа мира индивида как результате переработки вербального и невербального опыта познания и общения. Книга полезна широкому кругу читателей, интересующихся вопросами познания мира, общения, взаимопонимания, адаптации к наличной ситуации, овладения языком и т.д.

- А. А. Залевская
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ВВЕДЕНИЕ
    - Вводные замечания
    - 1. От системно-структурного анализа к интегративному подходу
    - 2. От понятия единой информационной базы человека к метафоре «живой мультимодальный гипертекст»
    - 3. Выводы
  - Глава 1
    - Вводные замечания
    - 1. Вопросы динамики значения научного термина и общеупотребительного слова
      - 1.1. Примеры динамики значения научных терминов
      - 1.2. Примеры динамики значения общеупотребительных слов
    - 2. Роль общенаучной метафоры в познании
      -
      - 2.1. Динамика общенаучных метафор
      - 2.2. Метафоры и мифы
    - 3. Абстракция, эмпирия, воображение и эмоция в научном исследовании и в обыденном знании

- Выводы
- Глава 2
  - Вводные замечания
  - 1. «Слово в словаре» и слово «в голове»
    - 1.1. «Живое слово» в классических работах российских языковедов
    - 1.2. Жизнь слова в свете физиологии и психологии
    - 1.3. Специфика «живого слова»
  - 2. Двойная жизнь слова
    - 2.1. Двойная онтология значения слова
    - 2.2. Два аспекта жизни значения слова
    - 2.3. Множественность двойственных функций значения слова
  - Выводы
- Глава 3
  - Вводные замечания
  - 1. Динамика научных подходов к значению слова
    - 1.1.От «семиотического треугольника» к концепту
    - 1.2. Некоторые новые тенденции в разработке теорий значения слова
  - 2. Интерфейсная теория значения слова
    -
    - 2.1. Естественный семиозис и связанные с ним проблемы
    - 2.2. Понятие интерфейса в разных ракурсах
    - 2.3. Понятие гипертекста с позиций разных подходов
    - 2.3. Основные положения интерфейсной теории значения слова
  - Выводы
- Глава 4
  - Вводные замечания
  - 1. Идентификации слова: процесс и продукт
    -
    - 1.1.Основные направления проведённых исследований
    - 1.2. Базовая стратегия идентификации «для себя»
    - 1.3. Базовая стратегия включения во «внутренний» контекст

        - 2. Принципы навигации по мультимодальному гипертексту
            -
            - 2.1. Роль признаков как опор для поиска в гипертексте
            - 2.2. Топы как смысловые инварианты высказываний
            - 2.3. Моделирование процесса навигации в живом мультимодальном гипертексте
        - Выводы
    - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
    - КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ТЕРМИНОВ
    - ЛИТЕРАТУРА
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118

- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162

- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206

- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250

- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294

- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338

- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382

- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412

А. А. Залевская
Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. Монография

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не так давно мне пришло по электронной почте следующее сообщение: «Направляю Вам сноску на интересный экспериментальный вывод. Много шума из ничего? Или что Вы скажете?» Пройдя по ссылке http://www.hse.ru/news/science/121456242.html, обнаруживаю, что в сообщении под названием «Традиционные представления о восприятии языка неверны» речь идёт о результатах исследования, согласно которому: «…в восприятии и понимании речевой информации мозгом человека участвуют не только традиционные речевые области, известные ещё из классических работ неврологов XIX столетия, таких как Брока, Вернике, Лихтхайм, но и те зоны коры головного мозга, которые управляют двигательным аппаратом и отвечают за двигательную активность. <…> … слова не только активируют свои области в моторной коре (например, при прослушивании слова *пинок* автоматически активируется зона, контролирующая движения ног), но и подавляют активность в чужих зонах, которые по смыслу связаны с другими словами».

На основании проведённого исследования делается следующий вывод:

«Эти результаты чётко указывают на то, что *традиционные представления о восприятии мозгом языка как об изолированной, оперирующей абстрактными символами системе неверны*. Способность понимать слова и их смысл коренится в биологии, а именно непосредственно в восприятиях и действиях, связанных с этими словами.

Когда ребёнок узнаёт новые слова, они воспринимаются непосредственно в связи с объектами и действиями, которые они означают. <…> Таким образом, формируется целая сеть нервных клеток, находящихся в разных районах мозга, включая и те, которые традиционно связывают не с речью, а с простыми функциями, такими как движение мышц, которые присутствуют не только у человека, а у всех животных. Эта сеть и становится мозговым представительством того или иного слова, напрямую, физиологически связывая его звучание и произношение с теми действиями и ощущениями, которые оно означает» (*курсив мой*. – А.З.). Конечно, такой вывод противоречит и наивным представлениям о слове, и широко распространённым научным мифам, согласно которым слово само по себе «несёт информацию», «означает», «хранится в памяти в единстве всех его форм и значений» и т.п. На самом деле ещё более ста лет тому назад И. М. Сеченов указал на то, что ребёнок первоначально

воспринимает звучащее слово как один из компонентов чувственной группы, включающей зрительные, слуховые, тактильные и прочие ощущения (в терминах Сеченова – «чувственные конкреты»), без которых не может реализоваться символическая функция слова; только на базе «чувственных конкретов» посредством процессов абстрагирования через анализ и синтез, сравнение и классификацию могут далее формироваться «мысленные абстракты», сохраняющие свои чувственные корни, хотя видимая связь с ними может утрачиваться. Таким образом, увязывание слова с разнообразным (чувственным и рациональным) опытом как фундаментом, на котором базируется функционирование слова как такового, имеет давнюю историю. Более того, установлено, что слово вызывает также те или иные эмоционально– оценочные переживания. К сожалению, стремление соблюдать «чистоту» лингвистического подхода к слову в своё время привело к обвинениям в «психологизме» тех учёных, которые настаивали на необходимости исследования реальной жизни языка у его носителей, а требования учёта «фактора человека» при исследовании языковых явлений до сих пор преимущественно остаются пустыми декларациями.

Цель этой книги – показать, что жизнь слова как достояния человека, познающего мир, чувствующего, мыслящего и эмоционально-оценочно переживающего всё воспринимаемое, напрямую связана с тем, что лежит за словом в памяти индивида как члена социума и личности, адаптирующейся к естественному и социальному окружению при взаимодействии тела и разума, по закономерностям нейрофизиологической и психической деятельности и под контролем принятых в культуре норм и оценок. Для изучения особенностей слова в таком понимании необходим интегративный подход, учитывающий новейшие результаты исследования человека с позиций ряда наук.

Считаю своим долгом особо подчеркнуть, что предлагаемые в этой книге выводы и теоретические соображения сложились при опоре на труды многих отечественных учёных, на материалы моих экспериментов, а также на результаты научных изысканий моих учеников и коллег. Всем им приношу сердечную благодарность и надеюсь, что эта моя публикация окажется полезной для дальнейшего развития теории значения слова как достояния индивида.

А. Залевская

Тверь, 15.04.2014

ВВЕДЕНИЕ
На пути к интерфейсной теории значения

Вводные замечания

Tempora mutantur et nos mutamur in illes…

Предлагаемая теория значения слова является плодом многолетних теоретических раздумий и экспериментальных исследований, проводившихся на базе русского и других языков в условиях владения одним и более языками. Ставилась цель понять и объяснить специфику значения слова как индивидуального знания, формирующегося и функционирующего по закономерностям психической деятельности индивида, но под контролем социума и шире – культуры. Это был путь от системно-структурного анализа лексикосемантических вариантов значения слова к интегративному (изначально психолингвистическому) подходу, учитывающему специфику слова как достояния индивида. В ходе разработки теоретических основ исследования того, что лежит за словом у пользующегося языком человека, и в соответствии с динамикой общенаучных метафор имел место переход от понятия единой информационной базы индивида к метафоре «живой мультимодальный гипертекст».

Подробное изложение основных этапов моего пути поисков ответа на основной вопрос: «что там – за словом?» даётся во введении к книге[1]; здесь ограничусь только самыми основными сведениями, объясняющими закономерность выхода на понятия «живое слово», «живой мультимодальный гипертекст», «интерфейсная теория значения слова».

1. От системно-структурного анализа к интегративному подходу

Каждый исследователь испытывает на себе влияние современных ему научных теорий и популярных общенаучных метафор. Поэтому вполне естественно то, что первоначально анализ значения исследуемых слов вёлся мною по линии разложения значения слова на лексико-семантические варианты и выявления компонентов значения, общих для тех или иных слов или различающих их на некотором основании. Однако уже первые эксперименты с носителями языка показали, что для индивида могут оказаться значимыми основания для связей, которые представляются недопустимыми с точки зрения строгого лингвистического подхода, что, в частности, привело к введению экспериментально обоснованных терминов «симиляры» и «оппозиты» для случаев, когда факты переживания индивидом наличия близости или противопоставленности значений слов имеют место, но не могут получить объяснения с позиций строгого лингвистического анализа. Например, считается, что синонимами могут признаваться только слова, принадлежащие к одной и той же части речи, однако психологически принадлежность к части речи выступает как деталь поверхностного уровня языка, на что в свое время указал Дж. Миллер[2]. Так, при выполнении задания записать слова, близкие по значению, были зафиксированы пары слов типа: *идти – пешеход; кончать – финиш (з*десь и далее примеры из моих экспериментов обозначаются курсивом). Подобным образом примеры типа *квадратный – круг* при выполнении задания записать слова, противоположные по значению, оказываются свидетельствами связи на глубинном уровне смыслов (в данном случае важен признак ‘форма’ как основание для противопоставления, возможно – с опорой на зрительные образы именуемых объектов, но несомненно – без учёта принадлежности соотносимых именований к одной и той же или разным частям речи). Не менее интересным представлялся и встреченный в газетном кроссворде пример, в котором требовалось записать слова с противоположным значением, при этом фигурировали пары слов типа *Монтекки – Капулетти*, что, с одной стороны, может трактоваться как лингвистическая необразованность составителя этого кроссворда, а с другой – показывает, что носитель языка решает задачи установления близости или противопоставленности на основании не столько значений слов,

сколько признаков именуемых словами объектов (в широком смысле, т.е. действий, состояний, ситуаций и т.д.).

Весьма показательными оказались материалы экспериментов с немедленным и отсроченным воспроизведением слов, предъявлявшихся в ходе разного рода ассоциативных экспериментов. Были обнаружены ошибки воспроизведения, классифицированные мною как «приписки» и «подмены». Так, при наличии в экспериментальном списке одного – двух примеров, относящихся к некоторой категории, в записях испытуемых можно было обнаружить более или менее полный перечень других членов той же категории (например, терминов родства, именований домашних животных, цветообозначений и т.д.). Иногда испытуемые вспоминали не слово, фигурировавшее в экспериментальном списке, а его синоним или симиляр, антоним или оппозит, общее именование категории и т.д. Были также прослежены примеры опосредованного рядом смысловых переходов поиска слова, так или иначе связанного с искомым.

Основания для связей между словами в лексиконе человека устанавливались также при анализе оговорок и речевых ошибок в родном или изучаемом языке. Так, высказывание очередного докладчика «Как только что сказал *Иван Демьянович*…» вызвало общий смех присутствующих, поскольку ранее выступавшего звали *Петр Гурьянович*, что выявило взаимодействие таких оснований для поиска слова в памяти, как количество звуков/букв, отнесение к категории личных имён, к тому же исконно русских и широко распространённых (Иван, Петр) и/или устаревших Демьян, Гурьян).

Особый интерес для исследования представили ошибки в речи на втором или третьем языке, что позволило выявить различные виды связей на основе формы и значения слова, а также внутриязыковые и межъязыковые контаминации разных видов, в том числе обусловленные этнокультурной спецификой процессов категоризации и/или эмоционально– оценочного переживания значимости какого-то признака объекта, не обязательно существенного, но, возможно, характерного или приписываемого объекту в некоторой лингвокультуре.

Совокупный корпус экспериментальных данных, полученных мною в 1970–1980-е годы с применением разных исследовательских процедур в условиях владения одним, двумя и тремя языками, в сочетании с широким межъязыковым/межкультурным сопоставлением ассоциативных норм разных языков убедительно показал, что за словом у индивида лежит широчайшая сеть разнородных многократно пересекающихся связей, устанавливаемых по множеству оснований разных

модальностей и уровней обобщённости. Это привело к разработке методики анализа экспериментальных материалов с выходом на «глубинный» уровень и позволило описать принципы организации внутреннего лексикона человека как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы, в которой имеет место органическое взаимодействие языковых и энциклопедических знаний индивида, а также социально принятых и личностно переживаемых смыслов, норм и оценок. При этом специфика единиц лексикона выводилась мною с опорой на представления о механизмах становления символической функции слова у ребёнка, на результаты моделирования процесса речемыслительной деятельности человека, на обнаруженные механизмы поиска слов в памяти и установления связей между ними. Результаты этой многолетней работы описаны в моей докторской диссертации и в книгах[3].

Установленные в экспериментальных исследованиях факты не могли не привести к выводу о необходимости исследования того, как слово действительно «живёт» в качестве достояния индивида – представителя вида и личности, т.е. была поставлена задача рассмотреть специфику «живого слова» в отличие от слова, описываемого в словарях с позиций лексикосемантической системы языка как самодостаточной сущности.

Дело в том, что пользующийся языком человек фактически не различает слово и именуемую им вещь, для него важны признаки именуемого объекта (действия, состояния и т.д.), связанные с этим объектом ситуации, эмоционально-оценочные переживания, возможные следствия и перспективы, а также многое другое, что выходит далеко за рамки логико– рационального описания языковых явлений. Особенности слова как такового идентифицируются и осознаются носителем языка в случаях затруднений при говорении и/или понимании речи, при встречах с разными проявлениями «языковой игры», а чаще всего – в связи с речевыми ошибками. В таких случаях вступает в действие метаязыковая активность (linguistic awareness), хотя в повседневной речевой деятельности человека операции со словом протекают на уровнях бессознательного контроля, только в случаях необходимости требуя перехода на уровни сознательного контроля или актуального сознавания.

Иначе говоря, лингвист анализирует слово как ИМЯ вещи, а для носителя языка существенно прежде всего имя ВЕЩИ как таковой, к тому же включённой в некоторую ситуацию и увязываемой с определённым эмоционально-оценочным отношением-переживанием. Эти исходные позиции играют весьма важную роль в том отношении, что во втором случае

актуализируются связи по более широкому кругу оснований, к тому же оказываются значимыми многие факторы, выходящие за пределы компетенции лингвистики (личностные, социальные, ситуативно– обусловленные и т.д.). Главное же состоит в том, что для индивида значимы множественные опоры, сформированные в процессах переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта взаимодействия с естественным и социальным окружением. Особо подчёркиваю то, что речь идёт о продуктах познавательной деятельности и общения, а это означает, что язык выступает в качестве одного из психических процессов и функционирует во взаимодействии с памятью, мышлением, вниманием, воображением, эмоциями и т.д., ибо только слаженный ансамбль механизмов психической деятельности человека способен обеспечить адаптацию индивида к окружающей его среде. Сказанное не снижает роли языка как психического процесса, выполняющего роль специфического интерфейса между индивидом и обществом, между «внутренним» (образом мира личности) и «внешним» (средой), однако успешное выполнение этой роли напрямую зависит от «целостности» человека, воспринимающего мир при взаимодействии тела и разума, динамике уровней осознаваемости, постоянном переживании отношения к окружению и месту самого себя в этом мире. Вполне естественно, что для исследования значения слова в названном ракурсе лингвистический подход оказывается недостаточным.

Осознание сути и важности учёта сказанного выше привело к признанию необходимости разработки интегративного (изначально – психолингвистического) подхода к анализу значения слова при трактовке языка как одного из психических процессов человека, включённого в постоянные взаимодействия с естественным и социальным окружением и испытывающего влияние комплекса внешних и внутренних факторов.

Постановка задачи реализации интегративного подхода к значению слова потребовала интенсивной работы по двум основным линиям:

I – обоснования теории, согласующейся с целью исследования слова как достояния пользующегося языком индивида;

II – реализации широкой программы экспериментальных исследований с набором исследовательских процедур, отвечающих изучаемому объекту и исходной системе координат.

Результаты экспериментальной работы освещаются в ряде книг[4], здесь речь идёт о путях разработки психолингвистической теории значения слова.

2. От понятия единой информационной базы человека к метафоре «живой мультимодальный гипертекст»

Итак, начальный этап работы в названном выше направлении включал исследование принципов организации внутреннего лексикона человека как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы. Особенности слова как единицы лексикона рассматривались с учётом путей становления символической функции слова в онтогенезе, опыта моделирования процесса речемыслительной деятельности индивида, для разных этапов которой требуются те или иные характеристики значения слова, а также по результатам экспериментов с носителями одного, двух и трёх языков и наблюдений над речевыми ошибками в естественных ситуациях общения и в условиях учебного двуязычия/многоязычия.

В ходе разработки психолингвистической теории слова мною почти сорок лет тому назад в публикации[5] было введено понятие единой информационной базы человека – совокупного продукта переработки разнообразного (в том числе речевого) опыта индивида. Это принципиально важное положение изначально снимало жёсткие границы между понятиями языковых и энциклопедических знаний и объединяло в единую систему связей продукты переработки вербального и невербального опыта.

Рассматриваемая база была названа *информационной* не только из-за популярного в то время общенаучного информационного подхода, но прежде всего для того, чтобы акцентировать важность учёта аккумулированного ранее знания для решения текущих познавательных и коммуникативных задач.

Определение *единая* должно было подчеркнуть, что названная база объединяет продукты переработки не только коммуникативного опыта, т.е. не ограничивается единицами вербального кода, но включает перцептивные образы различных модальностей, когнитивные единицы разных уровней обобщения и эмоционально-оценочные переживания, соответствующим образом маркирующие вербальные составляющие опыта.

Слово *база* стало ключевым из тех соображений, что без общей платформы невозможно ориентироваться в окружающем мире и взаимодействовать при общении: всё воспринимаемое (в том числе через посредство слов, выполняющих всего лишь медиативную функцию) идентифицируется через призму уже

имеющегося в совокупном опыте, обеспечивая коммуникантам саму возможность находить «точки соприкосновения», ныне именуемые «разделяемым знанием», без чего понимание читаемого и воспринимаемого со слуха, как и взаимопонимание между общающимися, оказались бы недостижимыми.

Уточнение *единая информационная база человека* было своевременным и существенным в условиях, когда всё связанное с языком рассматривалось исключительно с позиций трактовки языка как общественного явления, функционирующего и развивающегося по своим собственным законам.

Принципиально важным в публикации 1977 года было фокусирование на роли слова как **средства доступа** к единой информационной базе человека, формирующейся по закономерностям психической жизни индивида, но под контролем социума и – шире – культуры. С опорой на работы российских учёных (в том числе И. М. Сеченова, Л. С. Выготского, Л. В. Щербы, Н. И. Жинкина) было показано, как через своеобразную переработку (термин Л. В. Щербы) многообразного опыта и с множеством глубинных переходов при формировании сначала чувственных конкретов, а затем – мысленных абстрактов (термины И. М. Сеченова) слово начинает играть роль, сходную с ролью лазерного луча при считывании голограммы. Известно, что голограмма характеризуется, в частности, объёмностью и тем, что по её части можно восстановить целое, повернуть это целое различными гранями, увидеть его в разных ракурсах. Подобно этому слово «высвечивает» в индивидуальном образе мира некоторый объект (действие и т.д.), включённый в определённую ситуацию; при этом и объект, и ситуация могут обернуться любой гранью при их изначально подразумеваемой целостности и эмоционально-оценочной помеченности (с позиций социума и/или личности).

Образ лазерного луча при считывании голограммы должен был показать, что для пользователя языком в естественных ситуациях (в отличие от условий лингвистического анализа) важно не слово само по себе, а именно то, что стоит **за** словом (т.е. хранится в памяти и может быть из неё извлечено во всём богатстве связей и отношений) в *единой информационной базе человека* (выделяю все составляющие этого термина курсивом, чтобы показать важность наиболее полного понимания моей трактовки этого термина теми, кому он оказался полезным в каких-то отношениях). В противовес общепринятым в то время представлениям о том, что со словом человек увязывает его значение в том виде, в каком оно представлено в словарях, и с учётом предложенного Н. И. Жинкиным понятия универсального

предметного кода было высказано предположение, что во внутреннем лексиконе человека функционируют единицы разных уровней обобщения (вспомним И. М. Сеченова!) – до мельчайших различительных признаков и признаков признаков, не всегда доступных для вербализации, но играющих роль опор для постоянно протекающих у человека (независимо от его воли и сознания) процессов анализа и синтеза, сравнения и классификации (снова И. М. Сеченов). Единицы наиболее высокого уровня обобщения (отвечающие задаче максимальной компрессии смысла и далеко не всегда поддающиеся вербализации) были в [Залевская 1977] увязаны с этапом формирования замысла высказывания в модели речемыслительного процесса, предусматривающей многократные петли обратной связи, которые должны обеспечивать соответствие продуктов каждого этапа этого процесса именно «разворачиваемому» исходному замыслу. Был сделан вывод, что для единиц каждого уровня обобщения характерен особый «синтаксис», поэтому активно дискутировавшийся в те времена вопрос о приоритете синтаксиса или словаря вообще подобен спору о первичности курицы или яйца.

Важным представляется и развитие почерпнутой у Л. В. Щербы идеи необходимости разграничения процесса и продукта речевой деятельности: такое разграничение помогло показать различия между процессами и получаемыми продуктами в двух ситуациях:

1. в ходе спонтанной переработки индивидом опыта познания и общения (по принципу «для меня – здесь – сейчас», т.е. в индивидуальных кодах и в соответствии с потребностями текущего момента на фоне взаимодействия комплекса внешних и внутренних факторов), что даёт *концепты как динамичные ментальные образования,* не всегда поддающиеся вербализации;

2. при строгой логико-рациональной и специфически целенаправленной метаязыковой деятельности исследователялингвиста, когда продуктом становится чёткая вербальная характеристика некоторых *конструктов*, по умолчанию принимаемых за адекватно отображающие нечто функционирующее как в социуме/культуре, так и у отдельных индивидов.

В той же работе было показано, что общность перерабатываемого в обоих случаях языкового материала (одного из аспектов языковых явлений в терминах Л. В. Щербы) и неразличение особенностей названных процессов привели лингвистов к отождествлению таких, по выражению Л. В. Щербы, теоретически несоизмеримых понятий, как языковая система

(грамматики и словари) и индивидуальная речевая организация (психофизиологическая по своей природе, но в то же время являющаяся социальным продуктом, а главное – формируемая самим носителем языка). Речевая организация человека как продукт своеобразной переработки опыта общения была фактически выделена и охарактеризована Л. В. Щербой как четвёртый аспект языковых явлений наряду с языковым материалом, языковыми системами и речевой деятельностью.

К числу важных результатов исследований 1970-х гг. относится выявление множественности оснований для связей между единицами лексикона индивида: такие связи формируются с опорой на разнообразные признаки и признаки признаков формы и значения слова, а также всего того, что так или иначе увязано со словом в многообразном опыте человека. Не случайно ещё в 1960-е годы рассматривался феномен «шести шагов», благодаря которым человек может установить связь между любыми двумя явлениями через их именования.

Дальнейшее развитие представлений о слове как достоянии индивида, о роли слова (и того, что лежит за ним в единой информационной базе) в речемыслительной деятельности и общении шло по различным направлениям. Так, в работе [Залевская 1982] было сделано уточнение специфики слова в индивидуальном лексиконе как точки пересечения множества связей по различным основаниям как продуктам переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта, в том числе не только по существенным признакам именуемых объектов (действий, состояний и т.д.), но по всем возможным видам признаков и, более того, по признакам признаков, каждый из которых может оказаться важным (существенным, характерным, актуальным) для некоторой личности в определённой ситуации. В книге [Залевская 1990] был обобщён опыт экспериментальных и дальнейших теоретических исследований в области лексикона человека, а в [Залевская 1988] описательным путем введена спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста, призванная показать расширяющиеся круги связей, выводных знаний и сопровождающих их переживаний, которые обеспечивают взаимопонимание при общении благодаря «раскручиванию» гипотетической спирали в двух направлениях: в прошлый опыт и в прогнозирование дальнейшего развёртывания ситуации по всем возможным линиям, из которых выбирается какая-то наиболее подходящая для текущего момента и отвечающая задаче «достаточного семиозиса».

Наиболее важной для уточнения понятия единой

информационной базы человека является книга «Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования» [Залевская 1992], в которой фактически произошел переход на другое наименование, хотя, по сути, первоначальная трактовка того, что лежит за словом у носителя языка, не изменилась. Термин «индивидуальное знание» продолжает подчёркивать принадлежность знания (ранее – единой информационной базы) человеку как субъекту деятельности и личности. Принципиально важным стало подразделение коллективного знания на два подвида ($КЗ_1$ и $КЗ_2$): под первым понимается функционирующее в культуре коллективное знание-переживание, а под вторым – только зарегистрированная в артефактах часть такого знания (тем или иным образом материализованные продукты протекающих в культуре процессов получения знания и пользования им в различных сферах жизни общества). Обратим внимание на следующие моменты.

Во-первых, была сделана попытка разобраться в том, как соотносятся между собой коллективное знание и индивидуальное знание[6], а это привело к демонстрации того, что индивидуальное знание тесно связано с обоими подвидами коллективного знания, в то время как научный анализ, ориентированный исключительно на $КЗ_2$ (на тексты, грамматики и словари), неизбежно оказывается редукционистским.

Во-вторых, были рассмотрены не только принципы функционирования индивидуального знания как психического феномена (что предполагает работу слаженного ансамбля психических процессов, их неразрывность, протекание таких процессов на различных уровнях осознаваемости и т.д.), но и разнообразные – ориентированные на познание и общение – функции слова в лексиконе человека, что получило дальнейшее развитие в [Залевская 2007]. Было показано, что для носителя языка функции слова оказываются двойственными, т.е. связанными и с общепринятым значением, и с тем, что лежит за словом у индивида. Так, медиативная (посредническая) функция проявляется в том, что общепринятое значение слова обеспечивает взаимопонимание между людьми, однако в то же время оно опосредует «выход» на единую информационную базу индивида, его образ мира, без чего слово не может быть пережито как знакомое, понятное, со всеми вытекающими отсюда следствиями.

В-третьих, тем самым (см. «во-вторых») фактически была сделана попытка осмыслить двойную жизнь значения слова, обращённого одной своей ипостасью к социуму, а другой – к личности. Это помогает объяснить, как названное в своё время

единой информационной базой человека «работает», обеспечивая успешность или ошибочность референции на уровнях индивидуального сознания и подсознания. Представлялось важным выяснить, как эта «работа» соотносится с современными научными описаниями соответствующих процессов и их продуктов. Некоторые соображения по этому поводу высказаны в книге [Залевская 2005]. Фокусированию на двойной жизни значения и на специфике значения слова как «живого знания» посвящены монографии[7]. Развитие мировой науки на рубеже XX и XXI веков сделало популярными новые общенаучные понятия и метафоры. В частности, особое внимание исследователей привлёк поликодовый текст[8], а понятие гипертекста проникло в разнообразные сферы деятельности человека, в том числе – легло в основу новых информационных технологий и составило неотъемлемую основу профессиональной и повседневной деятельности людей[9]. Это привело меня к пониманию того, что, в современных терминах, за словом лежит своеобразный поликодовый гипертекст. Он является поли– кодовым в том отношении, что имеет место взаимодействие языковых и неязыковых «кодов» разных модальностей: зрительного, слухового, тактильного и т.д., поэтому такой гипертекст точнее называть мультимодальным. Более того, обоснованное в моих работах 1970-х – 1980-х гг. представление о том, что лежит за словом у пользующегося языком человека, хорошо согласуется с понятием гипертекста, в то время как спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста фактически описывает поиск опор в таком гипертексте в соответствии с требованиями текущего момента: гипотетическая спираль развёртывается до уровня достаточного семиозиса, т.е. нахождения в нужной мере разделяемого знания.

Следует особо подчеркнуть, что независимо от используемого термина («единая информационная база», «индивидуальное знание» или предлагаемая ныне метафора «живой поликодовый/ мультимодальный гипертекст») мои исходные представления о том, что лежит у индивида за словом, вполне объясняют наблюдаемые со стороны или посредством рефлексии удивительные познавательные и коммуникативные возможности слова, которое живо только тогда, когда мы его не просто знаем (хотя при этом оно может оставаться «пустым звуком»), а переживаем как слитое с продуктами переработки многообразного опыта и всегда включённое во множество связей и отношений, вне которых не может восприниматься и опознаваться окружающий нас физический и социокультурный мир.

3. Выводы

Результаты анализа экспериментальных материалов привели к осознанию необходимости исследования специфики значения «живого слова» как продукта переработки многообразного опыта познания мира и общения.

Важными этапами на пути к интерфейсной теории значения слова явились:

– трактовка лексикона человека как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы;

– обнаружение множественности принципов организации лексикона;

– выявление специфики индивидуального знания;

– описание двойственных функций значения слова;

– применение метафоры голограммы;

– трактовка слова как узла пересечения множественных связей (в том числе по разным видам выводных знаний);

– моделирование процесса идентификации слова как средства выхода на индивидуальный образ мира.

Переход на метафору «живой мультимодальный гипертекст» не меняет сути первоначальных (сформированных в 1970-е гг. на основе теоретических раздумий и анализа экспериментальных материалов) представлений о наличии у человека единой информационной базы как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы связей между продуктами переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта взаимодействия индивида с естественным и социальным окружением.

Выражаю надежду на то, что современные метафоры сделают результаты моей многолетней работы более наглядными и доступными для выявления их теоретического потенциала.

Глава 1
ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вводные замечания

Основу этой главы составили доклады на трёх первенствах по научной аналитике: один из этих докладов был представлен по филологическим наукам и два – по философским. Ныне оказалось возможным не только расширить уже фигурировавшие тексты, но и дополнить их новыми данными и размышлениями. На самом деле проблематика этой главы (как и остальных глав) заслуживает более детального обсуждения и может быть развёрнута до монографии.

Логика изложения определяется тем, что научный термин, как и общеупотребительное слово, может переосмысливаться, т.е. утрачивать первоначальное значение и приобретать новые значения, что может вести к фактической омонимии терминов. Особую роль играет метафоричное использование научных терминов, при котором создаются ситуации их не вполне корректной трактовки, ведущей к заблуждениям и сомнительным выводам по анализу исследуемых объектов и отношений между ними. Поэтому ниже сначала демонстрируются примеры динамики значения некоторых терминов и общеупотребительных слов (раздел 1.1), после чего рассматривается роль общенаучной метафоры в познании и развенчиваются отдельные мифы как результат буквального прочтения метафоры (раздел 1.2). К числу устойчивых мифов относится и представление о том, что научная деятельность должна строиться исключительно на логико-рациональной основе, что побудило предпринять обсуждение роли логики, воображения, эмоции в познавательной деятельности человека (раздел 1.3).

1. Вопросы динамики значения научного термина и общеупотребительного слова

1.1. Примеры динамики значения научных терминов

Значение слова может размываться до фактической омонимии, а это противоречит самой сути термина и требует особого внимания к тем категориальным полям, в которые (со всеми вытекающими отсюда следствиями) могут входить неоднозначные термины.

Для примера возьмём термин «методология», с которым сталкивается любой учёный независимо от своей специальности.

Долгие годы российские языковеды ориентировались на то, что методология это «… учение о *принципах* исследования в науке о языке»[10], т.е. однозначно имелась в виду определённая «система исходных координат», базовых положений, следование которым направляет научный поиск, включая формулирование рабочей гипотезы и выбор исследовательских процедур для её проверки. Интересно, что ныне некоторые словари вообще не содержат дефиниции этого термина, включая лишь слово «метод» с определением: «(от греч. methodos – ‘путь, исследование, прослеживание’) – *способ* достижения определённой цели, совокупность *приёмов* или *операций* практического или теоретического освоения действительности»[11]. В других словарях имеет место определение понятия «методология» как учения «о *способах организации и построения* теоретической и практической деятельности человека»[12], иногда с уточнением и добавлением: это «система *принципов* и *способов* организации и построения теоретической и практической деятельности, а также *учение* об этой системе»[13].

Ни один из известных мне печатных словарей не отражает того, что ныне молодое поколение исследователей языковых явлений во многом ориентируется на доступную через сеть Интернет англоязычную научную литературу, в которой слово «methodology» нередко используется для обозначения набора используемых процедур (т.е. указывается, что некий приём или набор приёмов подходит для выявления искомых фактов или отношений), тем самым понятие методологии как системы исходных научных принципов расшатывается, а это создаёт представление о первичной важности не методологии, а *технологии* исследовательской работы. Основания для имеющей место подмены понятий прослеживается в авторитетном

американском словаре: «Methodology: 1. **a**. A body of *practices, procedures* and *rules* used by those who work in a discipline or engage in an inquiry; a set of *working methods*. **b**. The study or theoretical analysis of such working methods»[14]. Такое положение вещей подтверждается результатами поиска в сети Интернет.

Так, при обращении к [http://dictionary.reference.com/browse/methodology] в качестве первого значения рассматриваемого термина мы получаем дефиницию, согласующуюся с пунктом «а» дефиниции, приведённой выше по словарю[15]; на втором месте оказывается уточнение, что в философии под методологией могут пониматься: а) принципы и правила организации некоторой философской системы или исследовательских процедур; б) учение о принципах, определяющих организацию разных наук и проведение научных исследований. В качестве третьего значения особо выделяется использование термина «methodology» в образовании: это область педагогики, занимающаяся анализом и оценкой того, чему следует учить, и методов обучения. С этим хорошо согласуется широкое использование словосочетания «English Teaching Methodology», которое соответствует русскоязычному термину «*методика* обучения английскому языку».

В словаре Merriam Webster ограничивается двумя значениями термина «methodology»: первое из них объединяет «набор методов, идей и постулатов, используемых некоторой дисциплиной» и «определённую процедуру или набор процедур» (приводится пример: «He blamed the failure of their research on *poor methodology»)*, а второе прямо увязывает методологию с принципами или процедурами, применяемыми в определённой области (с уточнением: «See: methodology defined for English language learners»; пример: «For solving crossword puzzles *my usual methodology* is to begin by filling in all of the answers I'm reasonably sure of»). Обратим внимание на то, что философское происхождение и значение термина вообще не фиксируются, а примеры ориентируют на технологию, а не методологию, Более того, в качестве синонимов слова «methodology» в этом источнике названы слова line, course, policy, procedure, program, а в качестве близких по значению – слова blue-print, plan, scheme, strategy, intent, intention, purpose, design, approach, direction, path, pathway.

Очень важный ракурс освещения особенностей современного использования слова «methodology» мы находим в словаре Merriam Webster: это слово уже попало в категорию buzzwords – слов, которые становятся популярными и используются не всегда правильно. Указывается, что в данном случае имеет место ошибочное отождествление слов «methodology» и «method» при

утрате исходного эпистемологического значения обсуждаемого термина. Аналогичную ситуацию мы фактически наблюдаем в отношении русскоязычного термина «методология». Попутно замечу, что термин «метод» также является неоднозначным: зачастую его философское значение подменяется более узкой (относящейся к некоторой специальной области науки) или вообще бытовой трактовкой, сводящей «метод» до уровня частного приёма.

Сплошной просмотр статей, которые встречаются при поиске в сети Интернет, показывает, что слово «methodology» входит во многие словосочетания, наглядно свидетельствующие об утилитарном его использовании, см., например: Software development methodology, Risk Rating Methodology, Political methodology, Programming methodology и т.п., что можно рассматривать в качестве практических приложений *методологии как технологии*.

Соотношение выявленных значений обсуждаемого термина можно представить с помощью схемы (см. рис. 1.1).

МЕТОДОЛОГИЯ
МЕТОДОЛОГИЯ1
МЕТОДОЛОГИЯ2
Система принципов и способов организации теоретическкой и практической деятельности
Учение о системе принципов и способов организации деятельности
ТЕХНОЛОГИЯ (набор приёмов и правил реализации деятельности)
в науке
в производстве
*в быту
описание и оценка деятельности с точки зрения её внутренней организации
рекомендации и нормы, которыми следует руководствоваться в деятельности

Рис. 1.1. Значения слова «методология»

Обратим внимание на то, что знак «*», сопровождающий направление использования обсуждаемого термина «в быту», т.е. в качестве популярного слова, утратившего свое первоначальное значение, указывает на неоправданное расширение значения слова «методология» (вспомним пример с «методологией решения кроссворда», где на самом деле речь идёт о предпочитаемой последовательности действий, которую правильнее называть «*стратегией* решения задачи»).

Итак, фактически имеют место разные трактовки термина «методология», и хотя в реальном исследовании «методология

как система исходных принципов» и «методология как технология» взаимодополнительны, следует признать, что в данном случае создавшаяся омонимия разнонаправленных по свой сути терминов может иметь печальные последствия для развития науки о языке. Выражаю надежду на то, что разграничение приведённых трактовок будет способствовать сохранению роли фундаментальных исследований методологической (общенаучной и специально-научной) направленности (по линии МЕТОДОЛОГИИ$_1$) в традициях подлинно научного изыскания.

В связи с феноменом перехода термина в категорию buzzwords с постепенной утратой исходного значения до полной десемантизации и превращения в «пустышку» (используемую просто как модное слово, без которого современный человек вроде бы обходиться не может) вспоминаются слова типа «концептуальный». Например, в популярной утренней радиопередаче (рубрика «Утро на кухне») на днях прозвучало:

«Как Вы относитесь к такому завтраку *концептуально*?» Без этого слова и/или других слов того же корня теперь не обходятся диссертанты, авторы научных публикаций, ораторы, выступающие в дискуссиях разного рода, но что именно в каждом конкретном случае понимается говорящим и тем более – воспринимается слушающим? Достаточно вспомнить отзыв официального оппонента о кандидатской диссертации, которая «представляет собой «*концептуальное исследование* выбранной темы». Создаётся впечатление, что о смысле в таких случаях просто не задумываются.

Попытки «осовременить» давно функционирующие и всем понятные наименования посредством использования слова «концептуальный» демонстрируются иногда самими пользователями через последующее разъяснение типа: «КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАТИКА (Толковый словарь по информатике)» [ИНФОРМАТИКА http]. Думается, в подобных случаях просто-напросто срабатывает житейская логика типа: «и мы не лаптем щи хлебаем…».

Близкий случай – становящееся модным использование калькированного термина «нейминг», неоправданное применение которого стало появляться в студенческих работах и звучать на языковедческих конференциях.

Динамику значения термина можно также проследить на примере слова «концепт», которое первоначально использовалось в русскоязычных публикациях как калька с английского *concept* в роли синонима термина «понятие»[16]. Стремление оказаться «в ногу» с современной наукой привело к пандемии исследований

«концептов» при весьма смутном понимании того, какая сущность так именуется. Не обсуждая здесь различные трактовки этого термина, ограничусь только общими выводами по результатам моих наблюдений за последние годы.

Фактически в подавляющем большинстве исследований того, что авторы называют концептами, на базе словарных дефиниций и/или текстов анализируются: объём и содержание понятия, лексико-семантические варианты слова, лексико-семантические поля, наборы семантических единиц разных наименований и уровней и т.д., т.е. с использованием «концептуальной» терминологии (и нередко с уточнением, что исследуется так называемая «когниция») рассматривается слово как *единица лексико-семантической системы языка*, а не то, что лежит за словом, с одной стороны, в этнокультуре, а с другой – в индивидуальном знании– переживании. То, что концепт как «сгусток» культуры», «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и т.д. именно переживается человеком, наглядно показал Ю. С. Степанов[17]. Именно поэтому в своё время было оправданным обращение к термину «концепт» для акцентирования необходимости выхода за пределы понятия в сферу реального функционирования того, что лежит за словом у пользующегося им индивида со всеми вытекающими отсюда следствиями. Но человеку свойственно принимать желаемое за действительное: именно это произошло при массовом стремлении выявить и описать концепты, выход на которые осуществляется через анализ языковых единиц и текстов, а именно, произошло отождествление феномена познавательной и речемыслительной деятельности человека – *концепта* – с продуктами лингвистического анализа единиц лексико-семантической системы языка – *конструктами*. Напомню, что на недопустимость прямого отождествления продуктов «своеобразной переработки» речевого опыта индивидом и результатов научного анализа языкового материала для описания языковых систем указал в 1930-е годы Лев Владимирович Щерба! Ещё раньше А. А. Потебня говорил о том, что слово живёт не так, как оно описывается в словаре (к этому мы вернёмся ниже).

Отсюда следует, что изучение концептов требует непосредственного обращения к носителю *языка как одного из психических процессов*, функционирующего не изолированно, а при взаимодействии с другими психическим процессами (восприятием, памятью, мышлением, воображением и т.д.). Это означает, что необходим интегративный подход с позиций ряда наук о человеке, включая психологию познавательных процессов, нейронауки и подлинную когнитивную лингвистику, а не простое

оперирование терминами «когниция», «когнитивный», «концептуальный» и т.п.

Таким образом, мы снова сталкиваемся с методологической проблемой: нужна соответствующая система исходных постулатов, определяющая базовые принципы интегративного подхода, которые в свою очередь направят выбор технологии научного поиска для проверки хорошо сформулированной рабочей гипотезы относительно специфики строения и/или функционирования того, что именно может пониматься под концептом как достоянием человека – представителя вида, члена социума (носителя той или иной культуры) и личности, включённой в постоянные взаимодействия разных видов.

Особо подчеркну, что при различных трактовках концепта этот термин включается в разные категориальные поля с вытекающими отсюда следствиями и ожиданиями, т.е. имеет место своеобразная омонимия терминов.

Особую сложность и путаницу вызывают термины, совпадающие с общеупотребительными словами, примерами этого могут служить термин «лексикон» и словосочетания типа: «лексикон человека», «ментальный лексикон», поскольку под лексиконом иногда понимаются разные сущности. Этот пример заслуживает более подробного рассмотрения.

Этимология обсуждаемого слова (со ссылкой на словарь М. Фасмера) следующим образом объяснена в «словаре Wiktionary»:

> «Происходит от др. – греч. λεξικόν (βιβλίον), букв. «словарная (книга)»; из λέξις «слово». Русск. лексикон – впервые у П. Берынды (1627 г.); заимств. через нем. Lexikon (XVII в.) или, подобно последнему, – книжным путем из лат. lexicon».

Динамику значения слова «лексикон» в русском языке можно проследить, начиная со словаря В. И. Даля. Так, во втором томе этого словаря содержится следующее толкование: «Лексиконъ – м. словарь, речникъ, словотолкъ, словотолковникъ»[18]. В словаре С. И. Ожегова разграничены два значения рассматриваемого слова: «Лексикон, – а, м. 1. То же что словарь (в 1 знач.; устар.) Французский л. 2. Запас слов, лексика (книжн.). У него бедный запас л.»[19]. Уточню, что на с. 720 того же словаря под 1-м значением слова «словарь» понимается «1. Сборник слов в алфавитном порядке, с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык». В «Толковом словаре иноязычных слов»[20] фактически повторены данные словаря С. И. Ожегова: «1. Устар. Словарь. Ср. вокабулярий, глоссарий, конкорданс, тезаурус. 2. Запас слов: Л. у него богатый». Таким образом, мы

можем разграничить два общепринятых значения слова «лексикон»: ЛЕКСИКОН$_1$ (‘перечень слов с толкованиями’) и ЛЕКСИКОН$_2$ (‘словарный запас’).

Для сопоставления обратимся к динамике значения соответствующего слова в английском языке. Начнём со словаря Вебстера, опубликованного в 1854 году, где указывается, что слово «Lexicon» греческого происхождения, оно имеет следующее значение: «a dictionary; a vocabulary, or book containing an alphabetical arrangement of the words in a language, with the definition of each, or an explanation of its meaning»[21]. Теперь возьмем авторитетный современный словарь английского языка «The American Heritage Dictionary of the English Language», где приводится три значения того же слова: «1. A dictionary. 2. A stock of terms used in a particular profession, subject, or style; a vocabulary: the lexicon of surrealist art. 3. Linguistics. The morphemes of a language considered as a group»[22]. Фактически к базовому значению рассматриваемого слова (т.е. ЛЕКСИКОН$_1$) добавились два терминологических значения: ЛЕКСИКОН$_3$ (‘перечень слов, используемых определённой группой людей’, ‘справочник’) и ЛЕКСИКОН$_4$ (‘лингвистический термин’), что создаёт основания для омонимии терминов.

Обратим внимание на то, что пометы «устар.» и «книжн.» для слова «лексикон» в словарях С. И. Ожегова и Л. П. Крысина, возможно, соответствовавшие положению дел в годы составления этих словарей, противоречат ситуации сегодняшнего дня, как и отнесение к числу устаревших приведённых для сопоставления слов «конкорданс» и «тезаурус», поскольку эти слова становятся всё более популярными в качестве терминов новых информационных технологий. Последнее побуждает обратиться к электронным поисковым системам для выявления особенностей функционирования слова «лексикон» в новом информационном пространстве.

Следует прежде всего особо подчеркнуть, что результаты поиска в сети Интернет[23] нельзя сразу принимать за полностью достоверные и современные – необходима проверка по разным параметрам. Так, первый же предлагаемый поисковыми системами источник – викисловарь [ru.wiktionary.org/wiki/лексикон] повторяет сведения, почерпнутые из печатных словарей, сохраняя содержащиеся там пометы:

1. *книжн. филол.* словарь, преимущ. иностранных слов ◆ Французский лексикон.

2. с *книжн. устар.* собрание слов, сведений, выражений, справочник в форме словаря ◆ Технический лексикон.

3. *разг.* запас слов, лексика ◆ У него грубый лексикон.

◆ Слов модных полный лексикон.

А. С. Пушкин, «Евгений Онегин».

Правомерность помет «книжн.» и «устар.» для значения под рубрикой «2» опровергается первым же взглядом на многостраничный перечень наименований в результатах предпринятого поиска, а тем более – содержанием последних. Приведу только несколько примеров расшифровок наименования «Лексикон»:

– Словарь покерных терминов;
– Лексикон популярных заблуждений;
– Антивзяточный лексикон;
– Милицейский лексикон;
– Лексикон красоты;
– Лексикон демона;
– Лексикон современного интеллигента;
– Лексикон настоящей балерины;
– Лексикон гопников;
– Лексикон Новой и Новейшей драмы.

На сайте РИАНОВОСТИ[24] приводится статья «Лексикон мигранта или Сертификат за 780 выученных русских слов», а по окончании телепередачи можно услышать или увидеть на экране следующую информацию: «Фильм озвучен студией “Лексикон”». На этом фоне значение ЛЕКСИКОН$_3$ трудно признать устаревшим!

Слово «лексикон» нередко выступает в качестве наименования некоторой организации или мероприятия типа:

– Языковой центр «Лексикон» (курсы, обучение, репетиторство);
– Интернет-журнал «Лексикон»;
– Ролевая игра «Лексикон»;
– Туристическое агентство «Лексикон»;
– Бюро переводов «Лексикон»;
– Лексикон оркестр.

В связи с распространённостью такого использования слова «лексикон» возможно выделение этой его функции в качестве ЛЕКСИКОН$_5$ (‘название’). За названием такого типа может скрываться и многотомное издание. Так «Психологический лексикон» [ПЛЭС 2005 http] представляет собой энциклопедический словарь в 6 томах (История психологии в лицах). Другой пример: Lexicon Entertainment (речь идёт о разработке и издании компьютерных игр). Вполне естественно, слово «лексикон» в таких условиях становится широко известным (в том числе детям – через компьютерные игры), при этом нередко в отрыве от его первого, базового значения (иногда – как

имя собственное).

Представляется важным выделить в качестве самостоятельного значения ЛЕКСИКОН$_6$ – компьютерную программу особого назначения, подробно описанную в источнике[25]. Тем самым мы имеем основание снова вернуться к значению ЛЕКСИКОН$_4$ (‘лингвистический термин’). Поиск в Сети выводит и на словосочетание «лексикон человека», которое представляет собой психолингвистический термин, по своему значению близкий к термину «ментальный лексикон»[26].

Таким образом мы приходим к выводу, что зафиксированное в словаре значение ЛЕКСИКОН$_4$ (‘лингвистический термин’) явно оказывается зауженным: этот термин является не только лингвистическим, он также и психолингвистический, и термин информатики, т.е. требует отнесения к более общей категории «научный термин», а значит – снова, на другом уровне, возникает омонимия терминов, поскольку каждая наука (или даже отдельный научный подход в рамках одной науки) вкладывает в термин соответствующее содержание и включает его в определённое категориальное поле с приписыванием именуемому объекту специфических признаков, свойств, связей и т.д.

Возникает проблема: следует ли раздельно нумеровать все терминологические значения рассматриваемого слова или разумнее объединить эти термины через общее значение ‘научный термин’. Однако, именование ЛЕКСИКОН$_3$ (‘перечень слов, используемых определённой группой людей’, ‘справочник’) также является терминологическим. В то же время различия между лингвистическим термином «лексикон» и психолингвистической трактовкой его омонима настолько велики и принципиальны, что их нельзя подводить под одну и ту же рубрику. Более того, приведённое выше словарное определение термина «лексикон» отражает только один из подходов к лексикону с позиций лингвистической теории (вспомним хотя бы о том, что в некоторых концепциях лексикон трактуется как «придаток» грамматики), а диапазон психолингвистических определений лексикона требует написания отдельной работы по этому конкретному вопросу[27]. Иначе говоря, если мы обратимся к многочисленным научным публикациям, в которых слово «лексикон» выступает в качестве термина, то количество требуемых индексов значительно увеличится в зависимости от привлекаемых научных направлений, выработавших специфическое понимание сути и особенностей именуемого объекта. Необходимо также принимать во внимание динамику научных взглядов приверженцев активно развиваемой теории при творческом подходе к ней. С учётом этих соображений

представляется возможным подразделить имеющиеся трактовки слова «лексикон» на две основные группы: к первой из них окажутся отнесёнными общеязыковые (общеупотребительные) значения, а ко второй – все терминологические значения с разноуровневыми подгруппами, при этом значение ‘словарь’ оказывается общим для обеих групп (см. обобщающую схему на рис. 1.2).

Рис. 1.2. Значения слова «лексикон»

Следует признать, что, во-первых, общеязыковые значения ‘словарь’ и ‘запас слов’ являются базовыми для терминологического (возможно – метафоричного) употребления слова «лексикон», а во-вторых, общеязыковое значение может в определённой мере совпадать с терминологическим. Например, о запасе слов как лексическом минимуме речь идёт в лингводидактике, одной из целей которой является определение необходимого и достаточного количества слов для овладения тем или иным языком (родным, вторым или иностранным), установление параметров отбора слов для включения их в состав соответствующего минимума, к тому же ещё и с подразделением по целям продуктивного или рецептивного владения лексикой.

При этом возникает ситуация, чреватая смешением разных понятий, лежащих за словом «лексикон». Например, говоря о «лексиконе билингва», авторы нередко имеют в виду именно ‘запас слов’, в то время как терминологическое значение этого словосочетания может быть связано не с количеством слов или с их лингвистическими характеристиками, а с особенностями хранения и функционирования слов контактирующих языков у носителя двуязычия.

Ситуация с использованием термина «лексикон» в психолингвистике очень сложна и противоречива, поскольку наряду с существованием междисциплинарного научного направления исследований по проблеме «ментальный лексикон», издании международного научного журнала под таким названием и т.п.[28] высказывается мнение, что само понятие «лексикон» является излишним, от него следует отказаться[29]. Эта проблема требует обсуждения в отдельной работе, поэтому ограничусь здесь примером многозначности термина «лексикон» в информатике.

Анализ разнообразных дефиниций термина «лексикон» в публикациях из области информатики позволяет сделать заключение, что под словом «лексикон», входящим в разные словосочетания (в том числе – «лексикон программирования», «лексикон программиста» и т.д.), могут пониматься сущности разных направлений: методологического[30], технологического[31], терминологического[32], реализационного (в качестве продуктов деятельности программистов, т.е. работающих компьютерных программ[33].

Вариативность использования слова «лексикон» в информатике можно представить с помощью схемы (см. рис. 1.3).

Рис. 1.3. Значения термина «лексикон» в информатике

На всех названных направлениях использования термина «лексикон» в информатике происходит постоянное обновление трактовки состава и сути именуемых сущности, т.е. во всех названных случаях имеют место «открытые системы», за динамикой которых трудно уследить.

Совместив рис. 1.2 и 1.3, мы получим схему, наглядно демонстрирующую наличие многоуровневой омонимии терминов.

Приведённые примеры многозначности терминов с возможной утратой их первоначального значения (и, нередко, важной методологической сути) представляются достаточными для общего вывода о том, что настало время остановиться и оглядеться, чтобы для самих себя разобраться: о чём, что и как

мы говорим. Возможно, некоторые термины, а с ними и соответствующие теории, требуют уточнения или даже пересмотра, позволяющего избежать неоднозначности и, более того – создавшейся «пустоты» слов, в своё время нёсших важную смысловую нагрузку. Например, не случайно уже наметилась тенденция ухода от использования термина «концепт», появились попытки отказа от него и замены его иным термином с учётом свойств именуемого объекта. К этому вопросу мы вернёмся в Заключении, а теперь обратимся к примерам динамики значения слов общеязыкового употребления.

1.2. Примеры динамики значения общеупотребительных слов

Проверка рабочей гипотезы, согласно которой в критические периоды жизни общества создаются условия для выявления особенностей развития значения слова и вхождения в обиход новых (в том числе – заимствованных) слов, проводилась мною в двухэтапном эксперименте с носителями русского языка, проживающими в разных регионах России (гг. Киров, Курск, Тверь, Уфа, Улан-Удэ) и за её пределами – в Республике Казахстан (Алматы, Шымкент) и на Украине (Киев). Набор заданий, названный мною психолингвистическим портретированием лексики, включал 5 экспериментальных процедур: свободный и направленный ассоциативные эксперименты, субъективное шкалирование по 7-балльной шкале и два варианта дефинирования. Полученные от 1200 испытуемых материалы анализировались при сопоставлении результатов двух «срезов»: 1993 и 2010–2011 гг.[34]. Исследовались 60 слов, которые в разведывательном эксперименте были названы наибольшим количеством испытуемых (далее – Ии.) в качестве слов, вошедших в русский язык за предшествующие годы, изменивших значение или вызывающих иные эмоционально– оценочные переживания.

Прежде всего следует отметить, что не все слова правильно идентифицировались носителями русского языка; то и дело обнаруживались весьма приблизительные или вообще неверные представления относительно того, что именно должно пониматься под тем или иным словом. Стратегии поведения Ии. различались – от отказа от выполнения задания (были оставлены пустые строки или сделаны записи типа: *не знаю, ничего в голову не приходит* и т.п.) до попыток найти какую-то формальную, структурную или семантическую опору для идентификации значения предложенного в эксперименте слова.

В качестве опор при неверной идентификации слов могут

выступать близкие по форме слова (здесь и далее исследуемые слова обозначаются заглавными буквами, записи Ии. приводятся курсивом). Так, слово БРОКЕР некоторыми Ии. было подменено словом «бройлер»: об этом свидетельствуют ассоциативно связанные с ним слова типа: *цыплята, курица, ферма* ;слово БОЕВИК опознано как «броневик»: дана дефиниция: *военная машина для боевых действий*; некоторые Ии. перепутали слова МЕНТАЛИТЕТ и «суверенитет», определив значение первого из них как *независимость*; слово НАМЕСТНИК вызвало большие трудности, что проявилось в записанных Ии. словосочетаниях типа «НАМЕСТНИК *престола*» (идентифицировано как «наследник») и «НАМЕСТНИК *статский*» (идентифицировано как «советник»). Создаётся впечатление, что для носителей русского языка это слово не вполне понятно, о чем можно судить по записям типа: НАМЕСТНИК *поместья, крестьян, крестьянский, усадьбы, дачного хозяйства, деревенский, фермы* и т.п.

Обратим внимание на то, что подмены одних слов другими касаются как заимствованных, так и исконно русских слов. Наибольшее количество отказов от дефиниции получено на заимствованные слова: ЛЕГИТИМНОСТЬ, МАРКЕТИНГ, МЕНТАЛИТЕТ, НУВОРИШ.

Характер попыток Ии. догадаться о значении трудного слова разнообразен: НУВОРИШ – *богач, очень богатый, без понятия, черт его знает, восточный начальник, член какой-то религиозной секты, язык или нация, диссидент, несущий в себе черты чего-то нового* и т.п. (поиск вёлся по линиям: «новый» / «богатый»; иногда включалась фантазия).

Ответы на слово БРОКЕР – *маклер, коммивояжер, дилер,* показывают, что слова этой группы плохо различаются теми, кто не имеет прямого отношения к соответствующим сферам деятельности и не сталкивался с ситуациями, требующими соответствующих именований; в то же время ответы типа: *работник банка, посредник, продавец, спекулянт* говорят о весьма смутных представлениях о том, чем занимается брокер, и о принципе суждений типа: «*я точно не знаю, что это, но уверен – это что-то плохое*».

Некоторые примеры прослеженных сдвигов в значении того или иного слова приводятся ниже по итогам вертикального анализа (т.е. сопоставления данных 1993 и 2010–2011 гг.). Так, для слова АКЦИЯ в 1993 было актуальным значение ‘ценная бумага’. В 2011 г. на первый план выходят значения: ‘торговое мероприятие’ (*скидки, распродажа, уценка, специальное предложение*), и ‘рекламный ход с целью привлечь покупателей’.

В экспериментальных материалах разъяснению значения

идентифицируемого Ии. слова сопутствует выражение некоторого отношения к объекту, именуемому этим словом. Так, БИЗНЕСМЕН в 1993 г. воспринимался прежде всего как *спекулянт, делец, вор, бездельник; пронырливый человек, делающий деньги из воздуха*; в 2011 г. это: *предприниматель, деловой человек, владелец бизнеса, человек дела*, хотя и сохраняется единичная отрицательная оценка – *торгаш*, т.е. прослеживается сдвиг от преимущественно отрицательной оценки называемого бизнесменом человека к преимущественно положительной.

Аналогично этому человек, именуемый словом ДЕЛОВОЙ, в 1993 г. воспринимался преимущественно как *наглый, крутой; высовывающийся, где не просят;* в 2011 г. превалируют записи типа: *связанный с делом, занятой, предпришмчивый, связанный с предпринимательством, хваткий, пробивной, активный, серьезный, целеустремленный, продуктивный, знающий свое дело* при сохранении малочастотных записей типа: *строящий из себя слишком умного человека, нахальный, наглый, самодовольный, выделывающийся, высокомерный, амбициозный*.

Интересна динамика значения слова ДЕРЕВЯННЫЙ: в 1990-х гг. для него стало популярным значение ‘дешевый’, наглядно проявившиеся в частотной записи: РУБЛЬ – *деревянный*. В 2011 г. такая связь перешла в разряд малочастотных; на первый план вышло значение ‘сделанный из дерева’. С учётом создавшейся в последнее время конъюнктуры рынка можно прогнозировать, что в недалеком будущем слово ДЕРЕВЯННЫЙ станет увязываться со значением ‘подлинный, из натуральных материалов, поэтому дорогой’.

Для слова РАЗВАЛ в 1990-е гг. стало широко использоваться в значении ‘рынок’; ныне самой частотной стала запись «*схождение-развал*», связанная с ремонтом автомашины; такие записи сделаны как мужчинами, так и женщинами, т.е. гендерные различия не проявились.

Появление новых словосочетаний или изменение степени актуальности уже имевшихся или теоретически возможных для носителей русского языка сочетаний слов согласуется с динамикой соответствующих реалий повседневной жизни общества. Так, если в 1990-е годы была очевидной привлекательность *свободного* РЫНКА и значимость РЫНКА *вещевого* (он же – РАЗВАЛ), то теперь на первый план вышел РЫНОК *труда*. По тем же причинам стала актуальной и сочетаемость слов, ранее не регистрировавшаяся в экспериментах. Например, к сочетаниям БАНК *данных, крови, донорской крови* добавились БАНК *спермы, тестов*. Вполне естественно, что ранее не могла быть актуальной ДОСТАВКА

пиццы, ДЕПУТАТ увязывался с *Верховным Советом*, а не с *Государственной Думой*; в настоящее время ПРИВАТИЗАЦИЯ перестала вызывать представление о *ваучере* и т.д.

Основные выводы по результатам этого исследования таковы:

а) носитель языка может не иметь чёткого представления о значении хорошо известного ему (даже употребляемого им) слова;

б) идентификация значения слова может реализоваться через смутное представление о некоторой области деятельности или ситуации, с которыми как-то может быть связан именуемый словом объект;

в) может иметь место фокусирование на некотором возможном или воображаемом признаке или признаке признака именуемого словом объекта;

г) идентифицируемое слово может вызывать ярко проявляющиеся эмоционально-оценочные переживания;

д) могут иметь место сдвиги в значении слова и в вызываемых им эмоционально-оценочных переживаниях;

е) представительный корпус экспериментальных данных свидетельствует о постоянном взаимодействии множества оснований для «выхода» индивида на многомерный образ мира как базы для переживания слова как понятного.

Главное состоит в том, что при идентификации слова как такового носитель языка использует стратегии и опоры, которые каким-то образом помогают ему найти хотя бы крупицы разделяемого с другими людьми знания и на этой основе **достроить через встречное конструирование** полезные для понимания и взаимопонимания образы, ситуации, отношения, следствия и т.д. Это происходит благодаря «выходу» на внутренний контекст предшествующего опыта со всеми возможными и воображаемыми ситуациями и выводными знаниями. Иначе говоря, речь идёт о том, что понимание слова индивидом обеспечивается взаимодействием ряда процессов и продуктов поиска (по множеству признаков и признаков признаков) разнообразных вербальных и невербальных опор в многомерной мультимодальной сети продуктов переработки опыта познания мира и общения.

Фактически то же самое происходит при функционировании некоторых научных терминов в гуманитарных науках: воспринимаемый термин «вписывается» в уже имеющуюся сеть многообразных связей и отношений; срабатывают общечеловеческие механизмы «достраивания», своеобразного «моделирования» того, о чём может идти речь. При этом нередко желаемое может идентифицироваться как действительное,

вследствие чего происходит включение в «не то» категориальное поле с приписыванием термину внутреннего контекста, не отвечающего его парадигмальному значению. Но в отличие от обыденной жизни, где оперирование «расплывчатыми множествами» в определённой мере допустимо, научная деятельность требует ответственности за полноту понимания сути того, что именуется термином.

Приведённые примеры дают основания для вывода, что для исследования слова как достояния индивида, т.е. «живого слова», требуется соответствующая методология, способная учесть специфику языка как одного из психических процессов, совокупность которых обеспечивает адаптацию человека к условиям естественного и социального окружения. Необходим переход на новую парадигму, суть которой передаётся метафорой «живое знание» (см. следующий раздел главы). Более подробно проблема живого знания рассматривается в книгах: [Залевская 2011; 2012] (см. также работы Г. Г. Шпета, Л. С. Выготского, В. П. Зинченко).

2. Роль общенаучной метафоры в познании

Каждый из известных периодов развития науки характеризуется наличием некоторой общей идеи, которая сначала может не замечаться или резко критиковаться (вспомним о «лженауке кибернетике»[35]), но постепенно становится популярной, широко используется и владеет умами исследователей, пока не появится что-то новое, влекущее за собой переход на иную парадигму.

Цель предлагаемого раздела – привлечь внимание к тому, что сформировавшаяся в некоторой науке идея при её преломлении в других областях научного знания может становиться метафорой, влекущей за собой образование некоторых весьма живучих мифов, и если первоначально принимаемая метафора могла быть импульсом для нового видения исследуемых объектов, т.е. давала положительный эффект, то со временем порождённый ею миф может стать тормозом, своеобразным предрассудком, не позволяющим выйти за рамки того, что предписывает своеобразно трактуемая (т.е. фактически переосмысленная) исходная метафора (точнее – то, к чему она привела).

После выявления динамики общенаучных метафор (от «машинной» до метафоры «живое знание») будут рассмотрены некоторые мифы, сформировавшиеся в лингвистике под воздействием этих метафор, и показаны особенности идеи «живого знания» как фундамента для разработки интегративного подхода к человеку как представителю вида, члену социума и личности, адаптирующейся к сложному взаимодействию с естественным и социальным окружением при воздействии комплекса внешних и внутренних факторов на пересечении биосферы, психосферы, социосферы и ноосферы[36].

2.1. Динамика общенаучных метафор

Известно, что существовавшая в свое время единая наука философия далее получила развитие через всё более узкую специализацию наук, что в свою очередь привело к осознанию необходимости интеграции наук на новом уровне большей объяснительной силы. Особую роль в разработке подходов интегративного типа сыграли некоторые общенаучные идеи, становившиеся знамениями времени и с готовностью подхватывавшиеся представителями разных областей знания, видевшими в этом основания или средства для прорыва в будущее. В таблице прослеживается динамика некоторых

общенаучных метафор, так или иначе связанных с познавательной деятельностью человека.

Роль метафор в обыденном и научном познании раскрыта Л. А. Микешиной: «глобальные» метафоры способствуют созданию универсального образа мира, предпосылок и основы «для понимания и формирования обыденных и научных представлений о мире в целом, о процессах природы и общества»[37]. Приведённые в таблице общенаучные метафоры отвечают этому определению и отображают динамику представлений о возможных генеральных принципах построения и объяснения образа мира в научном и обыденном знании.

Обратим внимание на то, что каждый из названных генеральных принципов важен, их совокупность обеспечивает разностороннее видение объекта, однако гипостазирование любого из них как самого-самого важного (или даже единственного, имеющего особую объяснительную силу) ведёт к формированию «шор», не позволяющих видеть объект в иных ракурсах.

Таблица

Более того, своеобразная «пандемия» схватывания новой глобальной идеи может приводить к расширенной трактовке областей приложения того или иного принципа. В качестве примера не могу не вспомнить, как в угаре всеобщего «информационного помешательства» я выполнила экспериментальное исследование с целью вычисления «информационной нагрузки» нового слова иностранного языка[38], однако вскоре опомнилась и перешла к обсуждению проблемы возможностей и границ применения популярных в то время исследовательских приёмов для решения задач гуманитарных наук (т.е. поставила вопрос: «бит» или «не бит» в ситуации анализа языковых явлений?). К сожалению, некоторые возникающие в связи с научными метафорами мифы оказываются весьма «живучими» и продолжают так или иначе проявляться в

современных научных теориях, ставящих задачи объяснения познавательных процессов человека, хранения и функционирования языка.

2.2. Метафоры и мифы

Отголоском *машинной* метафоры можно считать до сих пор дискутируемый вопрос: является ли язык отдельным, самостоятельным «органом», «модулем» и т.п., т.е. можно ли трактовать язык как «колёсико» в слаженном механизме, где каждый «модуль» специфичен и строго отграничен от других. Это миф, который развенчивается с позиций целостного подхода к человеку, поскольку у последнего только условно – в целях научного анализа – можно разграничивать составляющие слаженного ансамбля соматических и психических процессов, обеспечивающих успешность адаптации индивида к сложному взаимодействию многих внешних и внутренних факторов.

Аналогичным образом рассматривается и лексикон человека, моделируемый как самостоятельный «блок» (модуль), в свою очередь состоящий из отдельных «блоков», в которых раздельно хранятся языковые и энциклопедические знания, а языковые знания к тому же разграничены на «отсеки» для хранения звуковых образов слов, графических образов, грамматических «правил» и т.д. Продукты «концептуализации» во многих моделях лексикона представлены как существующие отдельно от приводящих к ним перцептивных и когнитивных процессов, к тому же оказываются «стерильными» вне связей с эмоционально-оценочными переживаниями индивида и усвоенными им социально принятыми нормами и оценками. В основу представлений об организации индивидуального лексикона, как правило, ложится принцип логико-рационального упорядочения по иерархии категорий разных уровней обобщения с учётом необходимых и достаточных признаков объектов, что полностью отвечает задаче «объективности» научного описания, но не согласуется с современными концепциями специфики реального функционирования человека как представителя вида и как личности, включённой в социальные взаимодействия разных уровней (от микросоциума до этнокультуры).

Информационная метафора бытует в устойчивых мифах, согласно которым язык «содержит», «хранит» и «передаёт» информацию, а слово «означает» само по себе, благодаря «содержащимся в нём» компонентам значения.

Компьютерная метафора проявляется, например, через исчисление предикатов, переносимое из практики разработки

компьютерных языков на функционирование естественного языка.

Попытки перехода на *мозговую* метафору привели к массовому исследованию «концептов», под которыми в большинстве случаев понимается либо понятие, либо описываемая в словарях семантическая структура слова, а переход на новую («концептуальную») терминологию только прикрывает миф, согласно которому языковые явления продолжают трактоваться как существующие в голове отдельно от других видов знания, что противоречит принципам функционирования мозга.

Развенчивание подобных мифов требует рассмотрения их с позиций новых подходов к познанию.

На рубеже тысячелетий многое меняется в научных представлениях о мире и человеке. В центре внимания оказывается «человек познающий» со всеми вытекающими отсюда следствиями[39]; для решения связанных с этим задач оказывается необходимым «междисциплинарное мышление» – интегративный подход, способный построить теорию большой объяснительной силы за счёт эффекта эмерджентности (возникновения нового знания не как простой суммы результатов, полученных в разных областях науки о человеке, а как перехода на более высокий уровень видения объекта).

Ведущей, «глобальной» метафорой, направляющей поиск в этом направлении, по моему убеждению, становится метафора «живое знание», не случайно фигурировавшая ещё в работах Л. С. Выготского и Г. Г. Шпета[40]. Метафоры «живое знание», «живое слово» изначально ориентируют на динамику, жизнеспособность, включённость в определённые «контексты» и взаимодействия.

Подробное рассмотрение специфики живого знания и, соответственно, «живого слова» содержится в следующей главе. Однако до этого представляется важным остановиться на том, что обеспечивает жизнеспособность, красочность, прогностическую силу, эвристический потенциал познания.

3. Абстракция, эмпирия, воображение и эмоция в научном исследовании и в обыденном знании

В соответствии с общими тенденциями развития мировой неклассической науки на стадии постмодерна интерсубъектное (распределённое между носителями языка и культуры) познание должно стать объектом интегративных исследований, фокусирующихся на ЧЕЛОВЕКЕ ПОЗНАЮЩЕМ, который осуществляет деятельность познания мира как в научном поиске, так и в повседневной жизни (в обоих случаях решаются познавательные и коммуникативные задачи на основе наблюдаемых или прогнозируемых явлений и ситуаций с опорой на уже имеющиеся знания как продукты переработки индивидуального опыта и наследия науки и/или культуры).

В число ключевых понятий такого исследования входят также ЗНАНИЕ, ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, рассматриваемые не столько в качестве предельно абстрактных продуктов философствующего разума, сколько в связи с ЧЕЛОВЕКОМ ПОЗНАЮЩИМ, через посредство изучения которого выявляются закономерности адаптации индивида к условиям естественного и социального окружения. Это означает, что для теории познания оказывается небезынтересным рассмотрение многих взаимосвязанных феноменов и фактов, в том числе:

– фактов общности и различий между научным и обыденным знанием;

– многомерности образа мира у человека;

– взаимодействия тела и разума;

– роли эмоционально-оценочных переживаний в познании;

– роли языка в познании;

– самоорганизации разностороннего опыта человека в целях готовности к решению плохо сформулированных познавательных проблем;

– способности делать выводы на основе знания как расплывчатого множества в условиях неоднозначности ситуации и т.д.

Всё это должно способствовать чтению законов в явлениях[41]. В этой связи ниже обсуждаются некоторые вопросы, связанные с реальным познавательным процессом и с его особенностями, а именно – вопросы соотношения между логикой, опытом, воображением и эмоцией как взаимодействующими ипостасями процесса познания.

Начнём с того, что ЧЕЛОВЕК ПОЗНАЮЩИЙ находится на пересечении четырёх сфер: БИОсферы, ПСИХОсферы, СОЦИОсферы и НООсферы, взаимодействие которых оказывает на него постоянное воздействие (см. рис. 1.4).

В процессах познания индивид применяет разнообразные когнитивные процедуры, требующие как дедукции, так и индуктивного вывода, генерализации и дифференцирования при линейности и нелинейности воспринимаемого, системности последнего или наличия порядка, специфичного для хаоса, – учёт постоянного взаимодействия названных сфер и действий необходим для перехода исследования универсальных познавательных способов и приёмов на новый уровень высокой объяснительной силы за счёт фокусирования на человеке в реальных жизненных ситуациях.

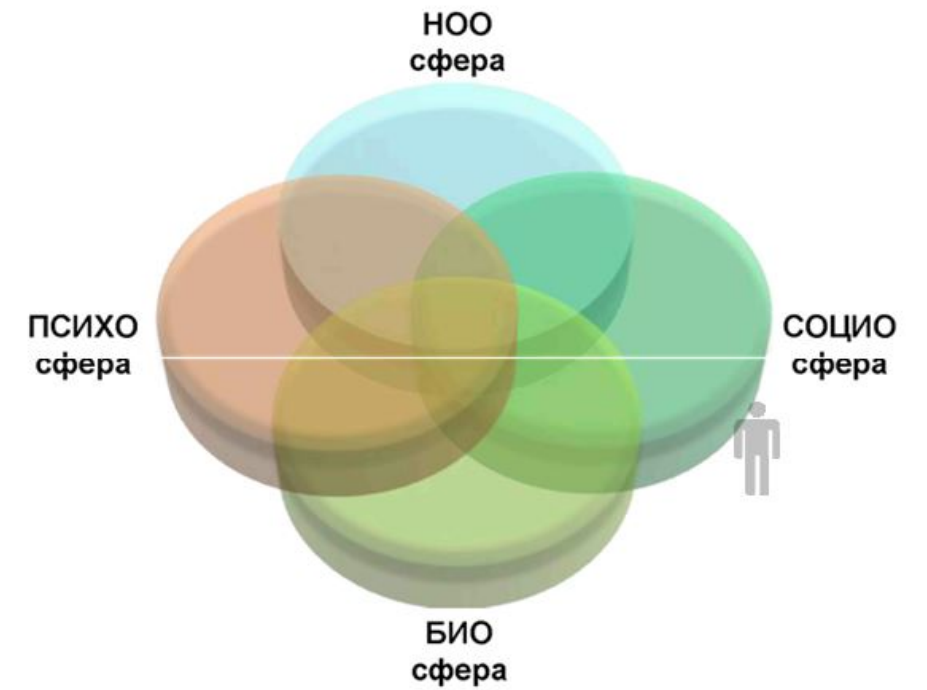


Рис. 1.4. Современные представления о специфике функционирования человека в окружающем его мире

Именно через исследование человека (философа или носителя обыденного знания) – через призму его видения мира – открываются «фундаментальные основы бытия, принципы его познания и основополагающие ценности, которыми руководствуются человек и человечество»[42]. Однако долгое время фокусирование на человеке скорее декларировалось философией

познания, чем действительно реализовалось, поскольку вынесение живого человека «за скобки» было нормой вследствие стремления получить «объективную истину» за счёт изгнания каких-либо проявлений «субъективности»[43]. Веками исключительно логико-рациональное рассуждение признавалось единственным надёжным орудием научного познавательного процесса. Основания для признания роли логики в научном поиске суммированы мною с помощью схемы, составленной на основании информации из книги [Петровский, Ярошевский 2003] (см. рис. 1.5).

Однако не логикой единой познаётся мир! Логика основывается на совокупном опыте познания, получаемого при взаимодействии тела и разума, индивида и социума (вспомним о распределённом характере знания и познания); ЧЕЛОВЕК ПОЗНАЮЩИЙ не только мыслит, он чувствует и эмоционально-оценочно переживает воспринимаемое и осмысливаемое. Признавая роль человека в познании, философия должна признать и то, что речь идёт *живом* человеке с вытекающими отсюда следствиями.

Рис. 1.5. Роль логики в научном поиске

Обратим внимание на то, что даже при попытках строгого

следования требованиям логико-рационального анализа (как единственно допустимого пути получения «объективного» научного знания) то и дело проявляется замечательное достояние человека – его воображение, которое подсказывает опорные образы или намекает на них, достраивает классификационные схемы, служит опорой для эвристического поиска и неожиданных открытий. Результаты этого фиксируются в языке и нередко входят в совокупный опыт мировой науки и культуры как «закреплённое» (поименованное) знание о всеобщем, выступая в то же время в роли сигналов о закономерностях самого процесса познания, подмеченных нередко именно носителями обыденного знания (в том числе – народной мудростью).

История мировой науки изобилует примерами того, как мыслители прошлого строили фундаментальные концепции разных аспектов сути бытия и познания мира, опираясь на своё воображение и на его продукты – языковые метафоры, эпитеты, сравнения. Вспомним хотя бы образы, связанные с источниками знания: античную метафору «чистой доски» (tabula rasa), метафору родовспоможения у Сократа, пифагорейское представление об ученике как факеле, который требуется зажечь, библейскую метафору выращивания зерна и т.п.; метафоры Ф. Бэкона, определявшего заблуждения отдельного человека как проявление «идолов пещеры», разумения «толпы» как проявление «идолов площади», а заблуждения, освящённые авторитетом философов (теперь бы мы сказали: сформировавшиеся под воздействием некоторой популярной парадигмы) – «идолами театра».

Образы лежат и в описании великих открытий, направивших развитие науки по новому пути: вспомним «формулу трёх “В”» (по словам *bath, bed, bus*, именующим ситуации, в которых сделали свои открытия Архимед, Менделеев и Пуанкаре). Приведу и образное высказывание М. К. Мамардашвили: «Становление философского знания – это всегда внутренний акт, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия»[44] (глагол *вспыхивает* «запускает» наше воображение с его богатыми эвристическими и эмоционально– оценочными возможностями), ср. аналогичный образ:

«Молнии спинозовской мысли освещают»[45]. Метафорой «живое знание» пользуются Г. Г. Шпет[46], Л. С. Выготский[47], В. П. Зинченко[48], что составляет новый ракурс рассмотрения проблем знания и познания.

Подобные метафоры, сравнения, эпитеты фактически оказываются продуктами попыток найти всеобщее в единичном и/или объяснить обобщаемые факты.

Признание роли обыденного знания, наличия многообразия «познавательных практик» и необходимости синтеза последних[49] – значительный шаг вперёд по пути разработки интегративного подхода к проблематике теории познания. Но фокусирование на человеке требует дальнейших шагов на этом пути. Наглядную демонстрацию того, что человек как личность существует только при взаимодействии рациональной и эмоциональной составляющих, мы встречаем, например, в книге У. Эко[50], а также в работах нейролога А. Дамазио[51]. Поэтому точнее говорить о постоянном взаимодействии абстракции, опыта, воображения и эмоционально-оценочных переживаний в научном поиске и в обычных познавательных и коммуникативных жизненных ситуациях. Это хорошо согласуется с рассмотренными У. Эко [Eco 2000] яркими примерами реальных встреч людей с новыми существами и явлениями, которые требовалось понять и объяснить, что достигалось за счёт опоры на ранее известные образы и их признаки. Специфику познавательного поиска отражает схема на рис. 1.6.

Рис. 1.6. Постоянное взаимодействие различных составляющих познавательного поиска

Представленная схема обобщает сведения, почерпнутые из разных источников, с добавлением характеристики конечного продукта как эмерджентного, т.е. возникающего через интеграцию, а не простое сложение взаимодействующих компонентов.

Особо подчеркну, что интеграция и эмерджентность представляются мне взаимодополнительными понятиями: только подлинная интеграция способна обеспечить возникновение нового знания как продукта подхода к объекту на новом уровне

познания.

Поставив во главу угла «человека познающего», формирующего живое знание, мы должны к формуле Рене Декарта «Cogito, ergo sum» («Я мыслю, следовательно, существую») добавить базовое положение Джона Локка: «Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu» («В разуме нет ничего такого, что не содержалось бы раньше в чувстве») или обратиться к мнению психолога Н. И. Жинкина[52], определявшего сенсорику и интеллект как совместно работающие (комплементарные) механизмы.

Сказанное выше необходимо для воплощения в жизнь принципа единства чувственного и рационального, к которому добавляются также воображение и эмоционально-оценочные переживания человека, его изначальная включённость в естественное и социальное окружение. Только взаимодействие механизмов и процессов перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки вербального и невербального опыта познания мира способно обеспечить кумулятивный эффект встречного конструирования образов, ситуаций, возможных следствий и выводных знаний разных видов как залога успешности адаптации человека к постоянно изменяющимся условиям среды, влияния внешних и внутренних факторов.

Глобальная метафора «живое знание» важна не только для разностороннего исследования ЧЕЛОВЕКА ПОЗНАЮЩЕГО, в том числе – учёного, которому свойственно всё, характерное для живого человека (Homo sum: humani nihil a me alienum puto). Огромную роль ориентация на живое знание должна играть в совершенствовании всей системы образования – от дошкольного до повышения квалификации кадров: не случайно в своё время Л. С. Выготский резко выступал против распространённого в образовании заучивания вербальных формулировок, которые остаются пустым, «мёртвым» знанием (см.: [Выготский 1935]).

Полагаю, что именно прогнозируемый мною переход научного сообщества на «глобальную» метафору ЖИВОЕ ЗНАНИЕ как закономерный продукт динамики общенаучных метафор будет способствовать мощному прорыву в разносторонних научных изысканиях, имеющих как теоретическую, так и практическую значимость. То, что такой переход фактически уже реализуется, находит отражение в мировой науке о человеке, языке, знании, в попытках увязать человека, природу и общество в целях решения актуальных проблем, с которыми ныне столкнулись обитатели планеты ЗЕМЛЯ.

Выводы

Значение слова может подвергаться расширению вплоть до потери исходного значения. В условиях терминологического использования слов это может вести к фактической омонимии терминов, входящих в разные категориальные поля со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Анализ экспериментальных материалов показывает, что носитель языка может иметь весьма приблизительное представление о значении общеупотребительного слова; в отличие от этого пользование термином требует чёткого определения именуемой им сущности и последовательного соблюдения соответствующих требований к его корректному применению.

Частичное или полное переосмысление научного термина может вести к многоуровневой омонимии терминов и сигнализировать о необходимости перехода на новую парадигму, способную обеспечить исходную «систему координат», которая отвечала бы потребностям развития теории в соответствии с вызовами текущего времени.

Динамика общенаучных метафор, отражающая сменяющиеся принципы формирования базовых представлений об образе мира как опор для построения теорий высокой объяснительной силы, привела к осознанию важности перехода на метафору «живое знание» со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Переход на новую парадигму требует разработки методологии как «системы координат», определяющей специфику соответствующего научного (интегративного) подхода к значению слова как «живому знанию».

В число условий успешности разработки такой методологии и соответствующей ей технологии научного поиска входит учёт взаимодействия разных составляющих процесса познавательной деятельности человека (тела и разума; логики, воображения, интуиции, удивления, эмоционально-оценочных переживаний и т.д.), что обеспечивает эффект эмерджентности при функционировании значения слова как в науке, так и в обыденной жизни.

Глава 2
СЛОВО В ПАРАДИГМЕ «ЖИВОЕ ЗНАНИЕ»

Вводные замечания

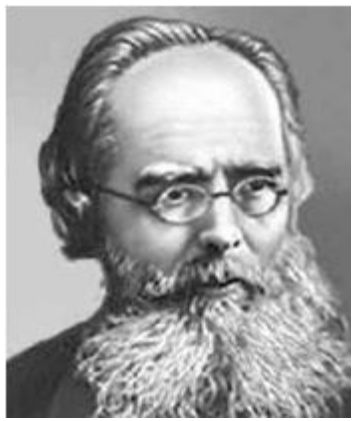
В этой главе приводятся некоторые трактовки понятия «живое знание», прослеживаются подступы к трактовке языка и слова как живого знания в работах российских учёных. Двойная жизнь значения слова трактуется как основная предпосылка для разработки интерфейсной теории значения живого слова.

Следует прежде всего подчеркнуть, что проблема живого знания издавна затрагивалась учёными с позиций разных подходов. Всё более частыми становятся ссылки на книгу С. Л. Франка «Живое знание» (1923), на ряд работ Г. Г. Шпета, например, [Шпет 2009] (см. также перечень публикаций Шпета в работе: [Зинченко 2000: 206]); детальное обсуждение этой проблемы имеет место в книгах В. П. Зинченко (например, [Зинченко 1997; 1998]) и др. Однако задолго до этого уже ставилась задача разграничить «слово в словаре» и «слово в голове», поэтому представляется важным привести некоторые высказывания учёных относительно специфики функционирования языка у индивида (см. раздел 2.1), что оказывается непосредственно связанным с проблемой двойной жизни значения слова (раздел 2.2). Совокупность высказываемых в связи с этими проблемами положений можно трактовать как фактическую подготовку почвы для перехода к парадигме живого знания в связи с особенностями значения слова как достояния индивида.

1. «Слово в словаре» и слово «в голове»

1.1. «Живое слово» в классических работах российских языковедов

Необходимость учёта специфики реальной жизни слова была уже давно замечена российскими мыслителями (обратим внимание на то, что наука, в русле которой они вели свои исследования, называлась языко**ведением** или языко**знанием**). Так, Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891) ещё в 1862 году в своей книге «Мысль и язык» писал следующее:



> «… пример предрассудка мы видим в понятии о слове. Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, как оно является в словарях. Это всё равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания» [Потебня 1976: 466].

Это можно трактовать как указание на необходимость обращения к слову как живому знанию в противовес его препарированию в научных и учебных целях. Следует особо подчеркнуть, что предрассудок, отмеченный Потебней полтора века тому назад, оказался не только живучим, но и процветающим в наши дни…

Непосредственную связь между такой трактовкой слова и спецификой значения слова у индивида можно проследить и в акцентировании роли лежащего за словом представления о вещи:

> «… какой бы отвлечённости и глубины ни достигала наша мысль, она не отделается от необходимости возвращаться, как бы для освежения, к своей исходной точке, представлению»[53].

Приведённое высказывание Потебни удивительно созвучно идеям российского физиолога И. М. Сеченова, о котором речь пойдёт ниже. В то же время Потебня неоднократно останавливался на специфике процессов понимания и взаимопонимания, на результатах этих процессов, а также на роли слова в названных процессах. При этом Потебня полностью принимал следующие положения из работ В. Гумбольдта:

> «Люди понимают друг друга не таким образом, что действительно передают один другому знаки предметов… и не тем, что взаимно заставляют себя производить одно и то же понятие, а тем, что *затрагивают друг в друге то же звено цепи чувственных представлений и понятий*… вследствие чего в каждом восстают *соответствующие, но не те же* понятия»[54]. К тому же «… всякое понимание есть вместе непонимание, всякое согласие в мыслях – вместе несогласие»[55].

А. А. Потебня особенно подробно рассматривает роль функционирования образов в процессах восприятия слов и их использования; фактически в его работах мы находим глубокий и разносторонний анализ того, как и благодаря чему слово оказывается способным обеспечивать взаимопонимание. А. А. Потебня подчеркивает, что «на слово нельзя смотреть как на выражение *готовой* мысли»[56] (сравним с высказываниями Л. С. Выготского о том, что мысль не выражается в слове, а формируется в нём, и С. Л. Рубинштейна о том, что формулируя мысль, мы формируем её).

Потебня высказал также свое мнение относительно различий между научными понятиями и обобщениями у человека: в слове объективированы определённые признаки образа объекта, но сам образ у человека значительно богаче и многомернее; при этом то, что фигурирует в науке, не только отличается от реальной жизни слова, но представляет собой нечто не существующее в действительности (в современных терминах в таком случае имеют в виду «конструкт»):

> «… единственный строительный материал науки есть понятие, составленное из объективированных уже в слове признаков образа»[57].

> «Логическое понятие, т.е. одновременная совокупность признаков, отличная от агрегата признаков в образе, есть *фикция*, впрочем, совершенно необходимая *для науки*»[58].

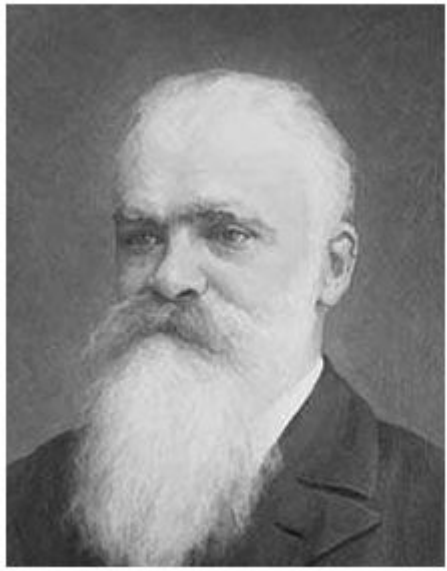
Потебня задумывался о специфике научного знания, о трудностях исследования действительности, которая на деле подгоняется под логически стройную систему постулатов; стремление уложить мир в такую систему сходно с попыткой достичь линии горизонта:

> «Наука тоже относится к действительности, но уже после того, как эта последняя прошла через форму слова; наука невозможна без понятия, которое предполагает представление; она сравнивает действительность с понятием и старается уравнять одно с другим…
>
> Наука раздробляет мир, чтобы сызнова сложить его в стройную систему понятий; но эта цель удаляется по мере приближения к ней, система рушится от всякого не вошедшего в неё факта, а число фактов не может быть исчерпано»[59].

Обратим внимание на то, что Потебня фактически указывал на ограниченность чисто логического подхода к анализу языковых явлений, фокусируясь на специфике значения слова и процессов понимания речи как психических феноменов. К тому же Потебня проявил озабоченность тем, что в наши дни привело Н. Хомского к признанию необходимости следовать «стилю Галилея», игнорируя факты, которые не вписываются в рамки принятой теории.

Не имея возможности подробно обсуждать идеи Потебни, рекомендую читателям обратиться к книге [Наумова Т.Н. 1990], где дана справедливая оценка заслуг этого гениального учёного перед российской и мировой наукой, особенно в связи с синтаксическим аспектом его учения. Вопросы теории значения слова и некоторые пути современной разработки идей Потебни в этой области освещаются в книге [Пищальникова 2005].

Известный российский языковед Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914) полагал следующее:



> «… ясно, что слова для нашего мышления являются известными знаками, так как, представляя себе в процессе мысли те или другие слова, следовательно, те или другие отдельные звуки речи или звуковые комплексы, являющиеся в данном языке словами, мы думаем при этом не о данных звуках речи, но о другом при помощи представлений звуков речи как представлений знаков для мысли»[60].

Фортунатова волновала знаковая функция слова и слияние слова для индивида с представлением об именуемом объекте. Приведённое выше высказывание по своей сути близко тому, на что во второй половине XX века указал психолог Н. И. Жинкин[61]: воспринимая строчку слов или последовательность звуков, человек видит обозначаемую ими действительность.

Фортунатов задумывался над проблемами взаимоотношения языкознания и логики, языка и мышления; он отграничивал «психологическое суждение» от предложения, различал «предложение в мысли» и «предложение в речи»[62]. Он полагал, что «… не только язык зависит от мышления, но и мышление, в свою очередь, зависит от языка»[63], и хотя Фортунатов обсуждал этот вопрос с позиций современных ему представлений, прослеживается связь между его рассуждениями и гипотезой лингвистической относительности, которая в последнее время снова становится актуальной.

О необходимости рассмотрения языковых явлений с позиций пользующегося языком человека высказывались и другие

российские языковеды. Так, Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) ещё в 1871 указал на необходимость разграничения *языка, речи* и *слова человеческого*, подчеркивая:

> «Нужно различать категории языковедения от категорий языка: первые представляют чистые отвлечения; вторые же – то, что живет в языке… Категории языка суть также категории языковедения, но категории, основанные на чутье языка народом и вообще на объективных условиях бессознательной жизни человеческого организма, между тем как категории языковедения в строгом смысле суть по преимуществу абстракции»[64].

Бодуэн де Куртенэ фактически разграничивал язык как *достояние человека* (как обусловленное бессознательными процессами «живое» знание) и продукты научного описания языка как *конструкты* – чистые отвлечения, абстракции. Высказывания Бодуэна де Куртенэ удивительно созвучны тому, что ныне утверждается в ряде работ по корпореальной семантике, биолингвистике и т.п.: он настаивал на том, что язык – это «одна из функций человеческого организма в самом обширном смысле этого слова»[65]; язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое сообщество. Согласно концепции Бодуэна де Куртенэ, как психические реальности существуют

одни только индивидуальные языки, точнее – «индивидуальные языковые мышления». В противовес некоторым современным борцам за «чистоту» лингвистического исследования, Бодуэн де Куртенэ обосновывал необходимость выхода за рамки языковедения:

> «Так как основа языка является чисто психической, центрально-мозговой, то, следовательно, языкознание относится к психологическим наукам. Но так как язык может реализоваться только в обществе и так как психическое развитие человека вообще возможно только в общении с другими людьми, следовательно, мы имеем право сказать, что языкознание – наука психологично-социологическая. Те же, которые считают язык “организмом” и относят языкознание к естественным наукам, заблуждаются»[66].

Приведённые и подобные им высказывания дают основания для вывода, что И. А. Бодуэн де Куртенэ, вопервых, разграничивал две ипостаси функционирование языка – индивидуальную и социальную, а вовторых, фокусировался на языке как достоянии индивида; поэтому он, в частности, ставил вопрос о трактовке языкознания как науки, непосредственно связанной и с психологией, и с социологией, и с физиологией, тем самым были намечены основы интегративного подхода к исследованию языковых явлений. В качестве одной из задач семасиологии было названо исследование психического содержания языковых явлений – представлений, связных с языком и движущихся в его формах, но имеющих независимое бытие как отражения «внешнего и внутреннего мира в человеческой душе за пределами языковых форм»[67].

Заметим, что в своё время по поводу концепции Бодуэна де Куртенэ высказывались обвинения в психологизме, который трактовался как «пройденный этап в современном языкознании»[68]. Думается, что в данном случае комментарии не требуются: имена строгих критиков и «навешивателей ярлыков» уходят в небытие, а идеи опережающих своё время мыслителей находят соответствующее место в поступательном движении науки, возрождаясь в новых «системах координат».

Николай Вячеславович Крушевский (1851–1887) полагал:

> «Язык представляет нечто, стоящее в природе совершенно особняком: сочетание явлений физиолого-акустических, управляемых законами физическими, с явлениями бессознательно-психическими, которые управляются законами совершенно другого порядка»[69].

Крушевский обратил особое внимание на роль ассоциативных процессов в функционировании слов у индивида и в их организации в памяти, что убедительно подтверждается результатами современных экспериментальных исследований[70]. В «Очерке науки о языке» (1883) Крушевский рассмотрел специфические особенности языка как достояния индивида и показал множественность связей слова по разным основаниям (по линиям парадигматики и синтагматики):

> «… каждое слово связано двоякого рода узами: *бесчисленными связями сходства* со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же *бесчисленными связями смежности* с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнёзд или систем слов и в то же время член известных рядов слов»[71].

Н. В. Крушевский не только указывает на то, что для носителя языка слово органично слито с представлением об обозначаемой им вещи (вещи в широком смысле, т.е. – о некотором объекте, действии и т.д.); он подчёркивает, что такое представление является целостным, включает все необходимые характеристики соответствующего объекта, действия, состояния, качества (ср. с трактовкой слова как средством доступа к образу

мира индивида):

> «…вследствие продолжительного употребления, слово соединяется в такую неразрывную пару с представлением о вещи, что становится собственным и полным её знаком, приобретает способность всякий раз возбуждать в нашем уме представление о вещи *со всеми и её признаками*»[72].

Приведённое высказывание Крушевского прекрасно согласуется, с одной стороны, с учением физиолога И. М. Сеченова о формировании знаковой функции слова (см. об этом ниже), а с другой стороны – с указанием психолога Н. И. Жинкина на то, что человек в естественном общении не разграничивает слово и именуемую им вещь (к этому вопросу мы неоднократно вернёмся).

Особый интерес для нас представляют идеи Льва Владимировича Щербы (1880–1944). В работе «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» Щерба фактически выделил не три, а четыре аспекта языковых явлений, обосновав роль речевой организации индивида как явления одновременно и психофизиологического, и социального, обусловливающего речевую деятельность и проявляющегося в ней.

Особо подчеркну, что разграничив социальную и индивидуальную ипостаси языка с признанием их постоянного взаимодействия, Щерба неоднократно предостерегал от отождествления таких, по его определению, теоретически несоизмеримых понятий, какими являются языковая система (т.е. словари и грамматики языков, выводимые лингвистами из языкового материла) и речевая организация индивида, которая выступает как индивидуальное проявление языковой системы, но не равно ей. Причины такого отождествления обсуждаются в работах [Залевская 1977; 2005; 2007].

> «… вообще все формы слов и все сочетания слов … создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента. <… > этот механизм, эта речевая организация человека никак не может просто равняться сумме речевого опыта … данного индивида, а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта. Эта речевая организация … может быть только … психофизиологической… Но само собой разумеется, что сама эта психофизиологическая речевая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом…»[73].

Щерба указал также на недостаточно чёткое отграничение описательной грамматики от грамматики нормативной, которая, по его мнению, неоправданно представляется «в окаменелом виде»; он был убеждён, что ответы на актуальные вопросы языкознания следует искать в самом индивиде, помещённом в те или иные социальные условия[74]. Приведённые высказывания представляются достаточными для вывода, что необходимость учёта двойной жизни языка уже давно была осознана рядом учёных. К сожалению, под давлением постулатов структурной лингвистики и вполне в традициях борьбы с «психологизмом в языкознании» российская наука о языке сфокусировалась на исследовании системности и нормативности языковых явлений, их «НАДындивидуальности», ограничившись декларированием необходимости учёта «фактора человека» и заменой некоторых терминов на более современные, что по своей сути остаётся в

русле построения описательных моделей языка.

В то же время для разработки модели объяснительного типа необходимо подходить к языку как одному из психических процессов человека. С этих позиций язык не существует без других психических процессов, таких как восприятие, память, мышление, внимание, воображение и т.д., каждый из которых делает свой вклад в формирование и функционирование языковых явлений не ради самих по себе, а в качестве специфических орудий доступа к индивидуальному образу мира для пользования им в процессах познания и общения.

Иными словами, от признания различий между словом в словаре и словом «в голове» необходимо перейти к целенаправленному исследованию того, как слово «живёт». Это вопрос также давно привлекает внимание учёных, подходящих к этому нему с различных позиций.

1.2. Жизнь слова в свете физиологии и психологии

Обратимся прежде всего к высказываниям российского физиолога Ивана Михайловича Сеченова (1829–1905), работы которого особенно интересны, в частности, в связи с тем, что в последнее время в число актуальных для мировой науки проблем вошла проблема «разум – тело», непосредственно связанная с означиванием языковых единиц и со спецификой значения слова как достояния пользующегося языком человека.

Эта проблема подробно рассматривается Сеченовым с разных позиций: и в плане овладения ребёнка языком, и в плане пользования языком взрослыми людьми, что, в свою очередь, имеет непосредственное отношение к поиску ответов на вопросы типа: «Откуда берётся знание языка? Является ли оно врождённым?» «За счёт чего мы оказываемся способными понимать друг друга?». Обратимся непосредственно к высказываниям Сеченова[75], уделяя особое внимание работам: «Рефлексы головного мозга», «Предметная мысль и действительность», «Элементы мысли».

Замечу при этом, что речь идёт о работах, написанных Сеченовым в последней четверти XIX в., однако отмечаемые им предрассудки (в том числе – научные предрассудки) оказались весьма живучими, а высказываемые Сеченовым положения звучат более чем современно, они отвечают на вопросы сегодняшнего дня, в том числе: «Как связаны тело (сома) и интеллектуальные процессы человека? Что первично для овладевающего языком человека: чувственное или рациональное?».

Для Сеченова было вполне очевидным следующее:

> «… введение словесных символов в мысль представляет или прибавку новых чувственных знаков к уже существующему ряду их, или замену одних символов другими, равнозначными в физиологическом отношении. Явно, что природа мысли от этого измениться не может»[76].

Сеченов подробно прослеживает процессы формирования «чувственных конкретов» и «мысленных абстрактов», а также связи тех и других со словом, которое первоначально входит в состав определённой чувственной группы и лишь постепенно отделяется от других членов чувственной группы, становясь её знаком.

> «… символизация частей, признаков и отношений, отвлечённых от цельных предметов, даёт продукты, лежащие между представлениями о предметах и умственными формами, непосредственно переходящими за пределы чувств. Несмотря на очевидное существование чувственной подкладки, абстракты этой категории уже настолько удалены от своих корней, что в них едва заметно чувственное происхождение. Поэтому, заменяя в мысли реальности, они нередко кажутся более чем *сокращенными*, именно *условными* знаками, или символами»[77].

И. М. Сеченов так объясняет, почему создаётся впечатление, что существует разрыв между телом и разумом:

> «… между данным продуктом и его чувственным корнем (если он ещё есть!) лежит в большинстве случаев такая длинная цепь превращений одного идейного состояния в другое, что очень часто теряется всякая видимая связь между мыслью и её чувственным первообразом. Дело в том, что взрослый мыслит уже не одними чувственными конкретами, но и производными от них формами, так называемыми отвлечениями, или абстрактами»[78].

К этому можно добавить, что теряется *видимая* связь, которая на самом деле остаётся в готовности к использованию в разных целях и при различающихся обстоятельствах. Например, при встрече со сложным понятием высокого уровня абстрагирования мы всегда ищем опору в чём-то сводимом к некоторому привычному образу сознания, через посредство которого окажется возможным мгновенно включить опознаваемое в уже имеющиеся в образе мира ситуации и с учётом общих представлений о мироздании достичь того, что квалифицируется как достаточный семиозис. Такая опора достигается за счёт нашего взаимодействия с «предметным миром» как базы для формирования значений.

Сеченов показал, что пользование словом, речью, становится для ребёнка насущной необходимостью по следующим причинам:

> «Когда … мысль человека переходит из чувственной области во внечувственную, речь как система *условных* знаков, развивающаяся параллельно и приспособительно к мышлению, становится необходимостью. Без неё элементы внечувственного мышления, лишённые образа и формы, не имели бы возможности фиксироваться в сознании; она придаёт им объективность, род реальности (конечно, фиктивной), и составляет поэтому основное условие мышления внечувственными объектами. Факты эти общеизвестны… »[79].

Приведу также высказывания Сеченова по поводу необходимости учитывать постоянную связь между осознаваемым и неосознаваемым (динамику различных уровней осознаваемости) и ошибочность представления, согласно которому только осознаваемое может анализироваться как относящееся к области психического:

> «… *соматические нервные процессы родственны со всеми вообще психическими явлениями, имеющими корни в*

деятельности органов чувств, к какому бы порядку эти явления ни принадлежали. Но на пути к этому строго логическому и в то же время верному заключению стоит один очень распространённый предрассудок, и его необходимо устранить. … Убеждение, что *психическое* лишь то, что *сознательно*, другими словами, что психический акт начинается с момента его появления в сознании и кончается с переходом в бессознательно состояние, – до такой степени вкоренилось в умах людей, что перешло даже в разговорный язык образованных классов». И далее: «… в мысли, о которой теперь идёт речь, должно лежать величайшее заблуждение»[80].

Отголоски обсуждаемого Сеченовым предрассудка мы встречаем в описаниях результатов экспериментальных исследований и фактов речи, не согласующихся с требованиями системности и нормативности языка: в таких случаях должны рассматриваться не детали «поверхностного уровня» языка (на основании которых полученный факт отбрасывается как неправильный или неполноценный), а глубинные основания для актуализации той или иной связи между именуемыми объектами (действиями, качествами), в том числе – возможные ситуации, чувственные образы разных модальностей (зрительные, слуховые и т.д.), признаки и даже признаки признаков.

Широкий круг проблем, так или иначе связанных со знаковой функцией слова, словом как живым знанием, значением слова как «внутренней структурой знаковой операции» обсуждал в своих работах Лев Семёнович Выготский (1896–1934), психолог, работы которого в значительной мере определили направления развития российской психолингвистики.

Например, в работе «Орудие и знак в развитии ребенка»[81] рассматривается роль практического интеллекта в овладении ребёнка речью и приводятся свидетельства тому, что практическое («инструментальное») мышление предшествует первым начаткам речи и осуществляется совершенно независимо от неё. Выготский показал следующее:

> «Знак возникает в результате сложного процесса развития… Для того, чтобы быть знаком вещи, *слово должно иметь опору в свойствах обозначаемого объекта*. … То, что возникает к началу образования речи у ребёнка, есть не открытие, что каждая вещь имеет свое имя, а *новый способ обращения с вещами*, именно их называние»[82].

Для формирования сложного единства речи и практических операций необходимы: а) взаимодействие коллективных и индивидуальных форм поведения и б) превращение операций из ИНТЕРпсихических в ИНТРАпсихические, что происходит вследствие процессов интериоризации – «вращивания». Это связано со сложной перестройкой процессов мышления и памяти, с формированием специфических новообразований со своими особыми законами. Выготский показал, что усваиваемая ребёнком символическая система в корне перестраивает структуру практических операций, перестраивает его память и внимание, позволяет создавать новые психологические структуры, которые невозможны без овладения *знаковой операцией*, при этом «Знаковые операции – результат сложного процесса развития»[83]. Особую роль в структуре знаковой операции Выготский отводил значению слова: «*Значение есть путь от мысли к слову* … это внутренняя структура знаковой операции. Это то, что лежит между мыслью и словом»[84].

Именно в слове формируется мысль, которая первоначально существует в свёрнутом виде:

> «*Мысль – облако, из которого речь источается в каплях*. Мысль *иначе построена*, чем её речевое выражение. Мысль *прямо* не выразима в слове … работа мысли есть переход от чувствования задачи – через построение значения – к развёртыванию самой мысли»[85].

Обратим также особое внимание на следующее заключение Выготского: «*Речь – коррелят сознания, а не мышления*»[86].

Постоянное фокусирование на динамике обсуждаемых явлений, на совершаемой индивидом работе, на функционировании значения слова в процессах речемыслительной деятельности, привело Выготского к распространению антиномии «живое знание – мёртвое знание» и на его дидактические размышления; он показал различие между формируемыми в ходе школьного обучения научными понятиями и спонтанными (житейскими) понятиями, которые ребёнок далеко не сразу может осознать и раскрыть в словах: дело в том, что в школьном обучении усваиваются не понятия, а словесные формулировки (к этому можно добавить, что таким же креном в сторону формального образования грешит и высшая школа):

> «В сущности говоря, этот способ обучения понятиям и есть основной порок всеми осуждённого, чисто схоластического, чисто словесного способа преподавания, заменяющего овладение живым знанием усвоением мёртвых и пустых вербальных схем»[87].

Представляется важным подчеркнуть, что Выготский настаивал на необходимости формирования «живого знания» как условия успешности развития ребёнка при синтезе интеллекта и аффекта, т.е. эмоционального переживания всего происходящего при освоении ребёнком различных видов деятельности (в том числе – речевой)[88].

Итак, по мнению Выготского, значение живого слова у индивида:

– выполняет важнейшие функции воплощения мысли в речь;
– увязано со спонтанным (житейским) понятием;
– имеет опору в свойствах именуемого объекта;
– поддерживается практическим интеллектом;
– лежит в основе знаковой операции;
– представляет собой продукт перехода от интерпсихического к интрапсихическому.

Александр Романович Лурия (1902–1977) сделал справедливое замечание по поводу того, что лингвистика не интересуется реальной жизнью языка:

«… лингвистика изучает язык в основном посредством построения его функциональных моделей, чаще всего даже не ставя вопрос о реальных процессах, на основе которых человеком осуществляется построение и понимание высказываний, описываемых этими моделями.

Соответствующая задача остаётся за психологией (и психолингвистикой), которая может и должна исследовать реальные процессы формирования речевого сообщения и его усвоения, а также те составные компоненты, которые входят в эти процессы, и условия, в которых они протекают»[89].

Своё обращение к исследованию языковых явлений Лурия объясняет так:

«Я увидел, что за внешне кажущимися одинаковыми лингвистическими актами скрываются различные психологические явления. <…> Моей целью было понять мозговую основу связанного с языком поведения, поэтому я продолжал изучение психологии языка одновременно с поисками её неврологических баз»[90].

Будучи основателем ряда новых научных дисциплин, в том числе – нейролингвистики, Лурия ставил своей целью выявление мозговых механизмов речевой деятельности[91]. С нейролингвистических позиций Лурия рассматривал широкий круг вопросов, связанных с формированием речи в онтогенезе,

типологией нарушений речи, особенностями внутренней речи, процессами понимания и продуцирования речи. Особое внимание он уделял значению и смыслу слова, функциям слова в познании и мышлении, развитию значения слова у ребенка, слову как орудию формирования и функционирования сознания.

> «Слово … позволяет человеку выходить за пределы непосредственного восприятия, обеспечивая тем самым *скачок от чувственного к рациональному*, который является существенным для сознания человека»[92].

В работах [Лурия 1975; 1979] показаны особенности включения значения слова у человека в различные виды связей и особо отмечены различия между социально принятым значением и актуализирующимся у индивида смыслом слова. Лурия трактовал слово в качестве связующего звена между чувственным и рациональным. К этому следует добавить, что благодаря слову происходит интегрирование чувственного и рационального с аффективным, т.е. с эмоционально-оценочными переживаниями, которые неизменно сопровождают «своеобразную переработку» индивидом его опыта познания и общения. Это учтено учёным при трактовке смысла слова у пользующегося им индивида.

Лурия, считавший слово «не только орудием познания, но и средством регуляции высших психических процессов»[93], в качестве основной функции слова назвал его предметную отнесённость, соотносимую с референтной функцией. Заметим, что референтную функцию слова вообще принято называть основной (для ряда авторов она остаётся не только основной, но и фактически единственной заслуживающей внимания). Рассмотрение истории этого вопроса, в течение долгого времени обсуждаемого в философии, лингвистике, семиотике, не входит в наши задачи. Актуальным представляется фокусирование на том, что при психолингвистическом подходе к этому вопросу суть самого понятия референции должна быть уточнена.

Проблему взаимоотношений между телом и разумом человека при понимании и продуцировании речи рассматривал и Николай Иванович Жинкин (1893– 1979).

> «… не так просто решить, где кончается сенсорика и начинается интеллект…»[94]. «Сенсорика и интеллект работают совместно. … Это комплементарные механизмы: без одного нет другого»[95].

Особую роль Жинкин отводит универсальному предметному коду (УПК), который, по его мнению, может трактоваться как наследуемый генетически и предназначенный для обработки не только вербальной информации:

> «Предметный код – это стык речи и интеллекта. Здесь совершается перевод мысли на язык человека. Это значит, что национальные языки имеют общую генетическую структуру и различаются между собой только некоторыми способами интеграции того же предметного кода, который имеет общую структуру для обработки не только вербальной информации, но и информации о действительности, поступающей через разные органы чувств»[96].
>
> «Имея в виду явную универсальность этого кода, можно сказать, что он является наследственной способностью человека»[97].

Жинкина волновали вопросы возникновения языка в филогенезе, овладения речью в онтогенезе, механизмов функционирования языка как достояния индивида, особенностей процессов понимания речи и говорения, развития письменной речи у ребёнка, взаимодействия грамматики и смысла и многое другое. Однако центральное место в его работах занимает концепция роли и специфики внутренней речи в составе системы,

обеспечивающей функционирование человека в физическом и социальном окружении:

> «… потребности коммуникации вызвали образование взаимодействующих кодов, которые сложились в единую систему: язык – звуковая речь – внутренняя речь – интеллект. Эта система является саморегулирующейся и способной к самоусовершенствованию. Противопоставленность двух дискретных кодов языкам интеллекта породила смешанный код – внутреннюю речь, которую можно рассматривать как универсальный предметный код, ставший *посредником* не только между языком и интеллектом и между устной и письменной речью, но и между национальными языками. Переводимость всякого языка на другой есть фундаментальное свойство всякого языка»[98].

Жинкин обосновал трактовку языка как механизма, открывающего перед человеком область сознания, и внутренней речи как очень важного механизма речемыслительной деятельности – субъективного языка, языка-посредника, «круговорота индивидуальных кодов», который не осознается людьми, но обеспечивает взаимопонимание между коммуникантами, говорящими на одном и том же или на разных языках. При этом дан ответ на вопрос, дискутируемый в последнее время в связи с проблемой врождённого знания:

> «Смысл … начинает формироваться до языка и речи. Надо видеть вещи, двигаться среди них, слушать, осязать – словом, накапливать в памяти всю сенсорную информацию, которая поступает в анализаторы. Только в этих условиях принимаемая слухом речь с самого начала обрабатывается как знаковая система и интегрируется в акте семиозиса. Уже “язык нянек” вещественно понятен ребенку и принимается УПК»[99].
>
> «Имя – это произвольная разметка любых сенсорных образований, которые возникают у человека при восприятии окружающей действительности»[100].

Жинкин неоднократно подчёркивал, что понимать надо не речь, а действительность[101], при этом невозможно отделить чувственное от рационального, ибо сенсорика и интеллект как механизмы познания и общения действуют по принципу взаимодополнительности. Слитность для индивида слова и представления о вещи Жинкин демонстрировал примером:

«Человек слышит слова, состоящие из звуков: “Вон бежит собака”, а думает при этом совсем не о звуках и словах, а о собаке, и смотрит – где она бежит»[102].

Особый интерес для нас представляет также следующее высказывание Жинкина: «… образ – это не предмет распознавания, а способ восприятия»[103]. Думается, что эта идея ещё ждёт своего воплощения в жизнь при анализе разнообразных экспериментальных материалов и при разработке теории слова как достояния индивида.

Живое знание привлекает внимание и других психологов.

Например, В. П. Зинченко, неоднократно обращающийся к проблеме живого знания, особо подчёркивает следующее:

> «Живое знание отличается от мёртвого или ставшего знания тем, что оно не может быть усвоено, оно *должно быть построено*. Построено так, как строится живой образ, живое слово, живое движение, живое, а не мёртвое, механическое действие»[104].

Рассматривая особенности живого знания, Зинченко указывает, что оно всегда пристрастно и включает знание о субъекте знания, т.е. о себе самом; оно принципиально неполно, открыто, трудно доказуемо; одним из его признаков является целостность, «схватываемая» непосредственно; знание может «окостеневать», становиться мёртвым и т.д.

В «Большом психологическом словаре» уточняется, что живое знание представляет собой «соцветие разных знаний», своего рода интеграл[105]. Некоторые авторы не пользуются термином «живое знание», но по сути описывают его в разных ракурсах (см., например, модель образа сознания[106] и понятие «живого движения» как «функционального органа» у Н. А. Бернштейна[107]). М. А. Холодная[108] в связи с решением задачи обогащения когнитивного опыта учащихся в целях интеллектуального воспитания личности в условиях современного школьного образования фактически говорит о способах формирования живого знания, таких как словесно-символический, визуальный, предметно-практический, чувственносенсорный; при этом указывается:

> «Понятийные психические структуры – это интегральные когнитивные образования: их психическим материалом являются три модальности опыта – словесно-речевая, визуальная и чувственно-сенсорная»[109].
>
> «Утверждение, что понятийное мышление оперирует

“отвлечёнными сущностями”, конечно же, не более чем метафора»[110]; …«эйдосы» (запечатлённые, сохранённые во всех деталях образы предметов после прекращения их восприятия) – «это интуитивные визуальные схемы, в которых отображены инварианты чувственно-конкретного и предметно-смыслового опыта человека и которые не всегда могут быть выражены в терминах словесных описаний»[111].

1.3. Специфика «живого слова»

Приведённые выше мнения можно суммировать следующим образом. Живое слово представляет собой:

• достояние пользующегося языком человека;

• продукт своеобразной переработки индивидом многообразного (вербального и невербального) опыта познания и общения;

• средство доступа к образу мира личности;

• специфическое орудие разнообразной (в том числе – коммуникативной) индивидуальной и социальной деятельности людей;

• познавательную единицу с двойственной онтологией, обращенную одной свое ипостасью к индивиду, а другой – к социуму/культуре.

Живое слово:

• обладает изначальной предметностью;

• возбуждает представление о вещи со всеми её признаками;

• позволяет думать о действительности (опосредствует мысль, помогает формировать мысль при её формулировании);

• обеспечивается взаимодействием сенсорики, интеллекта и эмоционально-оценочных переживаний;

• отличается от слова, каким оно представлено в словаре.

В «живом знании» только условно (в чисто научных целях) можно пытаться разграничить: языковое знание и/или знание о мире; знание и/или переживание понятности воспринимаемого; социально принятое и/или обусловленное личностным опытом отношение к знанию; актуально сознаваемое знание и то, что учитывается на более «глубоких» уровнях; выводные знания различных видов, разных уровней развёртывания и осознаваемости; различные уровни обобщения и дифференцирования знания и т.д.

В реальной жизнедеятельности человека все названные и другие характеристики знания функционируют в едином ансамбле, слаженная работа которого на разных уровнях

осознаваемости обеспечивает результат, связанный с мотивацией, ориентированный на условия места и времени и т.д.

Особую роль в функционировании живого знания играет образ мира, который начинает формироваться у ребёнка до овладения языком и далее самоорганизуется параллельно с формированием и совершенствованием языкового знания как средства/инструмента познания и социализации через общение. Знание «мертво», если оно не находит опоры в голограмме образа мира, в элементах и признаках уже пережитого опыта разных модальностей (т.е. зрительного, слухового, тактильного и др.) или в воображаемых на этой основе возможных объектах, действиях или ситуациях.

Сказанное выше принципиально важно, поскольку оно имплицирует необходимость постоянной работы индивида в разных направлениях, к которым, в частности, относится поиск опор в предшествующем опыте для встречного моделирования именуемых словом образов, ситуаций, связей и отношений, предвосхищающих текущую ситуациях возможных условий и следствий из неё как залога успешности адаптации к естественной и социальной среде. Эта работа протекает на разных уровнях осознавания при взаимодействии тела и разума и влиянии множества внешних и внутренних факторов.

2. Двойная жизнь слова

2.1. Двойная онтология значения слова

Целенаправленное обсуждение двойной жизни языка и значения слова было предпринято Алексеем Николаевичем Леонтьевым (1903–1979), имя которого вошло в историю науки в связи с наиболее теоретически и экспериментально разработанным вариантом деятельностного подхода в психологии (такое определение даётся в «Большом психологическом словаре»[112]). Книги А. Н. Леонтьева «Проблемы развития психики» [1972], «Деятельность. Сознание. Личность» [1977] признаются базовыми для теории речевой деятельности; особая роль при этом отводится работам «Общее понятие о деятельности» [1974] и «Психология образа» [1979].

Начнём с того, что двойная жизнь значений должна рассматриваться в более широком контексте проблемы соотношения человека и общества, в свете необходимости «различать сознаваемое объективное значение и его значение для субъекта»[113]:

> «… мы вплотную подходим к проблеме, которая является камнем преткновения для психологического анализа сознания. Это проблема особенностей функционирования знаний, понятий, мысленных моделей, с одной стороны, в системе отношений

общества, в общественном сознании, а с другой – в деятельности индивида, реализующей его общественные связи, в его сознании»[114].

Особый интерес в работах А. Н. Леонтьева представляют его концепция многомерного образа мира как центрального для познавательных процессов человека и опосредствующего любую деятельность, учение о чувственной ткани сознания, а также постановка вопроса: «каково реальное место и роль значения в психической жизни человека, что́ оно есть в его жизни»[115]. Ответы Леонтьева на эти вопросы даются в ряде его публикаций.

Двойную жизнь значений А. Н. Леонтьев увязывал с реальной двойственностью существования значений для субъекта:

> «Проблема, о которой идёт речь, возникает из реальной двойственности существования значений для субъекта. Последняя состоит в том, что значения выступают перед субъектом и в своём независимом существовании – в качестве объектов его осознания и вместе с тем в качестве способов и “механизмов” осознания, т.е. функционируя в процессах, презентирующих объективную действительность. В этом функционировании значения необходимо вступают во внутренние отношения, которые связывают их с другими “образующими” индивидуального сознания; в этих внутренних отношениях они единственно и обретают свою психологическую характеристику»[116].

Эта внутренняя жизнь значения недоступна прямому наблюдению, она остаётся скрытой, но известны определённые особенности этой жизни, в число которых входят следующие.

Важно то, что при функционировании значений в системе индивидуального сознания они обеспечивают «возвращение» к чувственной предметности образа мира:

> «Глубокая природа психических чувственных образов состоит в их предметности, в том, что они порождаются в процессах деятельности, практически связывающих субъекта с внешним предметным миром. Как бы ни усложнялись эти связи и реализующие их формы деятельности, чувственные образы сохраняют свою изначальную предметную отнесённость»[117].
>
> «Но как могли бы мы мыслить это мир, если бы он первоначально не открывался нам именно в своей чувственно данной предметности?»[118].

> «Конечно, чувственно-предметная отнесённость значений в сознании субъекта может быть не прямой, она может реализоваться через как угодно сложные цепи свёрнутых в них мыслительных операций, особенно когда значения отражают действительность, которая выступает лишь в своих отдалённых косвенных формах. Но в нормальных случаях эта отнесённость всегда существует…»[119].

В то же время значения у индивида характеризуются пристрастностью – личностным смыслом, поэтому следует различать значение как факт индивидуального сознания и значение как «принадлежность миру объективно-исторических идеальных явлений»[120]:

> «Психологически, т.е. в системе сознания субъекта, а не в качестве его предмета или продукта, значения вообще не существуют иначе, как реализуя те или иные смыслы»[121]. «В обычном словоупотреблении понятие *смысла* часто не отличают от понятия *значения*. Например, говорят о смысле слова или о его значении, понимая в обоих случаях одно и то же. Однако понятие значения не выражает всего богатства психологического содержания, которое мы находим в сознавании “означенных” нами явлений объективной действительности»[122].

А. Н. Леонтьев неоднократно указывал на «ограниченность представления о том, что значения в индивидуальном сознании являются лишь более или менее полными и совершенными проекциями “надындивидуальных” значений, существующих в данном обществе»[123].

Особый интерес для нас представляет следующее указание А. Н. Леонтьева на орудийную функцию значения:

> «Значения сами по себе не порождают мысль, а опосредствуют её – так же, как орудие не порождает действия, а опосредствует его»[124].

Представляется важным отметить, что А. Н. Леонтьев предостерегал от использования терминологии деятельностного подхода без понимания его сути, ибо это «ведёт к потере категорией деятельности её методологического смысла»[125]. А. Н. Леонтьев особо подчеркивал, что деятельность отдельного человека всегда включена в систему общественных отношений,

всегда мотивирована и предметна:

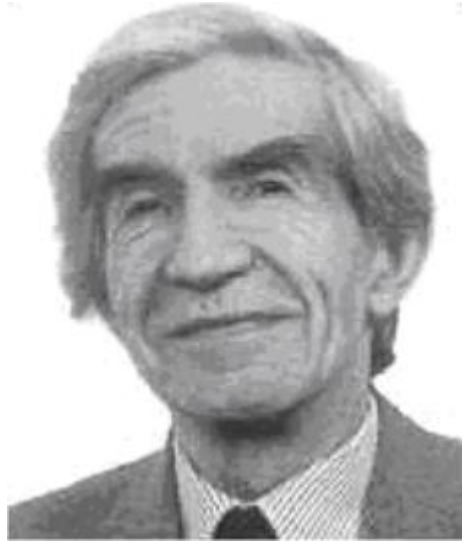
> «Всякая предметная деятельность отвечает потребности, но всегда опредмеченной в мотиве; её главными образующими являются цели и, соответственно, отвечающие им действия, средства и способы их выполнения и, наконец, те психофизиологические функции, реализующие деятельность, которые часто составляют её естественные предпосылки и накладывают на её протекание известные ограничения, часто перестраиваются в ней и даже ею порождаются»[126].

Определяя деятельность как «в высшей степени динамическую систему, которая характеризуется постоянно происходящими трансформациями»[127], А. Н. Леонтьев не только показал общую структуру этой динамической системы (взаимодействие деятельности, действий и операций), но и рассмотрел роль и специфику психического отражения мира у человека, особенности перехода внешней деятельности во внутреннюю, постоянную динамику различных уровней осознаваемости и т.д. А. Н. Леонтьев отметил также, что «потребовались века, чтобы освободиться от отождествления психического и сознательного», объяснив такое отождествление иллюзией интроспекции[128].

Можно полагать, что подобная иллюзия интроспекции предопределяет подмену понятий в лингвистике, в том числе в ситуациях, когда результаты анализа фактов речи и материалов эксперимента втискиваются в прокрустово ложе строгого логико-рационального анализа с фокусированием на системности и нормативности языковых явлений: имеет тесто смешение двух ипостасей языка, вследствие чего не учитываются специфические особенности каждой из них. Так мы снова возвращаемся к роли методологии в научном изыскании.

2.2. Два аспекта жизни значения слова

Алексей Алексеевич Леонтьев (1936–2004), вслед за А. Н. Леонтьевым, делает акцент на двойной онтологии значений[129]:



> «… значение не может быть целиком локализованным ни в индивидуальной психике или сознании, ни в общественном сознании; у него двойная онтология. <…> … раскрывая конкретные пути и закономерности формирования, развития, “двойного функционирования” и взаимопереходов значения, мы тем самым получаем уникальную возможность дать содержательную интерпретацию тезису о социальной природе психики человека, методологически бесспорному, но … далёкому от убедительного раскрытия на конкретном материале»[130].

А. А. Леонтьев показывает, что двойная жизнь значений увязывается с их вхождением в весьма различающиеся системы – социальную и личностную, однако обе эти системы тесно взаимосвязаны, и движение значений в одной системе ограничено другой системой – и наоборот[131]. В этой связи разграничиваются узкая и широкая трактовки понятия «значение»:

> «Узкое понимание значения, особенно характерное для лингвистики, связано с понятием знака. Здесь речь идёт только о словесном, вербальном значении.
>
> Но возможно и более широкое понимание, принятое (хотя и не общепринятое) в психологии»[132].

При широком понимании значения имеется в виду значение как достояние индивида, как «субъективное содержание знакового образа», которое характеризуется следующими особенностями:

> «Значение как субъективное содержание знакового образа не тождественно самому себе в различных предметных ситуациях употребления знака. Но как бы оно не модифицировалось, в нём всегда остаются, с одной стороны, “когнитивный инвариант”, то есть то, что диктуется содержанием знака – соотнесённость с “системой содержательных общественных связей” (А. Н. Леонтьев), свёрнутых и закреплённых в знаке, с другой стороны, его “коммуникативный инвариант”, то есть система операций с этим знаком, которая закреплена в нём и образует правила его употребления в составе более сложных коммуникативных структур»[133].

Рассматриваемое А. А. Леонтьевым субъективное содержание знакового образа и характеристики последнего суммарно представлены мною на рис. 2.1.

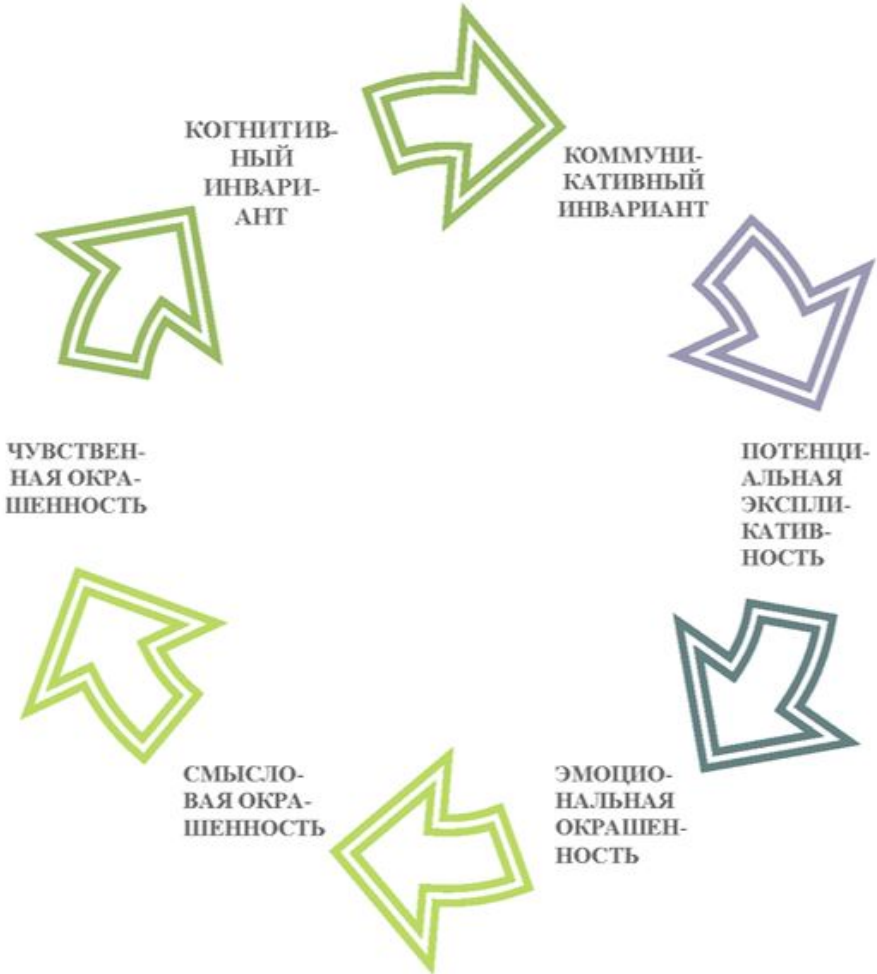


Рис.2.1. Субъективное содержание знакового образа

А. А. Леонтьев уточняет, что «когнитивный инвариант» субъективного содержания знакового образа увязан с тем, что идёт от социальной деятельности, закреплённой в знаке, в то время как «коммуникативный инвариант» идёт от деятельности использования знака. А. А. Леонтьев говорит также о «зависимости языкового значения от практической деятельности и способов взаимосвязи языкового, словесного значения с другими формами его существования, более непосредственно вплетёнными в практическую или познавательную деятельность»[134]. В этой связи им выделены три формы существования значения (см. рис. 2.2.). Предметные значения трактуются как «кирпичики», из которых строится образ мира, как «компоненты этих образов, то, что их цементирует для человека, то, что делает возможным само существование этих образов»[135].

При этом:

> «Предметное значение существует как некоторая объективная характеристика предмета, отражённая в его образе, – но она может выступать и в процессах идеальной ретроспекции (память) или идеальной проспекции (воображение)»[136].

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВОЕ
ПРЕДМЕТНОЕ
РОЛЕВОЕ
на чувственной базе языка как системы специфических квазиобъектов (знаков)
на чувственной базе перцептивного (в широком смысле) образа
на чувственной базе динамических компонентов самой деятельности

Рис.2.2. Формы существования значения

Языковое значение привязано к какому либо знаку (в том числе – «спроецировано на слово»); предметное – предполагает обязательное присутствие реального предмета (в действительной или воображаемой форме) и включённость его в реальную или воображаемую ситуацию; ролевое – увязывается с социальными нормами и ролями.

Этот перечень форм существования значения А. А. Леонтьев определяет как открытый. В частности, он допускает добавление к трём названным формам операциональных значений, описанных А. П. Стеценко[137] в качестве используемых детьми нормативных способов (схем) действий. Можно предположить, что в таких случаях речь идёт о формировании того, что в психологии увязывают с практическим интеллектом, «довербальным знанием» и т.д. Следует также предусмотреть и возможность существования значения в некоторых «комбинированных» формах.

Так, Б. М. Величковский[138] ссылается на работу Барбары Тверски (2000), где говорится о «когнитивном коллаже» как

комбинации образных и вербальных форм знания. Это хорошо согласуется с нашими представлениями о том, что для индивида, пользующегося значением как знанием в процессах деятельности, разные формы существования значения неразличимы, они переживаются как единое целое, которое можно «препарировать» только искусственно, в целях научного исследования и описания. Об этом же свидетельствуют результаты экспериментов А. Г. Сонина[139]. А. А. Леонтьев указывает также на следующее проявление двойственной жизни значений: в качестве идеального содержания (объективного содержания знака) значение представляет собой внеиндивидуальное, абстрактное образование, лишённое чувственности, однако,

> «… как только мы переходим к значению как субъективному содержанию знака, оказывается, что его бытие в деятельности и его презентированность в сознании индивида неразрывно связаны с его предметной (чувственнопредметной) отнесённостью»[140].

А. А. Леонтьев указал на роль значения как познавательной единицы, которая выводит на разнообразные формы хранения знаний об окружающем человека мире. Уточню, что функционирование значения слова у человека в качестве средства выхода на разнообразные формы хранения знаний неразрывно связано с эмоционально-оценочным переживанием отношения к этому знанию и реализуется при взаимодействии различных уровней осознаваемости (при важной роли выводного знания, которое так или иначе учитывается и может выводиться на «табло сознания» в случаях необходимости. Идеи А. А. Леонтьева относительно двойной жизни значений суммированы мною с помощью рис. 2.3.

Рис. 2.3. Двойная жизнь значения

Развитие представлений о двойной жизни значений приводит к разграничению того, что описывается в лингвистике как имеющее место в системе языка, и того, что лежит за словом в индивидуальном сознании и подсознании, обеспечивая взаимопонимание при общении, и исследуется психолингвистикой при трактовке языка как средства познания и общения, а слова – как инструмента, посредством которого реализуется «выход» индивида на образ мира во всем богатстве его объектов, связей и отношений и на эмоционально-оценочное отношение к этому миру.

Следует особо подчеркнуть, что мировая наука неизбежно приходит к признанию невозможности более не замечать различий между значением, описываемым с позиций логико-рационального подхода, и значением, реально функционирующим у человека. Весьма показательно, что мимо этого не может пройти и семиотика.

Так, книга Умберто Эко[141] фактически посвящена именно особенностям естественного семиозиса. В частности, Эко обсуждает и проблему двойственной жизни значений (хотя он это так не называет), см. схему на рис. 2.4, построенную мною с опорой на названную книгу.

Эко обращает внимание на неоднозначность термина «значение» и предлагает разграничить понятия «ядерного

содержания» (Nuclear Content) и «когнитивного типа» (Cognitive Type), понимая под первым значение как социальный, а под вторым – значение как ментальный феномен[142] и противополагая их как (а) общественное и личностное, (б) базирующееся на коммуникативном консенсусе («значение по соглашению, договору») и на перцептивном семиозисе и общении, (в) первое можно «увидеть» и «потрогать», а о втором можно судить только посредством узнавания, идентификации, успешной референции и т.д.

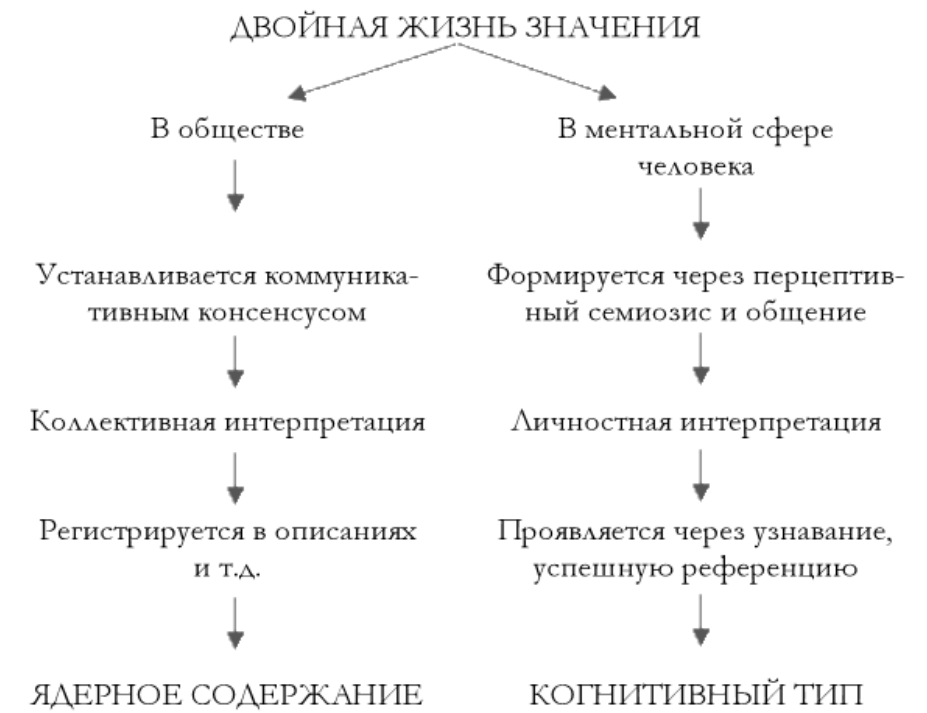


Рис. 2.4. Двойная жизнь значения

Эко на наглядных примерах прослеживает особенности формирования значения слова у индивида на основе перцептивного семиозиса и/или через вербальное описание, показывает необходимость взаимодействии обоих путей (ср. с разграничением «знания по знакомству» и «знания по описанию» у Б. Рассела[143]). Проблема перцептивного семиозиса представляется мне чрезвычайно важной, а более детальное её изучение, несомненно, весьма перспективно и заслуживает разностороннего – теоретического и экспериментального – подхода. Особую значимость перцептивный семиозис имеет в отношении выделяемых индивидом и закрепляемых в лингвокультуре признаков объектов, действий и т.д.,

выступающих в качестве своеобразных «аттракторов» в навигации по мультимодальному гипертексту многократно пересекающихся связей между продуктами переработки человеком его вербального и невербального опыта познания окружающего мира.

В более поздней публикации в жанре художественного произведения Эко[144] далее развивает эти идеи, показывая различия между тем, что он называет «paper memory» (почерпнутым из разных источников знанием о чём-то), и опытом познания, действительно пережитым индивидом как личностью; подчеркивается необходимость постоянного взаимодействия между знанием и его личностным переживанием.

Обратим внимание на то, что Эко фокусируется на специфике продукта, получаемого в каждой из «жизней» значений: ср. «ядерное содержание» и «когнитивный тип».

2.3. Множественность двойственных функций значения слова

Двойственная жизнь значений слов проявляется и в функциях слова в процессах познания и общения.

Прежде всего речь идет об *идентифицирующей* функции слова, двойственность которой проявляется как в качественном, так и в количественном отношениях. В процессах восприятия речи (устной или письменной) необходимо опознать: (1) словоформу как таковую и (2) слово как значимую единицу языка. Последнее реализуется через соотнесение значения слова с индивидуальным образом мира, т.е. то, что регистрируется в словарях и других источниках как значение слова, выступает в качестве средства выхода на психологическую структуру значения, при этом срабатывает механизм глубинной предикации, посредством которого индивид констатирует (для самого себя), что значимая единица языка понятна, понята правильно и т.д. В таком случае двойственность относится к составляющим *процесса* оперирования общепринятым значением и в отличие от традиционных представлений учитывает дополнительные «шаги», поскольку «предметная отнесенность», как и «категориальное значение» (о категориальном значении как выполняющем *абстрагирующую, обобщающую* и *анализирующую* функцию слова см.: [Лурия 1979: 42]), может реализоваться только на этом – более «глубоком» – уровне.

Другой аспект двойной жизни значений проявляется в его двойственной *медиативной* (посреднической) функции с различающимися следствиями: (1) значение слова обеспечивает взаимопонимание между общающимися людьми, а значит,

должно быть «объективным», системно-языковым; (2) поскольку базу для взаимопонимания составляет соотнесение индивидуальных образов мира, системно-языковое значение должно быть преломлено через призму разностороннего индивидуального опыта, средством доступа к которому выступает слово. Таким образом, двойственность медиативной функции значения слова проявляется через её двунаправленность: условно говоря, «вовне» и «вовнутрь», т.е. разграничиваются жизнь слова «для всех» и «для меня».

Двойственная *регулятивная* функция значения даёт возможность: а) выделить в индивидуальном опыте, континуальном и многомерном по своей природе, определённые интервальные условно-дискретные фрагменты и их связи как соотносимые с психологической структурой значения слова с позиций взаимодействия внешнего и внутреннего контекста; б) соотнести выделяемый фрагмент опыта с коллективным языковым знанием для проверки соответствия между задуманным и реализуемым при продуцировании речи или между воспринимаемым и понимаемым.

Синтезирующая функция значения слова обеспечивает опору на множественные выводные знания (энциклопедические и языковые) при взаимодействии двух аспектов такого синтеза: языковые знания направляют встречное моделирование ситуаций и их составляющих, признаков последних и т.д., а те, в свою очередь, подкрепляют или заставляют уточнить вовлекаемые языковые знания. Речь здесь идет о «смысловом поле» слова, см., например, (Лурия 1979: 39–41; Леонтьев А.А. 2001: 280–284), ср. с широкой трактовкой смыслового поля в работах А. Менегетти[145].

Прогностическая функция направляет встречное конструирование возможного развития обозначаемой словом ситуации на базе всего идентифицированного и синтезированного и при акцентировании того, что оказалось (или кажется) актуальным в текущий момент времени. Особую роль эта функция слова играет в процессах метафоризации, позволяя увидеть некоторый объект (действие и т.д.) в особом ракурсе.

Названные функции слова были рассмотрены в работе [Залевская 1992]. В более поздних публикациях к приведённому перечню добавлены *рефлексивная* и *знаковая* функции значения слова. Первая из них заключается в выведении на «табло сознания» тех или иных аспектов формы или значения, что имеет место в случаях самоисправлений, затруднений в оформлении мысли или непонимания при общении, решения разного рода «языковых задач», не говоря о ситуациях исследовательской

работы над словом, мук творчества писателей и поэтов и т.п.

Следует особо подчеркнуть, что хотя мы говорим о *функциях значения слова*, все называемые в этой связи процессы и их продукты имеют место у пользующегося словом индивида, т.е. абстрагирует, анализирует, синтезирует не значение как таковое, само по себе: за ним только закреплены зафиксированные в коллективном знании (национальнокультурной памяти) соответствующие процессы и их продукты. В этом и проявляется знаковая функция слова и его значения. Можно предположить, что стойкие мифы относительно того, что «содержится» в слове и что оно успешно «делает» связаны с буквальным прочтением метафорических терминов, закрепившихся в общеупотребительном языке.

Этот перечень остается открытым. Все названные (и другие возможные) функции слова в реальности взаимосвязаны и трудно различимы, их можно только условно разграничить как продукты логико– рационального научного анализа; попытка показать это сделана с помощью рис. 2.5.

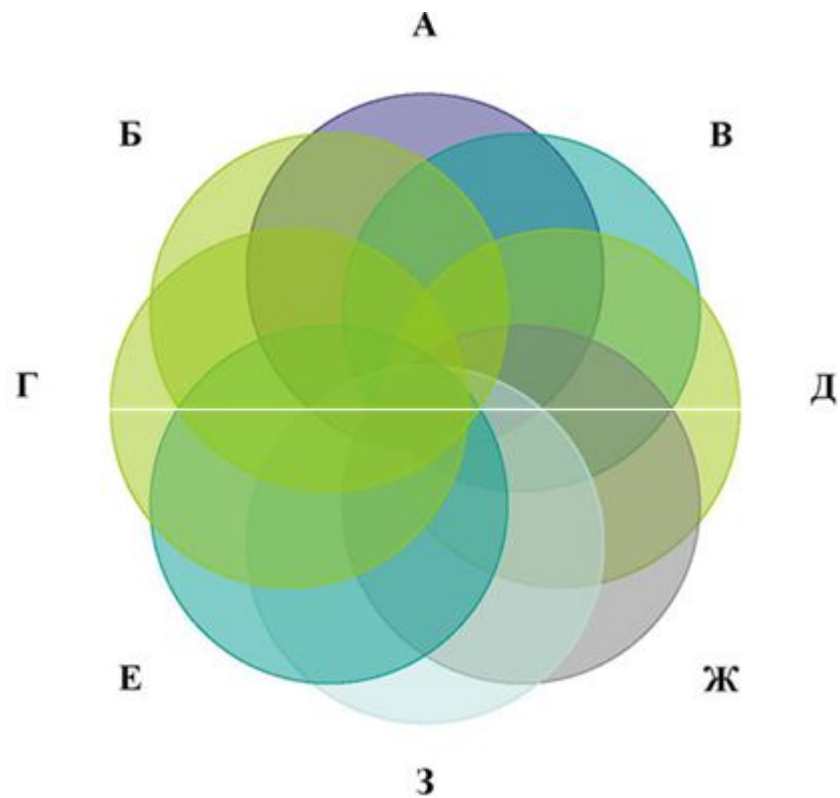


Рис. 2.5. Функции слова в индивидуальном лексиконе

Такие функции значения, как синтезирующая и

прогностическая, позволяют выходить за пределы непосредственно данного (далеко за «линию горизонта»); это отображает спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста, речь о которой пойдёт ниже (см. 4.2.3).

Выводы

Обращение к классическим работам российских учёных (языковедов, психологов, физиологов) показывает, что вопрос о необходимости разграничения «слова в словаре» и «слова в голове» ставился ещё в конце XIX – начале XX вв. Особое внимание уделялось следующим важным вопросам:

1. Имеются различия между тем, как слово «препарируется» для целей научного исследования и как оно действительно «живёт».

2. Важно исследовать языковые явления с выходом за рамки языковедения в психологию, социологию, физиологию.

3. Следует признать, что психические явления протекают при взаимодействии разных уровней осознаваемости, т.е. человек осознаёт только продукты таких процессов.

4. Значение начинает формироваться до речи через действия в ситуациях.

5. Слово тесно связано с именуемой вещью (действием, качеством и т.д.).

6. Именуемая словом вещь идентифицируется со всеми её признаками, возможными (пережитыми или воображаемыми) ситуациями и следствиями.

7. Значения имеют двойную онтологию и ведут двойную жизнь.

8. Одна ипостась значения обращена к социуму, другая – к индивиду, его личностному опыту познания и общения.

9. Следует разграничивать широкую и узкую трактовки значения.

Перечисленные и другие рассмотренные в этой главе положения легли в основу предлагаемой в этой книге интерфейсной теории значения, которая по своей сути является дальнейшим развитием этих и близких к ним теоретических положений.

Глава 3
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Вводные замечания

Значение слова – вечная и неисчерпаемая проблема. В обыденной жизни мы не замечаем, как используем слова, не задумываемся, почему выбираем те, а не другие, и только в случаях непонимания или неадекватной реакции слушателя возникает потребность обратиться к рефлексии – осмыслить, что лежит за словом, обеспечивая взаимопонимание при общении. В какой мере нам помогает лексикографическое описание значений слов? Является ли оно исчерпывающим? В этой связи вспомним приведённое выше высказывание А. А. Потебни, сравнившего слово в словаре с растением в гербарии, представленным «не так, как оно действительно живёт, а как искусственно подготовлено для целей познания»[146].

По какому же пути следует идти, чтобы максимально приблизиться к тому, как слово действительно живёт? В этом отношении важным для нас является высказывание И. А. Бодуэна де Куртенэ, видевшего одну из задач семасиологии в исследовании *психического содержания языковых явлений*, т.е. представлений, связанных с языком и движущихся в его формах, но имеющих независимое бытие как отражение «внешнего и внутреннего мира в человеческой душе *за пределами языковых форм*»[147].

Принимая эти высказывания в качестве направляющих логику рассмотрения вопросов теории значения слова, попытаюсь показать динамику подходов к значению слова от описания, «искусственно подготовленного для целей познания» (т.е. трактуемого в русле идей аналитической философии и расчленяемого на семантические составляющие значения-понятия), через стремление выйти за пределы анализа слова, взятого в отрыве от носителя языка, к включению значения в более широкий круг проблем Homo Loquence. Но человек говорящий в то же время и человек чувствующий, переживающий, воображающий, оценивающий, а это требует принципиально новых подходов к исследованию значения как достояния пользующегося языком индивида.

Вполне естественно, что каждый новый подход так или иначе опирается на достижения предшествующих научных изысканий. Исследования в области значения слова настолько многочисленны и разнообразны, что их невозможно охватить даже в обширной монографии. В книге [Залевская 2007] содержится краткий обзор некоторых работ в этой области, сгруппированных по рубрикам, связанным с разными подходами

к значению (ассоциативным, параметрическим, признаковым, прототипным, ситуативным), а также с ведущими проблемами исследований значения (в том числе: соотношения между значением и интеллектуальными возможностями человека, константности и вариативности значений, соотношения субъективного и объективного в значении и др.).

Ниже будут затронуты только работы, так или иначе проливающие свет на значение слова как достояния индивида. Обращение к идее «семиотического треугольника» вызвано стремлением показать, что на смену логико-рациональным построениям пришло стремление перейти от анализа «чистого» отношения в философской трактовке к поиску путей выявления и объяснения того, что именно лежит в основе реальных процессов означивания. Знаменательно то, что попытки поисков в этом направлении совершают представители разных областей науки о языке и человеке.

1. Динамика научных подходов к значению слова

1.1.От «семиотического треугольника» к концепту

Философия Нового времени фактически приравняла значение слова к понятию, что оказалось очень прочно закреплённым в сознании учёных благодаря широко известному семиотическому треугольнику Огдена–Ричардса (*знак, понятие, предмет*), вошедшему в компендиумы, так или иначе связанные с проблемой значения, и «узаконившему» устойчивую логико-рациональную традицию анализа значения через выявление набора необходимых и достаточных (к тому же – преимущественно или исключительно *существенных*!) признаков объектов некоторого класса, группы и т.п.

Критика «семиотического треугольника» как упрощения описываемых отношений велась по ряду направлений.

Так, венгерский исследователь Э. Лендваи[148] обосновал сугубо лингвистическую (по его собственному определению) идею трапеции значения как соотношения между знаком, значением, понятием и предметом, при котором *конвенциональная цепочка букв* (или последовательность звуков) вызывает у носителя языка *ментальный образ предмета*, определённый набор существенных признаков класса таких предметов (т.е. *понятие*), а также *значение* (денотативное, сигнификативное, прагматическое). Выделенные курсивом обозначения помещены в различные вершины постулируемой автором трапеции значения.

Для наглядности ниже приводится сводный рисунок 3.1, на котором отображены обсуждаемые модели: семиотический треугольник в том виде, в котором его чаще всего изображают (рис. 3.1.А), трапеция значения Э. Лендваи (рис. 3.1.Б) и рассматриваемые далее деятельностный подход Ж. Верньо (рис. 3.1.В) и психосемиотический тетраэдр Ф. Е. Василюка (рис. 3.1.Г).

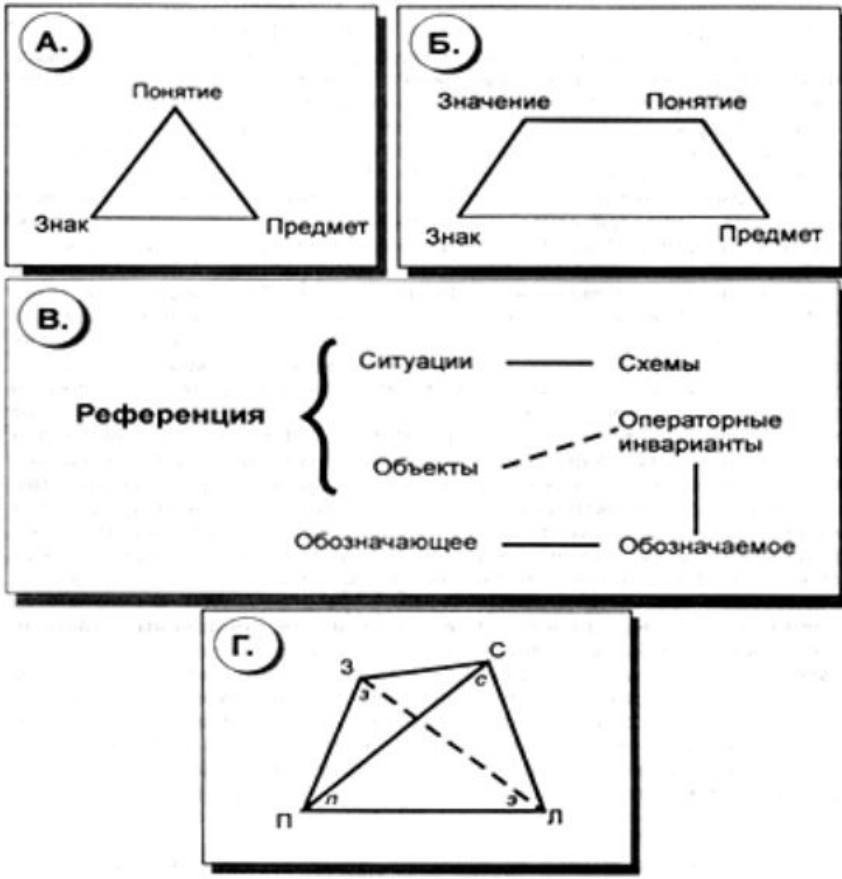


Рис. 3.1. Различные подходы к моделированию соотношений между знаком, понятием, предметом и значением слова

Заметим, что Лендваи остался в прокрустовом ложе представлений, согласно которым ментальный образ предмета определяется набором именно *существенных* признаков, но сделанная лингвистом добавка ещё одной вершины геометрической фигуры уже имплицирует различия между понятием и значением, при этом учитывается *прагматическое* значение, что также является некоторым шагом вперёд по сравнению с классическими представлениями о семиотическом треугольнике.

Отбросить идею треугольника и заменить её более сложной схемой взаимодействия знаний и умений пользователя словом предлагает ученик Жана Пиаже психолог Ж. Верньо[149], акцентирующий особенности работы познавательного аппарата человека: концептуализация происходит и *из действия*, и *из языка*; представления и понятия формируются у индивида *в*

действии и *для действия*, действие организовано через *схемы* и увязано прежде всего с *ситуациями*, но не с объектами. Отсюда вытекает необходимость формирования *операторных* (деятельностных!) *инвариантов*, позволяющих принимать и использовать информацию, подходящую для выводов и решений. Этот подход заслуживает более подробного рассмотрения (см. рис. 3.1.В).

Ж. Верньо подходит к обсуждению эпистемологического треугольника с позиций интегративной теории репрезентации, которая основывается на трактовке познавательного аппарата индивида как набора его умений и знаний. Умения рассматриваются как относящиеся не только к объектам, но и к классам ситуаций; они выражаются в деятельности индивида, протекающей во времени. В противовес теории когнитивных процессов (по мнению Верньо, «шизофренически» разграничивающей знания процедурного и декларативного типов без установления связи между ними), автор использует понятие схемы как инвариантной организации поведения в качестве теоретического понятия, увязывающего умения и знания (т.е. знания процедурного и декларативного типов). В трактовке Верньо схема не является стереотипом: это динамическое функциональное единство, состоящее из целей, антиципаций и промежуточных целей, правил действия, операторных инвариантов, необходимых для принятия подходящей информации, возможностей делать выводы. Операторные инварианты включают понятияв-действии, посредством которых выявляется релевантная информация, и теоремы-в-действии, обеспечивающие применение необходимых правил действия и антиципаций. Такая трактовка противостоит примитивному пониманию схемы как ригидного образования, упорядочивающего исключительно знание декларативного типа (заметим, что именно из такого понимания схемы исходят авторы, резко критикующие сторонников схемного подхода и тем самым «оглупляющие» своих оппонентов).

Схемы в трактовке Верньо связаны с ситуациями и могут быть распространены на перцептивно– действенное поведение, языковое/речевое поведение, интерактивное поведение и т.д., а когнитивное развитие по сути представляет собой рост и прогрессивную организацию, усложнение и разграничение огромного репертуара схем, на фоне которых некоторое понятие приобретает смысл через разнообразие ситуаций и когнитивных задач, которые приходится анализировать и классифицировать. Отсюда Верньо выводит понятие концептуального поля как набора ситуаций, трактовка которых содержит тесно связанные

схемы и понятия.

Выражение понятий-в-действии и теорем-в– действии через слова и высказывания предполагает чёткую идентификацию объектов и предикатов, при которой проявляется функциональная значимость репрезентации. С этих позиций Ж. Верньо указывает на недостаточность существующих теорий репрезентации и критикует идею «треугольника», замкнутость которого возможна только при полном отсутствии разногласий в отношении объекта в представлениях различных индивидов или одного индивида в разные моменты времени.

Ещё более фундаментальными доводами, заставляющими отбросить идею треугольника, Верньо считает следующие три соображения:

1. Двойственность реальности, которая предстаёт как ансамбль ситуаций и ансамбль объектов, приводит к двойственности самой репрезентации, функционирующей одновременно и как побудитель и результат действия, и как ансамбль выражаемых знаний (предложений и текстов). Для преодоления такой когнитивной двойственности необходимо наличие операторных инвариантов, играющих роль механизма анализа ситуаций и вывода умозаключений, т.е. понятий-в–действии и теорем-в-действии (согласно этой концепции представления/понятия формируются в действии и для действия, а действие организовано через схемы и увязано прежде всего с ситуациями, но не с объектами).

2. Выражение представлений и понятий языковыми средствами не исчерпывает богатства знаний и операторных инвариантов. Говорящий полагает, что он точно выразил свое намерение, однако он пользуется тем, что понимает он сам, но так же поступает и слушатель сообщения (высказывание передаёт только часть того, что входило в намерение говорящего, и только часть того, что будет восстановлено слушающим).

3. Объекты мысли могут не быть непосредственно идентифицируемыми в восприятии.

Делая вывод, что концептуализация скорее всего происходит и из действия, и из языка, Верньо вместо идеи треугольника предлагает более сложную диаграмму, которая, по его мнению, всё равно остаётся упрощённой по сравнению с теми сложными процессами, которые она должна была бы отобразить. Эта диаграмма акцентирует внимание на том, что референция осуществляется через ситуации, связанные со схемами, и через объекты, связанные с операторными инвариантами, а последние ведут к обозначаемому и обозначающему.

Весьма важным представляется указание Верньо на то, что

«нельзя смешивать концептуализацию и символизацию»[150]; он подчёркивает главную роль действия в процессах концептуализации.

Заметим также, что Верньо фактически приходит к пересмотренной трактовке референции, увязываемой им с особенностями становления и работы познавательного аппарата индивида. В этой связи нельзя не вспомнить о том, что Умберто Эко, обсуждая идею семиотического треугольника[151], тоже обращается к проблеме референции, но уточняет, что «дискуссия о референте не подлежит ведению семиологии»[152]. На самом деле, если мы рассматриваем живое слово, возникает необходимость не только обратиться к проблеме референции, но и трактовать её в новом ракурсе, а именно: к разграничению референции в языке и референции в речи добавить специфику референции в индивидуальном сознании и подсознании!

Ещё более «глубоко» заглядывает за слово патопсихолог Ф. Е. Василюк[153], развивающий идеи А. Н. Леонтьева[154] относительно роли чувственной ткани образа в познании и в формировании значений. Василюк увязывает значение с образами сознания индивида через модель психосемиотического тетраэдра (см. рис. 3.1.Г), объединяющую *внешний мир* (предметное содержание образа), *внутренний мир* (личностный смысл), *культуру* (значение) и *язык* (слово); это «пограничные «сущности», каждая из которых обращена и к объективной реальности, и к самому индивиду. Таким образом создаётся объём, заполненный «живой, текучей, дышащей плазмой чувственной ткани», которая

> «… живёт, движется в четырёхмерном пространстве образа, задаваемом силовыми полями его узлов, и, будучи единой, она вблизи каждого из полюсов как бы уплотняется, концентрируется, приобретает характерные для данного измерения черты»[155].

Представляется важным обратить внимание на обстоятельства, способствовавшие разработке этой идеи. При анализе эмпирического материала Василюк обнаружил, что, употребляя традиционные термины, исследователь попросту наклеивает на факты «нормативнооценочные этикетки, которые не способны содержательно охарактеризовать внутреннюю суть явлений, а нужны лишь для того, чтобы рассортировать их по заранее заготовленным ячейкам с надписями…»[156]. В целях первичной интерпретации экспериментальных фактов с опорой на психологическое смысловое поле как пространство деятельности и сознания Василюк обратился за языком описания к теории деятельности А. Н. Леонтьева. В работе А. Н. Леонтьева

«Деятельность. Сознание. Личность»[157] выделены три «образующие» сознания: личностный смысл, значение и чувственная ткань, однако выяснилось следующее:

> «… в некоторых случаях эти понятия позволяют довольно точно описать экспериментальные факты, но сплошь и рядом возникает впечатление, что они подходят к фактам почти вплотную, уже вот-вот готовы прикоснуться к ним, но никак не могут ухватить их суть»[158].

Василюк объясняет это тем, что А. Н. Леонтьев рассматривает чувственную ткань как некое впечатление, как некий чувственный отпечаток предметного мира, порождаемый в практическом взаимодействии с внешним предметным миром и выполняющий функцию придания чувства реальности сознательным образам; это материал, из которого строится перцептивный образ, не обладающий спонтанной активностью и внутренней осмысленностью, поскольку осмысленность образа вносится в него значениями, а не чувственностью (т.е. значения бесчувственны, чувственность незначима). Такая трактовка чувственной ткани является недостаточной, поскольку она фиксирует только часть, только аспект той реальности, которая в целом заслуживает имени «чувственная ткань». Анализ эмпирических фактов показывает:

> «… у испытуемого чувственная ткань – не пришедшее извне впечатление, а поднимающаяся изнутри чувственность; она не послушный материал для образа, а бурлящая магма, рождающая формы и мысль; ей нет дела до придания реальности картине мира, поскольку она *феноменологическая реальность*»[159].

Василюк выдвигает гипотезу, согласно которой чувственная ткань образа является многомерной субстанцией, для измерения которой оказывается необходимым модифицировать принятое в теории деятельности представление об образе сознания. Поскольку сознание человека и отдельные образы сознания детерминируются внешним миром, внутренним миром человека, культурой и языком, модель образа сознания может быть представлена психосемиотическим тетраэдром. В этой модели внешний мир представлен предметным содержанием (П), внутренний мир – личностным смыслом (Л), культура – значением (З), а язык – словом (С). Каждый из названных «узлов» образа это –

> «… пограничная сущность, одной стороной обращённая к объективно существующей реальности (внешнего мира, внутреннего мира, языка, культуры), а другой – к непосредственной субъективности; все же вместе эти узлы задают объём, в котором пульсирует и переливается живой образ».

Василюк подробно обсуждает экспериментальные факты, свидетельствующие о доминировании того или иного «узла», или «полюса», образа, что может возникать «и вследствие психической патологии, и вследствие особой задачи, которую в данный момент решает сознание человека»[160]. Сознание может быть направлено на предмет, на его объективное свойство (например, ЛАМПА – *яркая*), но оно может также фокусироваться не на самом предмете, а на субъективном впечатлении от предмета (ЛАМПА – *слепит глаза*); в последнем случае задействована чувственная ткань предмета, на рисунке обозначенная как «п». Аналогично разграничиваются личностный смысл «Л» и чувственная ткань личностного смысла – «л», значение слова «З» и чувственная ткань значения – «з», слово «С» и чувственная ткань слова (знака) – «с».

Автор подчёркивает, что прилежащие к углам тетраэдра внутренние зоны состоят из чувственных тканей предметного содержания, значения, слова и личностного смысла, а объём в центре модели заполнен живой, чувствующей, пульсирующей материей, как бы уплотняющейся вблизи полюсов образа и в целом являющейся «представителем тела», в то время как сами полюса «выступают представителями предметного мира, мира культуры, мира языка и внутреннего мира»[161]. Обратим особое внимание на указание Василюка на то, что

> «Любой образ, даже образ, связанный с самой абстрактной идеей, всегда воплощён в чувственном материале, его всегда “исполняет” целый ансамбль осознаваемых и неосознаваемых телесных движений и чувствований»[162].

Тем самым акцентируются, с одной стороны, взаимодействие тела и разума человека, а с другой – постоянная динамика разных уровней осознаваемости того, что воспринимает или производит индивид.

Василюк отмечает, что в его модели образ сознания имеет не три образующих (значение – личностный смысл – чувственная ткань), а пять измерений: четыре из них (значение, предмет, личностный смысл, знак) –

> «… являются своего рода магнитными полюсами образа.
>
> В каждый момент силовые линии внутренней динамики образа могут направляться по преимуществу к одному из этих полюсов, и возникающим при этом доминированием одного из динамических измерений создаётся особый тип образа»[163].

В качестве пятой образующей сознания Василюк рассматривает чувственную ткань, но не как стоящую в ряду «значение – личностный смысл – чувственная ткань», а как особую внутреннюю «составляющую» образа представителя мира человеческого тела в образе сознания. Ф. Е. Василюк подчёркивает:

> «Образ предстаёт перед нами не как внешняя по отношению ко всем этим мирам сущность, извне со стороны детерминируемая ими, а как часть каждого из них, как их интеграл, как их интерференции, “голограмма”, в которую вливаются волны и энергии всех этих миров, не сливаясь в аморфную массу, но и не оставаясь отдельными, а входя в такое единство как отдельные голоса в многоголосье»[164].

Фактически Ф. Е. Василюк затронул широкий круг фундаментальных проблем, которые оказываются в центре внимания современной мировой науки. Отмечу попутно, что в модели Василюка полюс «С» точнее называть «полюсом словоформы», поскольку в состав слова как такового в единстве его формы и значения для индивида входит всё, что описывается «психосемиотическим тетраэдром».

Следует особо подчеркнуть, что модель Василюка хорошо согласуется с концепцией живого знания (см. выше) и с трактовкой последнего в работах В. П. Зинченко, по мнению которого в живом знании слиты значение и смысл при взаимодействии чувственной и биодинамической ткани сознания, знания и переживаемого отношения к нему[165].

Дальнейшее развитие направлений поиска путей возможной замены «треугольных» и «многоугольных» моделей привело к моделированию структуры того, что стали называть концептом. В этой связи необходимо прежде всего подчеркнуть, что фактически произошел отказ от семиотического ракурса, заложенного в классическом «треугольнике» и акцентирующего «чистое» отношение референции, с фокусированием на том, за счёт чего слово означает нечто, понимаемое коммуникантами. Это явный

сдвиг в сторону живого слова, требующий выхода за пределы понятия, учёта особенностей эмоционально-оценочного маркирования, ассоциативных связей и т.д.

Приведу пример динамики того, что в таких случаях может пониматься под «составляющими» концепта. В работе В. А. Пищальниковой[166] предлагается схема структуры концепта (смысла) (см. рис. 3.2).

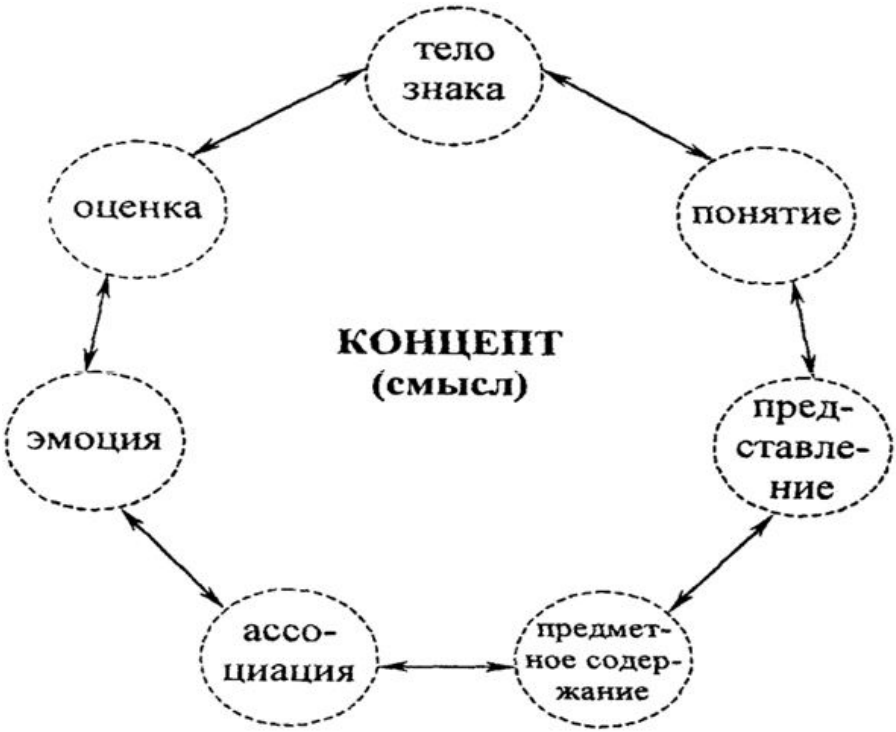


Рис. 3.2. Структура концепта (смысла)

Несколько позже В. А. Пищальникова[167] предложила интегральную схему значения, которое трактуется как устойчивая, но в принципе динамическая структура, реализующая определённый способ познания действительности (см. рис. 3.3.).

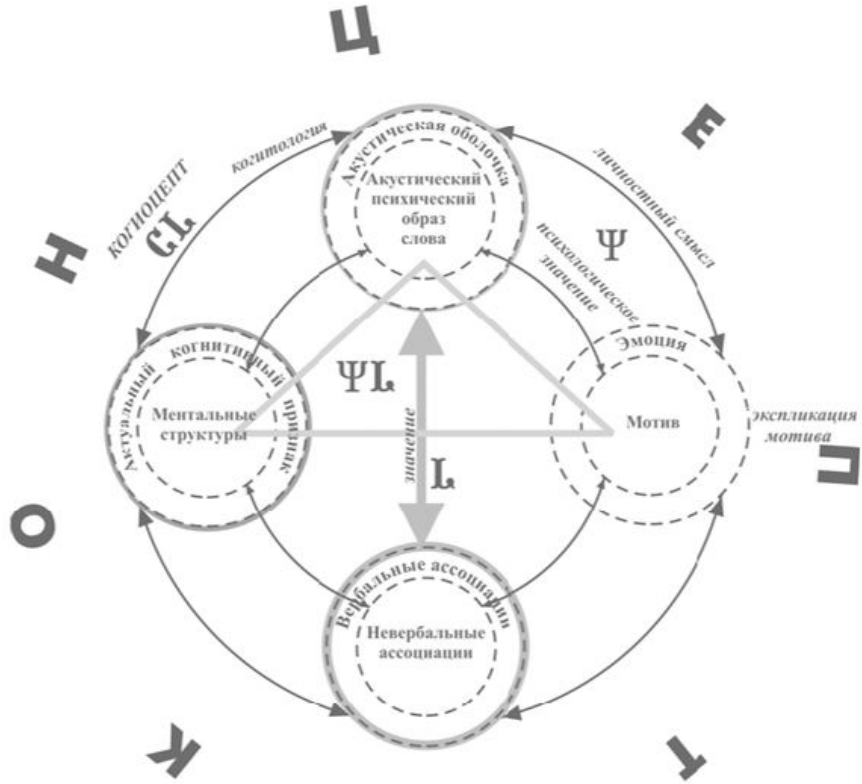


Рис. 3.3. Интегральная схема значения

В. А. Пищальникова указывает, что эта структура дискретируется «определённым звуковым образом, который поэтому и входит в значение, и символизирует его». Наряду с акустическим (психическим) образом слова в качестве трёх других составляющих системы значения рассматриваются: «*единство когнитивной структуры*, соответствующей способу познания данной категории (класса) реалий, и *актуального когнитивного признака*, определяющего процесс смыслопорождения (смысл)»; мотивационно-эмоциональный компонент и вербально-авербальный компонент как «единство невербальных и вербальных ассоциаций, ассоциативная структура, которая является базой интерпретации содержания всех других компонентов»[168].

Даётся следующее разъяснение:

> «Внутренняя взаимосвязь акустического образа, мотива, когнитивного способа категоризации и невербальных ассоциаций – это и есть *значение* как когнитивная структура, *стабильно-нестабильная структура как основа смысловпорождения*. Связь

внешних по отношению к ней компонентов – акустической оболочки, эмоции, актуализированного когнитивного признака (смысла) и вербальных ассоциаций с ними – смысл как структура актуального содержания в данном процессе речепорождения. <…> *Сказанное позволяет предположить, что динамика значения как познавательной структуры принципиально обусловлена механизмом языка (речесмыслопорождения), а не характером референциальных связей языка с нелингвистической действительностью*»[169].

Обратим внимание на то, что имеет место постоянная работа по совершенствованию развиваемых представлений о том, как может моделироваться значение слова, нередко отождествляемое с концептом. Например, в диссертации С. А. Наумовой[170] предлагается конкретизация модели В. А. Пищальниковой за счёт введения в схему репрезентации тела знака, включающей в себя графическую, фонетическую, морфологическую, семантическую и синтаксическую составляющие, каждая из которых способна активировать концепт. Автор признаёт, что эта схема не отображает специфики концепта как многомерного образования и не включает такие внеязыковые факторы, как мотивы, цели, установки и т.д. В то же время С. А. Наумова особо подчёркивает значимость изображенных на её рисунке связей, «поскольку их наличие определяет функционирование концепта»[171]. Заметим однако, что, например, мотив учитывается В. А. Пищальниковой в интегральной схеме значения, которая приведена выше на рис. 3.3.

В последние годы выполнено множество исследований, в которых описываются концепты, концептуальные поля и т.п., но приведённые примеры представляются достаточными для демонстрации того, что идёт поиск путей объяснения особенностей того, что лежит за словом, однако особый интерес составляют работы, в которых делаются попытки разработать обоснованную теорию значения слова, что может делаться с позиций разных подходов, фокусирующихся на тех или иных особенностях формирования или функционирования слова как достояния индивида. Не претендуя на полноту освещения этого вопроса, поделюсь информацией о некоторых работах, интересных в том или ином отношении и/или фокусирующихся на актуальных проблемах современности.

1.2. Некоторые новые тенденции в разработке теорий значения слова

Конец XX и начало XXI вв. знаменуются пристальным вниманием к проблемам взаимодействия тела и разума человека, включённости индивида в глобальные взаимодействия, его адаптации к естественной и социальной среде, роли множества внешних и внутренних факторов (в том числе биологических, включая специфику структуры мозга и принципы его функционирования), что не могло не отразиться на новейших концепциях значения слова.

Корпореальная теория значения

В работах Хорста Рутрофа[172] даётся обоснование необходимости восстановления роли тела как базы для языковой коммуникации. По его мнению, тело присутствует в дискурсе во многих формах невербального «прочтения мира»: корпореальность всегда была частью языка и только описания языка потеряли из виду тело и ту роль, которую оно играет в языковых текстах. Рутроф считает концепцию корпореальной семантики вкладом в теорию языка, семиотику и особенно – в теорию значения. Суть этой концепции состоит в том, что невербальные знаки составляют глубинную структуру языка, а значение – это ассоциация между невербальными и вербальными знаками. При актуализации значения тело обеспечивает квазиперцептивное отображение мира; необходимо восстановить роль тела в теориях языка и значения.

Различные проблемы значения подводятся Рутрофом под единый «зонтичный» вопрос: как вообще язык способен что-то означать? Чтобы ответить на него, необходимо пересмотреть наши ответы на такие вопросы: Как язык соотносится с миром? Являются ли значения дефинициями? Являются ли значения концептами? Являются ли концепты медиаторами (посредниками) между языком и миром? Играет ли язык определённую роль в том, как мы воспринимаем мир? Как язык соотносится с невербальными системами знаков? Все ли они «значат» одним и тем же образом? Являются ли невербальные знаки независимыми от языка или, возможно, язык паразитирует на невербальных знаках?

В поисках ответов на эти вопросы Рутроф критически анализирует различные подходы к значению, чтобы найти объяснение тому, как и почему в семантических теориях был утрачен учёт роли тела, проследить тенденции возрождения интереса к телу, в том числе – в работах М. Хайдеггера и М. Мерло-Понти, а также показать отличие своей концепции

значения от взглядов других авторов. Рутроф показывает, что «поворот к лингвистике», имевший место в начале XX века, постепенно сменился «корпореальным поворотом», а ныне наблюдается стремление к определённому балансу.

Рутроф даёт обоснование своего убеждения в том, что язык – это не более чем синтаксическая решётка пустых звуковых схем, которые сами по себе ничего не означают, если они не активированы невербальными знаками, а это происходит под контролем семиотического сообщества.

Вербальные знаки трактуются Рутрофом как полностью паразити-рующие на невербальном семиозисе. Системы невербальных знаков способны заменять друг друга (как, например, ощущение и запах заменяют зрение), но языковые выражения неспособны даже к ограниченной автономии. Чтобы перевести языковые цепочки или синтаксические схемы в значения, требуются невербальные знаки. Исходя из того, что значение гетеросемиотично, Рутроф детально рассматривает разные виды означающих (от высоко иконичных репрезентаций до символических отношений) и показывает эволюцию от зависимых от тела репрезентаций до постепенно приобретающих независимость от него конвенциональных означающих. При этом иконичность остается «живой», она интериоризируется.

Рутроф демонстрирует, что корпореальная семантика может объяснить, какую роль играет тело не только в конкретных концептах, но и в абстрактных терминах и функциональных словах. Чтобы избежать обвинений в «ментализме» и «субъективизме» ориентированной на тело теории значения, Рутроф обсуждает роль общества и показывает, что ментальные репрезентации в большей мере, чем это принято считать, создаются под социальным контролем, и, наоборот, так называемые «дефиниции» языковых выражений, якобы разделяемые членами семиотического сообщества, подвержены значительному варьированию. Те и другие являются интерсубъективными и находятся под контролем сообщества.

Отвергая традиционный подход к значению через понятия истинности и условий истинности, Рутроф показывает, что в социальном дискурсе фигурируют такие сложности интерпретации, к которым неприменимы условия истинности (последние подходят только в случаях, когда примеры из естественного языка обрабатываются так, чтобы они выглядели, как это требуется). Он полагает, что необходима прагматическая теория значения, опирающаяся на социальное общение, а не на дефиниции и точные механизмы для проверки их истинности. Различные виды семантической неоднозначности требуют

обращения к подходящим для их интерпретации невербальным знакам вместе с языковыми схемами. Вопрос о том, как же оказывается возможной коммуникация в подобных условиях, решается с помощью понятия «достаточного семиозиса» (к этому вопросу мы вернёмся позже, см. 3.2.1.В).

Рутроф полагает, что в работах М. Джонсона, М.Тёрнера, Ж. Фоконье, Дж. Лакоффа когнитивная наука сделала мощный прорыв в изучении значения. Однако его собственная концепция значения отличается от взглядов названных авторов; это прежде всего касается трактовки того, как мы «видим мир» и «говорим о мире», и понятия «достаточного семиозиса». Под «видением мира» Рутроф подразумевает многие пути, посредством которых мы находимся в контакте через тело с нашим окружением: касание, запах, вкус, ощущение земного притяжения, тепла, относительности и движения, времени, звука, зрения. Каким-то образом наш мозг делает возможным для сознания объединение этих разнообразных прочтений в более или менее связный «мир». По убеждению Рутрофа, именно связь между языком и невербальными структурами составляет суть значения.

Обращаясь к вопросу о том, как корпореальная семантика трактует отношение между словами и миром, Рутроф поясняет, что язык – это схема, посредством которой мы можем отсылать к миру, если мы знаем, какие невербальные знаки используются для того, чтобы заполнить эти пустые языковые формулы. Невербальное «схватывание» составляет базу и для языка, и для образа мира.

Концепция Х. Рутрофа непосредственно связана с рядом затрагивавшихся выше вопросов, так или иначе связаных с проблемой живого слова, живого знания. Заинтересованному читателю может быть также интересно ознакомиться с мнением Б. М. Величковского [2006] о «телесной заземлённости значения» и о теории перцептивных символьных систем Л. Барсалоу[173].

Сетевая теория значения

Кристина Харди[174] полагает, что теория, объясняющая специфику формирования, организации и функционирования значений у человека, должна учитывать такие особенности познавательной деятельности индивида, как сочетание осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов и их динамику, взаимопереплетение ощущений, переживаний и абстрактных понятий в мыслительных процессах, взаимодействие между сенсорно-аффективно– ментальным сознанием (mind) и

значимым для него окружением. В основу разрабатываемой ею теории легли коннекционистские представления о сетевой организации системы «узлов» с «взвешенными» связями между ними, теория семантических полей, идеи динамической самоорганизующейся системы, синергии, хаоса и т.д.

Харди разработала концепцию семантических констелляций (далее – СеКо), под которыми понимаются специализированные сети, объединяющие и организующие все возможные типы элементов, в том числе не только языковые, но и любые физиологические, психологические и мозговые процессы (т.е. ощущения, аффект, процедуры, жесты, поведение и соответствующие нейрологические процессы). Малая сеть может быть включена в более обширную, хотя сама она тоже может включать подсети, т.е. модель семантического поля подразумевает архитектуру типа «сеть–в–сети», вплоть до сетевой организации всей психики как семантической решётки. Харди выделяет также так называемые ноосемантические поля (от греч. noesis – ‘акт мышления’), под которыми понимаются активированные части семантической решётки, и эко– поля – связи семантической решётки за пределами индивида, устанавливаемые при взаимодействии с другими людьми или объектами. При этом выясняется, что констелляции значений существуют и на коллективном уровне – в идеологии, культуре, искусстве и т.д. Харди называет их коллективными СеКо.

Харди подчёркивает, что подобный подход придаёт особое значение взаимодействию тела и мозга, интегрированию соответствующих процессов в единую многократно и многообразно пересекающуюся сеть. Отсюда следует, что знание у человека никогда не бывает строго абстрактным, оно непременно увязано с множеством сенсорно-аффективных процессов. Абстрактные рассуждения (логические, математические и т.п.) вовсе не превалируют у индивида; скорее – это то, чему мы с трудом учимся и чем заставляем себя заниматься. Базовые, естественные процессы реализуются через динамику спонтанного установления взаимодействий между семантически связанными кластерами, или СеКо. Такое взаимодействие характеризуется большой гибкостью, пластичностью, способностью к адаптации, ассоциированию, сопоставлению, рекомбинации и т.д., что обеспечивает возможность подлинно динамичных и творческих ментальных процессов.

По мнению Харди, сложные динамические процессы составляют основу для креативных и порождающих возможностей сознания, а теория хаоса, исследующая то, что лежит за явным

беспорядком, подсказывает путь для изучения особенностей развития и самоорганизации широкого круга сложных систем, в том числе – и ментальных систем, их «нелинейности» – способности давать различающиеся ответы при наличии постоянных условий. При этом важны: а) свойственный теории хаоса акцент на взаимодействии разнообразных сил в сложной системе (именно отсюда проистекает её самоорганизация) и б) развиваемая этой теорией идея аттракторов: речь идёт о математической модели, которая описывает движение объекта в пространстве (в каком– то специфическом участке этого пространства некоторый аттрактор «залавливает» объект, влияя на траекторию его движения). Тем самым описывается развитие системы во времени. Подобным образом СеКо функционируют в качестве аттракторов, организуя сходный предшествующий опыт. Значительные расхождения в контексте или параметрах опыта могут вызвать модификацию аттрактора и привести к бифуркации. Взаимодействие конвергентных и дивергентных сил такого рода обеспечивает гибкость соответствующих процессов, их способность к развитию.

Харди высказывает уверенность в том, что необходимо проводить междисциплинарные исследования, рассматривающие сознание (mind) в качестве целостной, живой, постоянно изменяющейся динамической системы, интегрированной с социальным и физическим окружением. При этом особое внимание она уделяет функционированию значений как одному из самых парадоксальных процессов: кажущийся мгновенным, он в то же время является сложным и многоэтапным, задействующим множество параметров; безусловно личностный, он в то же время базируется на межличностных факторах и на окружающей реальности.

Рассматривая концепты как строительный материал для процессов сигнификации, Харди трактует их как сложные, организованные семантические сущности – динамичные по своей природе СеКо. Она прослеживает динамику научных трактовок концепта: от приравнивания к лексическим дефинициям как перечням признаков, необходимых и достаточных для отнесения некоторого объекта к той или иной категории, через замену «дефиниционной модели» более гибкой моделью «семейного сходства» и добавление «сетевой архитектуры» к статичному семантическому картированию концептов, к разработке моделей «пропозициональных сетей», распространивших теорию семейного сходства на кодирование отношений между концептами. Однако остаётся ещё долгий путь от таких моделей до понимания познания как живого процесса, поскольку, как и в

более старых дефиниционных моделях, концепты здесь остаются безнадёжно застывшими сущностями, не испытывающими влияния со стороны взаимосвязей с другими концептами (они трактуются как стабильные, инвариантные сущности, которые просто принимают некоторые дополнительные качества в зависимости от контекста и устанавливаемых связей). Для преодоления такого подхода, в котором структура превалирует над процессом, необходимо ввести временной параметр, непосредственно связанный с динамикой и трансформацией концептов. Концепты не только имеют расплывчатые границы, они также склонны к модификациям: они расширяются, сливаются, разбиваются на части, а также подвергаются искажениям и мутациям (например, обязательным признаком концепта «стул» долгое время было «наличие четырёх ног», однако теперь это далеко не так). Следует сделать ещё один шаг вперёд и признать наличие синергии взаимных трансформаций между концептами, т.е. учитывать не просто связи между концептами как таковыми, но и то, как они влияют друг на друга, вызывая соответствующие трансформации. Такой подход заставляет перенести акцент на формирование концептов и их эволюцию в течение жизни индивида. Концепты не только изменяются, но и порождают новые концепты; они не только склонны к трансформации, но и влияют на трансформацию других концептов; это не просто пассивные инструменты или средства дескрипции, используемые сознанием, а составляющие процессов порождения значения, интегрированные в динамические процессы мышления, активно стимулирующие новые связи, ассоциации, новую ментальную (само)организацию.

Харди подчёркивает, что даже звуки, которые не имеют закреплённых за ними имён, могут выступать в качестве ядра некоторой констелляции; это помогает понять, что сенсомоторные процессы также нагружены значениями далеко за пределами их связи с языком. Подобным образом функционируют аффекты и чувства как наиболее значимый личностный опыт, также в основном выходящий за пределы языка; т.е., то, что имеет смысл для индивида, не ограничено языком и даже знаками[175]. Харди указывает также, что, по мнению многих исследователей, естественные процессы мышления в большой мере являются алогичными: основные спонтанные ментальные процессы базируются на ассоциациях, алогичном и метафорическом мышлении, которые протекают быстрее и целостнее, чем линейные исчисления. Исследования процессов принятия решений показывают, что даже эксперты в значительно большей мере, чем это кажется с первого взгляда, опираются на

нерациональные или интуитивные ментальные процессы. В исследованиях творчества имеется много свидетельств тому, что мышление, базирующееся на символах, аналогии или метафоре, не следует линейной логике или применению фиксированных правил; оно включает качественные «скачки» и неожиданные повороты (внезапные переходы) в рассуждениях. Известно также о существовании параллельных неосознаваемых процессов. Даже в нашем повседневном решении жизненных проблем мыслительные процессы продолжаются в случаях, когда мы перестаем их осознавать: на следующее утро после того как ничего не получалось решение приходит как бы само собой. Вполне очевидно, что поиск решения с опорой на семантическую решётку продолжается, хотя мы этого не осознаем; неосознаваемые ментальные процессы протекают параллельно с осознаваемыми. Исследования в области восприятия показывают, что мы не замечаем, как в мозге активируются сенсорные связи. Осознанное описание того, как эксперты достигают решения проблемы, является очень далеким от того, что происходило в действительности, ибо они опираются на имплицитное эвристическое знание.

Признавая, что для некоторых может показаться странным и противоречивым выражение «неосознаваемые мыслительные процессы», К. Харди уточняет, что противоречие в терминах «неосознаваемые» и «мыслительные» имеет место только при условии, если речь идёт только о рациональном сознании, продуцирующем мышление. Если же мы учитываем всю семантическую решётку как динамическую самоорганизующуюся систему, то оказывается, что осознаваемая мысль представляет собой лишь конечный продукт глубинных процессов, протекающих в целостной сети связей. С этой точки зрения, в окно сознания попадают те СеКо, которые оказываются в фокусе; в поток мысли также вклиниваются продукты неосознаваемых процессов, получаемые из активированного ноополя (т.е. с более «глубокого» уровня). Акцентирование внимания на некоторой теме не исключает возможности параллельного поиска решения по другим проблемам и соответствующей динамики связей в глобальной семантической решётке, что может привести к появлению (или «выскакиванию») в основном потоке мысли результатов неосознаваемых процессов, протекающих в активированных констелляциях. Иногда решение приходит внезапно, как «ага» – эффект, поскольку имеет место «инкубационный период» между осознаваемым анализом проблемы и моментом, когда решение приходит внезапно и полностью вне контекста.

К. Харди уточняет, что система типа глобальной семантической решётки может быть самоорганизующейся без логической согласованности её элементов. Даже для каждой отдельной СеКо характерно большое разнообразие связей, включая непостоянные и даже противоречащие друг другу. Подобным образом семантическая решётка может включать чрезвычайно различающиеся СеКо; некоторые из них тесно связаны друг с другом, другие полностью независимы. Такой тип организации делает возможным высокий уровень лабильности системы и обеспечивает её развитие и адаптивность.

Семантика опыта и выводного знания

Концепцию семантики опыта и выводного знания разрабатывает Патриция Виоли[176], она обсуждает три подхода к значению (с позиций логикофилософской, структурной и когнитивной семантики), «форматы семантической репрезентации», прототипные модели, параметры категорий и т.д. и излагает новую теорию значения, основанную на учёте многостороннего опыта человека и постоянно используемого им выводного знания.

По мнению Виоли, лексические единицы могут трактоваться в свете проявления глубинных семантических структур как опоры временной стабильности в динамичном семантическом универсе, который находится в состоянии постоянной трансформации.

Виоли приводит высказанное Полем Валери сравнение значения слов с тонкой рейкой, перекинутой через бездну. Но она полагает, что поскольку такие рейки перекинуты через бездну смысла, они являются частью самой этой бездны и из неё исходят. Когда одна из подобных планок пропадает, формируются иные кластеры и возникают новые опорные точки на постоянно меняющемся айсберге. Требуется объяснение того, как глубинные конфигурации мотивируют эти видимые элементы, по каким принципам они формируются и насколько регулярно трансформируются.

Поскольку слова являются семантическими конденсациями с определённой степенью синхронной стабильности, они могут рассматриваться как отправные пункты для нашей деятельности по получению выводного знания – относительно фиксированные пункты, отталкиваясь от которых мы формулируем гипотезы в процессе понимания и приписывания значения тексту. Адекватная лексическая семантика обязательно должна быть ориентирована на текст и его интерпретацию на основе

лексических единиц как абдуктивных средств (инструментов) для возможного направленного получения выводного знания.

Виоли представляет себе язык как живой организм; его сердцем является семантическая система, жизнь которой тесно связана с нашей собственной жизнью и неотрывна от неё. Семантика не автономна, её нельзя оторвать от суммы нашего знания и тем самым – от культуры, привычек, социальных обычаев, от всего, что составляет социокультурную сферу нашего опыта. Из трактовки значения как возникающего из опыта и мотивированного его природой вытекают разнообразные следствия. Самым важным из них является то, что отношение между языком и неязыковым миром нашего опыта должно рассматриваться через призму перцепции. Связь между языком и перцептивным опытом делает возможным переформулирование проблемы референции.

Особую важность для концепции Виоли имеет семиотическое противопоставление знака как эквивалента и знака как инференции (опоры для выводного знания). Согласно модели эквивалентности, две составляющие знакового отношения (выражение и содержание) управляются отношением идентичности – фиксированным и не подлежащим изменению соотношением, которое устанавливается раз и навсегда. Таким путем знак трактуется как базирующийся на категориях «сходства» или «идентичности». Эта идея исходит от Аристотеля и его принципа двунаправленной эквивалентности между термином и дефиницией. То же самое касается классических моделей, основывающихся на необходимых и достаточных признаках. У. Эко в книге «Semiotics and the philosophy of language» (1984) говорит о том, что глубинные импликации таких дефиниций (если «человек», то «мужчина», «взрослый» и т.д.) являются стерилизованными, они не могут порождать новое, не установленное такой дефиницией выводное знание, т.е. вместо продуктивности в плане получения выводного знания постулируется необходимая и предзаданная дедукция.

Виоли полагает, что все принципиальные проблемы классических моделей вырастают из их неспособности объяснить потенциальную возможность лексического значения вести к выводному знанию. Часть нормального функционирования языка составляет возможность приписывания значения термину даже при отсутствии некоторых определительных свойств.

Язык как семиотическая система, включающая конечное число дискретных единиц, как конечный набор символов, должен описывать бесконечный континуум нашего неязыкового опыта. В основе отношения сигнификации имеет место противоречие

между континуальным характером территории опыта, которую требуется картировать, и дискретной природой инструмента такого картирования. Это противоречие, с одной стороны, обусловливает изначальную пластичность языкового знака, который должен «растягиваться», чтобы приспособиться к новым возможным конфигурациям, а с другой – ведёт к соответствующим изменениям, которые нередко претерпевает языковой знак в процессе подобного перемоделирования. Отношение, которое таким образом устанавливается между выражением и содержанием, является динамичным и выводным, отсюда каждый знак является открытой, хотя и не недетерминированной, референцией к некоторому набору разнообразных возможных актуализаций. Это свойство языкового знака, которое является важным для его функционирования, теряется, если выражение и содержание коррелируются на основе предварительно установленного правила соотношения в соответствии со статичным принципом тотальной синонимичной взаимообусловленности, которая не оставляет места для выводного знания.

При трактовке знака как инференции Виоли, в частности, опирается на идеи прототипичности. Она отмечает, что ранние работы в этой области базируются на пресуппозиции всей прототипной семантики: наши процессы категоризации и тем самым построение значения скорее основываются на принципе сходства и аналогии, чем на идентичности. В семиотических терминах это переформулируется как идущая ещё от стоиков идея инференциального прочтения знака. Значения могут трактоваться как система инструкций для возможных контекстуальных вставок и для различных семантических результатов в разных контекстах.

Виоли указывает, что прототип является когнитивным отправным пунктом референции в категории, самым рельефным примером на основе опыта, который может быть перцептивным, когнитивным, культурным или сочетанием всего вместе в одно и то же время. Отталкиваясь от перцептивного элемента как самого выпуклого, мы сравниваем и оцениваем остальные элементы в плане большего или меньшего сходства; эти суждения являются градуальными и выводными, поскольку они следуют не правилу субституции, а принципу частичной аналогии. Таким образом, для классической модели характерны эквивалентность, код, правило, соответствие, идентичность, дедукция, декодирование, закрытость и статичность, а для прототипной, соответственно, – выводное знание, регулярность, процедура, сходство, аналогия, абдукция, процессы получения выводного знания, открытость,

динамичность.

При трактовке опыта как базы для значения, а слова как инструмента получения выводного знания[177] Виоли подчёркивает, что наш опыт познания реальности характеризуется множеством параметров. Он одновременно является феноменологичным и перцептивным, культурным, интерсубъектным и социальным. Такая природа нашего опыта делает семантику языка неотделимой он нашего знания о мире: схемы и структуры, посредством которых мы придаём смысл языковым выражениям, не отличаются от тех, посредством которых мы осмысливаем наше существование и наши действия в мире. Отсюда вытекает, вопервых, энциклопедическая природа семантики языка: если значение основывается на нашем опыте реальности, то языковое знание не может быть отделено от энциклопедического. Во-вторых, структура семантической системы должна быть мотивированной множеством уровней модальности нашего опыта; эти модальности детерминированы психофизиологическими ограничениями.

Лексическое значение конструируется не через систему фиксированных корреляций, а через набор возможных выводов, которые регулируются различными путями, проявляют разную степень убедительности и вероятности, а также накладывает ограничения на варьирующуюся ригидность интерпретативного процесса. С этой точки зрения задачей семантики является описание того специфического вклада, который лексический план вносит в понимание и интерпретацию текста с полным учётом допущения, что языковой знак является инференциальным.

Постулируя множество параметров значения, Виоли обосновывает необходимость перехода к неунифицированной модели лексического значения[178]. Она считает невозможным описание семантических структур одной и той же системой репрезентаций; скорее, лексическое значение существует в форме разнообразных частично накладывающихся друг на друга структур. Унификация формата репрезентации оказалась неразрешимой проблемой для всех имеющихся теорий. Ни одна модель не является полностью способной исчерпывающе описать лексикон в целом; существуют различные репрезентации и требуется соприсутствие множества по-разному представляемых моделей[179]. Невозможность единой трактовки значения слов объясняется тем, что язык соотносится с опытом, рельефность которого базируется на различных свойствах (ср. семантику слов «кот», «треугольник», «стыд»), на разных формах опыта.

Виоли разграничивает три взаимосвязанных параметра значения: (1) онтологический, относящийся к разным

модальностям и формам опыта; (2) семантический, который продуцирует некоторую типологию семантических свойств; (3) в качестве третьего параметра выступают пути, по которым реализуются эти параметры в разных частях речи и лексических категориях.

При рассмотрении форм опыта и роли перцепции[180] Виоли исходит из разграничения трёх областей опыта: перцептивного поля, относящегося к физическому миру; социального поля, относящегося к культурному и интерсубъектному миру, и психоэмотивного поля, относящегося к миру внутреннего опыта. Такая схематизация возможна только если мы допустим, что эти три области могут чётко отграничиваться друг от друга. На самом деле опыт редко (или вообще никогда) бывает однотипным; трудно представить себе чистую перцепцию, которая не является культурной, или психологический феномен, лишенный интерсубъектности (см. культурную и социальную природу таких эмоций, как зависть, ревность, презрение и т.п.).

Перцепция является одним из важнейших параметров вариативности в структурировании семантической системы, что имплицитно признаётся в некоторых категориях традиционного анализа, таких как противопоставление конкретного и абстрактного. Можно представить роль перцептивного опыта в семантической классификации по принципу континуума: на одном полюсе находятся термины, в семантике которых перцептивный параметр является существенным, на другом – термины, относящиеся к абстрактным схемам. Весь словарь, который относится к феноменологии перцептивно-корпореального опыта, имеет аналоговые характеристики; с этим связан параметр индексации, который относит к неязыковому опыту. Отличие названий естественных объектов от артефактов состоит в том, что первые отображают исключительно перцептивную рельефность, а рельефность вторых – как перцептивная, так и функциональная (социальная и культурная). Семантика разных лексических классов зависит от различий в природе опыта, лежащего за языковой структурой.

Итак, согласно концепции Виоли, конечное число дискретных языковых единиц используется для описания бесконечного континуума нашего опыта, поэтому относительно стабильные в синхронии значения слов служат опорами для получения выводного знания, что обеспечивает пластичность языкового знака, значение которого задаётся не системой фиксированных корреляций, а набором возможных инференций при различных ситуациях и контекстах.

Йозеф Златев [Златев 2006] справедливо отмечает, что глубокие рвы противоречий пролегли между теориями значения разных видов – менталистской, бихевиористской, (нейронно)редукционистской, (социально)конструктивистской, функциональной, формальной, вычислительной, дефляционистской, при этом трактовки понятия значения в рамках разных дисциплин не только различны, они несопоставимы[181]. Свою задачу Златев видит в том, чтобы сформулировать единую теорию значения, которая была бы интегративной и междисциплинарной, не будучи одновременно редукционистской. Ключевыми в предлагаемой теории являются два постулата: 1 – все живые системы и только живые системы способны к значению; 2 – существует иерархия систем значения: каждый предыдущий уровень предполагается тем, который следует за ним и объединяется с ним в единое целое, как в эволюции, так и в онтогенетическом развитии[182]. Златев формулирует и разъясняет положения в общих чертах обрисовывающие предлагаемую им теорию значения как ценности:

> «Для этих целей выделяются 4 типа систем значения на основе (а) характера внутренней ценностной системы, (б) структур категоризации, (в) структур коммуникации и (г) характерных для разных уровней типов механизмов научения, вовлечённых в эти процессы. Общая идея такова: эти системы значения входят одна в другую как русские матрёшки и в эволюции, и в онтогенезе, сохраняя большую часть своих характеристик, но, при этом, адаптируясь при интегрировании в ту систему, которая их включает. Эта теория подразумевает тесную связь между значением и эмоциями и, таким образом, имеет следствия для теории сознания»[183].

На с. 314–118 работы излагаются шесть тезисов единой теории значения. Приводимые формулировки тезисов повторяют авторский текст; комментарии к ним в значительной мере сокращены.

1. «Значение является отношением между организмом и его средой, определяемое ценностью, которую конкретные (делящиеся на категории) факторы среды имеют для организма».

Значение – это экологическое понятие, оно характеризует взаимодействие между организмом и средой. Окружение может

быть чисто физическим или физическим и культурным (у людей).

2. «Значение физических факторов (категорий), воспринимаемое посредством врождённых ценностных систем, основывается на их роли в сохранении жизни индивида и его рода».

Первичная форма «хорошего», «плохого» и «нейтрального» определяется относительно организма и вида. Отбирая жизнеспособные в отношении своих ниш формы жизни, эволюция обеспечивает организм врождёнными ценностными системами, которые играют решающую роль в распознавании (экологической) ценности окружающей среды.

3. «Значение культурных факторов (категорий) оценивается на основе конвенциональных ценностных систем, состоящих (главным образом) из знаков. Ими нужно овладеть, прежде чем они смогут детерминировать отношение значения для организма».

Такие культурные категории подразумевают способность использовать и интерпретировать конвенциональные знаки (в семиотическом смысле слова) там, где относительно конкретное выражение (например, рукопожатие, жест, слово) репрезентирует для членов некоего сообщества относительно менее конкретный концепт (например, ДРУЖБА). Будучи социальной по происхождению, эта система значения интернализируется в процессе её усвоения и берёт на себя роль приобретённой ценностной системы, являющейся посредником между организмом и средой, т.е. некоей формой «семиотического посредничества». Врождённые ценностные системы по-прежнему присутствуют, но уже меньше влияют на определение значения и адаптируются под вознаграждающие формы социального взаимодействия.

4. «Как врождённые, так и приобретённые ценностные системы играют роль контролирующих систем, направляя и оценивая поведение организма и его адаптацию».

Внутренние ценностные системы лежат в основе мотивации и различных степеней интенциональности в смысле целенаправленности, участвуют в оценке действия, влияют на поведение в будущем, что составляет основу для самокоррекции и саморегуляции.

5. «Внутренне присущая ценность, и, соответственно, значение, тесно связаны с эмоцией и чувством и представляют необходимое, но не достаточное условие чувственного переживания».

6. «На основе вводимых Тезисами 1–5 понятий можно определить четыре различных типа систем значения, образующих

эволюционную и эпигенетическую иерархию».

Иерархия систем значения, основанных на ценностях, определяется:

а) природой ценностной системы и характерными для разных уровней:

б) структурами категоризации среды;

в) структурами социального взаимодействия;

г) типом механизма научения;

д) «предположительно, структурами чувственного опыта, т.е. сознанием» (см. табл. 1 на с. 318 цитируемой работы).

Таким образом, Златев разграничивает сигнальностимульную, ассоциативную, миметическую (способность имитировать сложные навыки, научение через имитацию) и символьную системы. Первые два типа соответствуют системам «природного» значения, последняя – является системой конвенционального значения, а третья квалифицируется как переходная. Златев полагает, что эти типы систем значения формируют эволюционную иерархию в том смысле, что каждый последующий в иерархии тип выстраивается на предыдущих типах и «инкапсулирует» их.

Предлагаемая Златевым теория значения-как-ценности конкретизируется в двух планах: в отношении филогенеза и онтогенеза. Отмечается, что все организмы (и только организмы) способны к значению, хотя и различного типа. У людей «природное» значение, основанное на врождённых ценностях (и усвоенных ассоциациях), дополняется конвенциональным значением, общим для участников сообщества, отсюда и вытекает название рассматриваемой работы: «Значение = Жизнь + Культура». Златев особо подчёркивает:

> «… для существ, способных к культуре, т.е. приобретённым ценностным системам, состоящим в значительной мере из конвенциональных знаков, когда имитация играет решающую роль для их передачи, значение становится комплексным биокультурным феноменом»[184].
>
> Важнейшей задачей будущего Златев считает объединение усилий гуманитарных, социальных и биологических наук для разработки единой биокультурной теории значения[185].

Теория лексических концептов и когнитивных моделей

Попытка разработать «когнитивно-реалистичную» теорию значения содержится в работе Вивьен Эванс[186], где указывается, что значение не является функцией языка как такового, оно возникает лишь в процессе ситуативно обусловленного пользования языком.

Центральными для этой теории являются понятия лексического концепта и когнитивной модели. Автор исходит из признания того, что между лексическим концептом и значением существует важное (фундаментальное) различие: лексические концепты представляют собой семантические единицы, конвенционально ассоциируемые с языковыми формами, они оставляют неотъемлемую часть ментальной грамматики пользователя языком, в то время как значение принадлежат не столько словам, сколько использованию языка в ситуациях.

Эванс разрабатывает теорию интеграции лексических концептов с целью показать роль слов в конструировании значений. По её мнению, лексический концепт является довольно схематичным знанием, которое обеспечивает доступ к концептуальному знанию, организованному в когнитивные модели. Последние формируют сеть энциклопедических знаний, имеющую определённый семантический потенциал, доступ к которому обеспечивается посредством языковой единицы – слова. Результатом интегрирования лексических концептов является значение высказывания.

Исходя из постулируемого взаимодействия лексических концептов и концептуальных моделей, Эванс называет свою теорию «the Theory of Lexical Concepts and Cognitive Models, or LCCM Theory» и указывает, что сочетание результатов исследований в области когнитивной лексической семантики с представлениями, разрабатываемыми с позиций когнитивного подхода к грамматике, используется ею для демонстрации роли слов как языковых подсказок для глубинных познавательных процессов.

Обратим внимание на то, что Эванс разграничивает хранение в памяти и использование лексических единиц. Например, по её представлениям, полисемия является функцией хранимых в памяти ментальных репрезентаций (а именно, лексических концептов), обеспечивающих раздельный доступ к близким по смыслу или связанным друг с другом когнитивным моделям. Это положение представляется мне спорным и отражающим широко распространённый миф, согласно которому слово хранится в памяти со всеми его формами и значениями, т.е. так, как оно фигурирует в описательной модели языка.

П. П. Дашинимаева[187] обосновывает психонейролингвистическую теорию значения как значимости: согласно этому подходу, значение обладает только некоторым потенциалом, оно прекращает свое существование в акте семиозиса, ибо происходит личностное переживание значимости при взаимодействии эмоциональных, сенсорных, модально-волевых составляющих.

На основании предпринятого критического анализа разнообразных лингвофилософских теорий значения П. П. Дашинимаева приходит к следующему заключению:

> «… если семиозис охватывает все этапы активации значения от порождения и его вербальной экспликации, то *теория значения – это теория семиозиса*»[188].

Автор оспаривает широко принятое представление о том, что при продуцировании или восприятии слова человек обращается к денотативному значению слова как универсальной и статичной сущности (одинаковому для большинства носителей языка образу предмета). Отмечая, что такая точка зрения составляет «логикодедуктивный продукт теоретической мысли», Дашинимаева указывает на текучесть и вариативность того, что трактуется как объективация ассоциативно-связанного со словом концептуально-семантического комплекса:

> «… в речемыслительном процессе субъект не представляет старые реальности: он *познаёт их каждый раз по-новому и от первого лица*»[189].

Для объяснения такого положения вещей Дашинимаева обращается к некоторым моделям работы памяти и мышления и делает вывод, что необходим подход, который не сводится к простому алгоритму процедур, но учитывает сложность нейрофизиологического механизма мышления и важность процессов сенсомоторной обработки воспринимаемого человеком. В качестве такого подхода Дашинимаева принимает теорию перцептивных символьных систем, разрабатываемую Л. Барасалоу[190], и констатирует переход на новую парадигму, согласно которой «использование слова тем или иным индивидом есть объективация нового слова и дополнительной реальности относительно не только других индивидов, но и себя»[191]. При этом даётся следующее разъяснение:

> «На продуктивном уровне говорящий вкладывает в слово своё собственное “прочтение”, активируя специфическую, только ему присущую конфигурацию ассоциативной сети (напомним о том, что концептуализация в ней ситуативна – “записана” и зрительная, и сенсорная информация), и на перцептивном уровне адресат декодирует данное слово также в соответствии со своим когнитивным механизмом развёртывания значения. Это, во-первых. Во-вторых, слово активирует дополнительную реальность относительно самого индивида, поскольку за промежуток времени, который отделяет использование слова от его предыдущей объективации, перцепция новых событий уже скорректировала какие-нибудь элементы нейронного узла по тому или иному признаку»[192].

Дашинимаева опирается также на принцип цельнокупности восприятия, категоризации и воспроизведения информации, предлагая вести речь о «пакетном» продуцировании значимости, т.е. имеется в виду:

> «…распределённый, синестетический принцип функционирования мозга активировать одновременно целый ряд нейронных групп, вкупе обеспечивающих единство чувственного, аффективного, интеллектуально-рационального, психического и соматического»[193].

В противовес иллюзии слитости значения с формой слова, автор выступает за слитость значений с чувственной, биодинамической тканью сознания при единстве сенсорики и интеллекта, психического и соматического[194]. Это хорошо согласуется с противоположением двух подходов к значению: с философско– лингвистических позиций конвенциональное значение выводится из соотнесённости с внешним миром, в то время как реальное значение относится к актуальному семиозису и представляет собой продукт индивидуального опыта чувственного познания мира[195].

Таким образом, Дашинимаева:

– разграничивает значение и значимость;

– трактует значение как неживой квант знания, а значимость – как личностное переживание в процессе мышления[196];

– полагает, что со значением увязывается концептуально-семантическое, лексикографическое знание[197];

– рассматривает значимость как «психический феномен, часть

которого в виде означиваемого стремится к внешнеязыковой объективации»[198];

– указывает, что в каждом акте семиозиса субъект приписывает знаку новую значимость[199].

Значение и смысловое поле

В выполненном под моим руководством исследовании Н. И. Кургановой[200] по результатам анализа материалов широкомасштабного эксперимента с носителями русского и французского языков разработаны теоретические основы динамического операционального подхода к исследованию процессов идентификации слова; предпринято моделирование параметров и опор функционирования значения в единстве структурных и процессуальных характеристик.

Курганова указывает на следующие преимущества трактовки значения и смысла слова в рамках единого смыслового поля: такое поле «объединяет индивидуальное и коллективное знание, процессы и результаты смыслообразовательной деятельности индивида и социума»[201]. Автором показано, что в фокусе исследования, ориентированного на поиск внутренней динамики знания, должны находиться процессы и механизмы, увязывающие индивидуальное и коллективное знание, тем самым во главу угла ставятся структурные и операциональные параметры функционирования смыслового поля.

Разработанное Кургановой моделирование структурных параметров смыслового поля

> «… даёт возможность представить значение в виде *совокупности смыслов*, структурированных в соответствии с их значимостью в обыденном сознании носителей языка и культуры, что выражается с помощью *ассоциативного ядра поля, когнитивной и признаковой структур*»[202].

Это позволяет проследить основные направления осмысления слова, степень актуальности идентифицированных признаков, а также стереотипные представления и оценки, типичные для той или иной лингвокультуры. В совокупности с моделированием операциональных параметров смыслового поля с целью реконструкции процессов смыслообразования такой подход позволил Кургановой обнаружить определённые метастратегии, когнитивные схемы, когнитивные операции, смысловые модели и т.д., что дало основания трактовать смысловое поле как

> «… *динамическое континуальное образование*, которое всё время актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, сохраняя при этом определённое *стабильное ядро* в виде набора типичных и регулярно воспроизводимых стратегий, схем, моделей и когнитивных операций. Это *операциональное ядро* задаёт *динамику функционирования* смыслового поля и лежит в основе ментальности нации, объединяя членов лингвокультурного сообщества в определённый *когнитивный тип*, характеризуемый *общностью смыслообразовательных процессов*»[203].

Как полагает Н. И. Курганова, разработанный ею подход позволяет по-новому представить феномен разделяемого знания, которое характеризуется множественностью форм его репрезентации в силу того, что оно формируется и функционирует на различных уровнях осознаваемости и обеспечивается:

> «… благодаря: а) владению когнитивной структурой; б) умению выделять и осознавать существенные и несущественные признаки именуемого, “лежащие” за словом; в) овладению стратегиями, когнитивными операциями и смысловыми моделями, сформированными в процессах познания и общения»[204].

К числу основных выводов по результатам своего исследования Курганова также относит общее заключение, согласно которому

> «Смысловое поле, объединяя *значения* и *способы их “производства”*, составляет своего рода ценностную систему, через призму которой воспринимается мира и строится целенаправленная деятельность сообщества. Ведущая роль в обеспечении жизнедеятельности сообщества принадлежит смыслам: они обусловливают динамику развития значений и лежат в основе разделяемого знания и того образа мира, который конструируется человеком в процессе взаимодействий с миром. Это выражается в том, что смысловое пространство задаётся определённым набором когнитивных стратегий, схем и когнитивных операций, выступающих в качестве функциональных опор смыслообразовательной деятельности»[205].

К проблеме моделирования смыслового поля по результатам исследования Кургановой мы вернёмся ниже (см. 4.2.3).

2. Интерфейсная теория значения слова

Даже по необходимости краткий обзор свидетельствует о существенных изменениях в понимании того, что представляет собой значение слова у индивида. Фактически мы проследили, как от попыток каким-то образом дополнить семиотический треугольник до более подходящей геометрической фигуры разные авторы приходят к осознанию необходимости выйти за пределы философских и лингвистических представлений о значении слова с целью построения некоторой модели, отвечающей специфике реального функционирования слова у носителя языка. Отталкиваясь от различающихся исходных «систем координат» и пользуясь варьирующейся терминологией, исследователи значения слова пытаются понять и объяснить: за счёт чего языковая единица оказывается способной означать то, что в какой то мере сходно понимается коммуникантами. Иными словами, произошел переход от фокусирования на отношении референции в семиотической трактовке к изучению процессов, обеспечивающих определённые продукты означивания, к тому же при акцентировании роли субъекта соответствующей деятельности. Это заставляет более подробно остановиться на проблеме естественного семиозиса.

2.1. Естественный семиозис и связанные с ним проблемы

Семиотика и семиозис

С давних времён люди задумывались над тем, откуда берутся названия («имена») вещей, как человек оказывается способным более или менее правильно идентифицировать называемую другим/другими вещь и, в конечном счёте, благодаря чему происходит взаимопонимание между людьми. Именно фокусирование на этом «в конечном счёте» поставило во главу угла социальный ракурс именования и понимания – универсальность и всеобщность, в то время как потребность индивида именовать вещи и его способность успешно осуществлять как именование, так и идентификацию поименованного, т.е. индивидуальный, личностный ракурс того же явления, связанный со спецификой реализации универсального и всеобщего через неизбежные вариативность и

пристрастность, до последних лет оставался в лучшем случае на периферии исследований, а более типично – вовсе игнорировался, т.е. в поисках наиболее общих закономерностей функционирования знака «за скобками» оставался пользующийся знаками человек, поскольку даже в межкультурных исследованиях речь традиционно идёт о знаке как таковом, а не о механизмах означивания или идентификации имён в процессах познания и общения. Определённую роль в таком положении вещей в XX в. сыграло указание Ч. Морриса на то, что

> «… общая теория знаков не должна себя связывать с какой-либо конкретной теорией о том, что происходит, когда нечто учитывается благодаря использованию знака»[206].

И хотя далее сам Моррис уточняет, что не обязательно отрицать «индивидуальный опыт» процесса семиозиса[207], повсеместно акцент был сделан на теоретизировании в области системы отношений между компонентами семиозиса, измерений и уровней семиозиса и т.п. Это вполне естественно с той точки зрения, что

> «… семиология изучает не мыслительные операции означивания, но только *коммуникативные конвенции* как феномен культуры (в антропологическом смысле слова)»[208].

На самом деле и сам Ч. Моррис признавал:

> «Семиотика как наука о семиозисе столь же отлична от семиозиса, как любая наука от своего объекта»[209].

Более того, вслед за Ч. С. Пирсом, исследователи поместили в фокус внимания логический аспект теории знака, и его весьма продуктивная идея семиозиса как перевода не получила «выхода» за пределы системы знаков, поскольку, как подчеркивает У. Эко,

> «…*интерпретанта* это не *интерпретатор*, т.е. тот, кто получает и толкует знак, хотя Пирс не всегда достаточно чётко различает эти понятия. Интерпретанта это то, благодаря чему знак значит даже в отсутствие интерпретатора»[210].

Обратим внимание на постулируемую способность знака «значить даже в отсутствие интерпретатора»: фактически это узаконивание мифа, согласно которому слово само по себе несёт

всю приписываемую ему информацию – оно *означает, обобщает, относит к некоторым категориям* и т.д. и т.п.

Представляется важным добавить, что на самом деле в опирающихся на работы Ч. Морриса и Ч. Пирса исследованиях фактически происходит подмена названных понятий (а именно – интерпретанты и интерпретатора), в значительной мере обусловленная широко известным «семиотическим треугольником» Ч. К. Огдена и И. А. Ричардса, моделирующим знаковую ситуацию, которая многими воспринимается как прямо отображающая процесс означивания у индивида, хотя названные авторы разграничивали внешний и внутренний (психологический) контексты. Попытки выйти за рамки «треугольника значения» в «трапецию значения», «психосемиотический тетраэдр» и т.д. (см. выше) можно трактовать как поиск ответа на вопрос: во что же – в конечном итоге – «переводится» словесный знак? Заметим, что при этом происходит неизбежный выход за пределы семиотики, ибо в центре внимания оказывается то, что лежит за словом у пользующегося им субъекта семиозиса – человека, обеспечивая успешность процессов понимания и взаимопонимания.

Универсальные характеристики знаковой ситуации получили освещение в огромном количестве публикаций, ставивших основной целью решение теоретических проблем преимущественно «чистой семиотики» (по Ч. Моррису) и выполненных в русле семиотики/семиологии, философии, логики, лингвистики, теории литературы и т.д. Даже поверхностный обзор мнений по возникающим в этой связи вопросам потребовал бы написания специальной монографии. Поэтому представляется актуальным перейти непосредственно к рассмотрению некоторых аспектов феномена естественного семиозиса, т.е. процессов и опор, специфичных для означивания как способности индивида.

Всё обсуждаемое далее касается именно живого человека, познающего мир по законам психической деятельности, но под контролем социума и – шире – культуры, через разнообразные виды контактов с окружающей действительностью (природной и социальной), в том числе (но не единственно, исключительно) – через общение. Последнее уточнение принципиально важно: человек как субъект процессов именования и идентификации поименованного трактуется как продукт взаимодействия комплекса «начал» – индивидуального и социального, чувственного и рационального; признается также, что и называние, и понимание всегда связаны с переживанием именуемого или идентифицируемого.

Такой подход в корне меняет систему представлений об означивании, требуя выхода за пределы принятой «по уговору» системы значений как конечной области реализации процессов перевода знаков с учётом того, что такая система является лишь медиатором (промежуточным средством), обеспечивающим выход индивида на его образ мира, который формируется в разностороннем и многомерном личном опыте, без чего никакой знак (не в «чистой» теории, а в заземленной практике) не может выполнять свои функции. Это в свою очередь требует отказа от плоскостных («угольных») моделей знаковой ситуации и перехода на вероятностные по своему характеру модели выбора стратегий и опор, обеспечивающих итоговый «перевод» словесного знака на «язык» интеллекта, взаимодействующего с телом индивида и его личностными эмоционально-оценочными переживаниями.

Можно провести аналогию между исследованиями в обсуждаемой области и рассмотрением в мировой науке проблемы бесконечной делимости материи с переходом на позиции квантовой механики:

> «Сначала элементарные кирпичики мироздания – атомы представляли в виде маленьких шариков, затем выяснили, что эти шарики имеют сложную внутреннюю структуру, ну а потом поняли, что это совсем даже не шарики, а нечто среднее между волной и частицей. Погружаясь в глубины микромира, физики были вынуждены отбросить старинные представления, основанные на жёстких закономерностях. Наука, используя язык Ψ–функций, перешла к вероятностному описанию явлений природы. Новый подход был принципиально отличен от классического и оказался крайне продуктивен и предельно точен в описании того, что происходит внутри и вокруг нас»[211].

Следует отметить, что теоретически мы можем оставаться в русле идеи непрерывного процесса семиозиса, принимая гипотезу У. Эко, согласно которой «*интепретанта – это иной способ представления того же самого объекта*»[212], однако с оговоркой, что в данном случае интерпретанта функционирует не независимо от интерпретатора (как это должно быть согласно постулатам «чистой семиотики»), а у него самого как активного субъекта соответствующей деятельности, в его интересах и в полной зависимости от сложного взаимодействия комплекса разнообразных внешних и внутренних факторов.

Интересно отметить, что при попытке дать дефиницию термина «семиозис» мы обнаруживаем отсутствие

соответствующих статей даже в довольно новых словарях[213], в том числе и в «Кратком словаре когнитивных терминов»[214], и в «Большом психологическом словаре»[215], хотя, по логике вещей, именно когнитивная наука и психология ранее других областей науки должны были бы озаботиться разгадкой тайны естественного семиозиса.

В «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике»[216] в качестве одной из трактовок термина «семиозис» даётся следующая дефиниция: «операция, приводящая к установлению соответствия между означаемым и означающим знака. Термин семиотики». Однако следует обратить внимание на вытекающее из психолингвистической теории слова принципиально важное положение, согласно которому «операция, приводящая к установлению соответствия между означаемым и означающим знака», на самом деле играет роль промежуточного этапа в ходе естественного семиозиса, поскольку социально принятый знак – это всего лишь инструмент, благодаря которому происходит «выход» на индивидуальный опыт, вне которого знак не может функционировать как достояние человека (см. выше о двойной жизни значений и о слове как средстве доступа к единой информационной базе носителя языка и культуры).

Сведения о термине «семиозис» в разных вариациях встречаются в научных текстах, где чаще всего используется классическое определение, предложенное в свое время Ч. Моррисом: «Процесс, в котором нечто функционирует как знак, можно назвать *семиозисом*»[217]. Полностью соглашаясь с важностью акцентирования того, что речь идёт именно о процессе, подчеркнём, что для рассматриваемого ниже индивидуального ракурса этого процесса необходимо уточнение: под *естественным семиозисом* понимается комплекс процессов выбора стратегий и опор, обеспечивающих, с одной стороны, «перевод» функционирующего в культуре знака на индивидуальный «язык» понимания и переживания обозначаемого именем содержания, а с другой стороны – поиск имени, которое способно выступить в качестве социально признанного знака, позволяющего партнерам по коммуникации «высветить» в своем перцептивно– когнитивно-аффективном опыте опоры, в достаточной мере подходящие для того, чтобы служить базой для взаимопонимания, быть «разделяемым знанием».

Такая трактовка сути и специфики естественного семиозиса позволяет объяснить, почему именование и идентификация поименованного не могут рассматриваться как «зеркальные» процессы. Дело в том, что в первом случае мы знаем, в каком

ракурсе и с каким эмоционально-оценочным ореолом именуем нечто в определённых целях, и исходим при этом из личностного «внутреннего контекста», своеобразной «предпрограммы», обеспечившей именно такой, а не иной ракурс видения и оценивания объекта (по принципу: «для меня – здесь – сейчас», поскольку в каждый последующий момент что-то может измениться в окружающей ситуации и в моём личностном видении этой ситуации). В отличие от этого во втором случае нам нужно установить, что лежало за именем для кого-то другого, но мы приступаем к решению этой задачи на основе преломления воспринимаемого слова через призму нашего «внутреннего контекста», нашей «предпрограммы», т.е. взаимопонимание всегда возможно только в некоторых пределах, ограничиваемых сходством предшествующего опыта (как личностного, так и общекультурного).

В этой связи представляется рациональным пользоваться понятием «интервала» на своеобразной «шкале» понимания как континуума: условные «пороги» такого интервала отграничивают либо излишнюю «дробность», детализацию содержания на уровнях признаков и признаков признаков, которая не входила в замысел отправителя сообщения и может поэтому увести от искомого, либо чрезмерную обобщённость понимаемого, что также может получить индивидуальную интерпретацию, расходящуюся с заданной. Подобные «недолёты» и «перелёты» – обычное явление не только в повседневном общении, но и при чтении текстов, и в научных дискуссиях, поскольку человеку свойственно выходить на тот уровень «перевода знаков», поиска нужной «интерпретанты», который для него наиболее актуален в текущий момент как результат взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов (см. в главе 4 спиралевидную модель идентификации слова и понимания текста).

Заметим, что решающую роль при этом может сыграть и тот или иной уровень обобщения, и любой признак признака, актуализирующий соответствующую сеть связей в перцептивно-когнитивно– аффективном опыте индивида. Признание комплексности такого опыта завоёвывает всё большую популярность в мировой науке, что делает особенно актуальным уточнение ряда положений, к числу которых относятся понятие достаточного семиозиса и пересмотр трактовки роли тела в процессах означивания.

Роль тела в означивании

Фактически выше уже затронута проблема роли тела в процессах означивания. В последние годы в научной литературе стали употребляться термины, так или иначе связанные с телом человека и образованные от разных основ, в том числе «телесность», «соматикон», «соматизм», «bodyhood», «corporeality» и т.д. Различаются и позиции, с которых обсуждаются те или иные вопросы: одних авторов интересуют наименования частей тела или органов человека, в частности – в связи с их метафорическим использованием или «наивной анатомией»; другие экспериментально исследуют этнокультурные особенности восприятия и оценки человеческого тела, в том числе – с позиций «свой vs чужой»; третьи задумываются над тем, какую роль тело индивида играет в процессах познания и овладения языком, в идентификации значений слов и шире – в общении. Ниже делается попытка обосновать важность третьего из названных ракурсов (на самом деле их число можно было бы увеличить). Поскольку роль тела в языковой коммуникации уже затрагивалась выше при рассмотрении идей «корпореальной семантики», «семантических сетей», «семантики опыта и выводного знания» и т.д., представляется достаточным только кратко перечислить основные положения корпореального подхода к значению. В их число входят следующие.

Язык ничего не значит сам по себе, он опирается на невербальные «прочтения мира», функционирующие на разных уровнях осознаваемости при сенсорно– аффективно-ментальном взаимодействии, т.е. означаемые естественного языка требуют тела и эмоций для того, чтобы стать семантически функциональными (см. выше 3.1.2.А о концепции Х. Рутрофа; о роли эмоций см. подробно:[218]). Семиозис как нейробиологическая способность человека возможен только на основе взаимодействия тела, мозга и культуры – это положение ныне фигурирует в публикациях многих авторов.

Из приведённых положений особо выделим указание на то, что *означаемые естественного языка требуют тела и эмоций для того, чтобы стать семантически функциональными*. Рассмотрим обоснованность этого положения с опорой на ряд не затрагивавшихся ранее публикаций.

Следует подчеркнуть, что ещё С. Л. Рубинштейн в своё время предостерегал против обособления и противопоставления чувственного и рационального, трактуя их как составляющие единого процесса, развивающегося по бесконечной спирали переходов от чувственного к абстрактному и от абстрактного к чувственному[219]. Если заглянуть ещё дальше в историю российской науки, мы встретим работы И. М. Сеченова[220],

проследившего пути взаимодействия между «чувственными конкретами» и «мысленными абстрактами» и особенности становления их связей со словом.

В работе [Maturana http] выделен специальный раздел, посвященный телесности человека (Human bodyhood). У. Матурана указывает, что современная телесность человека является продуктом трансформации телесности членов сообщества людей как результата их бытия в общении. При этом те характеристики, которые делают нас такими существами, какими мы являемся (а именно – любовь, социальная ответственность, сознательность, духовность, этическое поведение, рефлексия), возникают у нас как динамические свойства телесности человека, закрепляемые и взращиваемые через способ со-существования в обществе, который основывается на некоторой базовой телесности[221].

Основоположник науки онтопсихологии Антонио Менегетти[222] указывает:

> «Теоретически или экспериментально … мы способны понять, что *не существует никакого таинственного скачка от психики к соме, а мы имеем дело с непрерывностью*, идентичностью, выражением на разных языках одной и той же формы идентичного оперативного значения, смыслового содержания. <…> В человеке активизирована энергия трёх видов: психическая, эмоционально-эфирная и физическая или соматическая. Это не три различных типа, а три модуса одной энергетической направленности»[223]; «… мнемическое формирование, сенсорное восприятие мира предшествует всякой другой психической идентификации. Ребёнок, узнавая мать или обращаясь к другим объектам, уже интериоризировал, или, точнее, соматизировал эти представления: *психической идентификации предшествует идентификация телесная, соматическая…*»[224].

Менегетти называет соматическую идентификацию процессом первичного познания[225]. Он полагает:

> «Наше тело представляет собой некий гештальт, образующийся из постоянного слияния его формы, функций и его среды обитания»[226]. «Тело – это первый инструмент, первое слово души, первая структура того невидимого, которое я есть»[227]. «Опытное переживание есть целостный факт, *всё тело воспринимает, как*

открытый радар. Рефлексия – только аспект рационального сознания»[228].

Аналогичную мысль о связи соматического и психического высказывает Л. М. Веккер[229], отмечающий, что *пограничная линия между психическим и соматическим имеется только при теоретическом подходе с позиций современной системы научных понятий*.

> «Если же мы берём отдельное конкретно переживаемое различение психического и соматического состояния и даже если мы берём отдельно взятое понятие психического в его противопоставлении соматическому, то дело обстоит радикально иначе»[230].

Поставив вопрос: «Чем отличается по своему прямому психическому составу переживание душевной боли или душевного состояния от переживания физической боли или соматического состояния?», Веккер указывает, что фактически речь идёт о «нетелесной телесности» или «телесной нетелесности», разница между ними состоит лишь в том, что переживание боли или самочувствия вызвано в одном случае центробежно, а в другом – центростремительно[231].

На взаимодействие трёх основных модальностей опыта – переработки через знак, образ и чувственное впечатление – указывает М. А. Холодная, подчёркивающая: «… когда мы нечто понимаем, мы это словесно определяем, мысленно видим и чувствуем»[232]. В связи с трактовкой понятия «телесность» представляется полезным обратиться к книге Е. Э. Газаровой «Психология телесности», где уточняется:

> «Телесность не идентична телу и является самостоятельным феноменом, изучение которого предполагает междисциплинарное взаимодействие. Областью такого взаимодействия могла бы стать психология телесности – наука о душевно-телесном соответствии, или наука о конгруэнтности биологических, психологических и смысловых аспектов телесности человека»[233].

Обратим внимание на то, что «смысл» Е. Э. Газарова трактует как «образование духовной сферы человека»[234], указывая в то же время на размывание границ взаимодействия между когнитивной (умственной), аффективной (душевной) и смысловой (духовной) сферами человека. Заметим, что на сложившиеся в веках и

упрочившиеся в европейской культуре представления о человеческой природе как триединстве тела, души и духа ссылаются и авторы книги «Многомерный образ человека»[235].

Е. Э. Газарова подчёркивает также, что из обрушивающегося на человека «шквала» информации

> «… только значимая и (или) прожитая эмоционально (пережитая) оставляет прочные биопсихические следы. Они образуются совместно психикой и нейро-гуморальной системой в виде ощущений, образов восприятий, следов памяти, мыслей, рефлексивных образов, вегетативных и мышечно-суставных паттернов, аффективных реакций, состояний организма и стереотипов поведения. *Как результат одних и тех же воздействий психические и соматические паттерны качественно и семантически идентичны,* но различны по форме своего существования и проявления, поэтому они являются конгруэнтными. *Психосоматические паттерны являются, по своей сути, проявлением единой многоуровневой памяти человека, объединяющей моторную, эмоциональную, образную и словесно-логическую память*»[236].

Приведённые высказывания представляются достаточными для вывода, что в последнее время всё более очевидным становится признание необходимости опираться на целостную трактовку человека, для которого, в частности, невозможно оперирование языковыми значениями в отрыве от единой перцептивно-когнитивно-аффективной памяти индивида, включённого в социум (и шире – культуру), воспринимающего окружающий мир, думающего, общающегося и эмоционально-оценочно переживающего свой многогранный опыт познания и общения.

Достаточный семиозис

Термин «достаточный семиозис» введен Хорстом Рутрофом[237], при этом само понятие достаточного семиозиса предлагается Рутрофом вместо обычно используемых процедур верификации и условий истинности. Остановимся на этом немного подробнее.

Рутроф отмечает, что, согласно классическому позитивистскому подходу к значению, для придания значения предложению необходимо трансформировать его в пропозицию,

соотносимую с реальностью. Для принятия решения о том, является ли предложение значимым, необходимо перечислить условия, при которых языковое выражение формирует истинную пропозицию, и условия, при которых эта пропозиция окажется ложной. При этом не допускается градуальности между полным значением и бессмысленностью.

Для обосновании сути понятия достаточного семиозиса Рутроф обращается к некоторым идеям Г. Лейбница и Ч. Пирса. От Лейбница идёт разграничение достаточного и недостаточного основания. Применение первого ограничивается формальными операциями, т.е. системами сигнификации, которые базируются на дефинициях. Недостаточные основания прилагаются к рассуждениям о мире, т.е. к синтетическим утверждениям. Если мы станем анализировать их логически, то получим бесконечную цепочку. Лейбниц перекинул между ними мостик, предположив, что в определённый момент неформального рассуждения мы должны признать, что достаточное основание уже дано, а это позволит продолжить дальнейшую аргументацию в случае, когда, строго говоря, логика не позволяет нам это делать, т.е. достаточное основание оказывается прагматическим решением вопроса.

В работах Ч. Пирса семиозис предстает как серия трансформаций знаков, порождающих значение в бесконечной цепи. Сочетание идей Лейбница и Пирса позволило Рутрофу ввести понятие достаточного семиозиса, базирующееся на допущении, что продуцируются значения, достаточные для продолжения коммуникации, для достижения согласия или для безуспешного завершения. «Достаточный» в данном случае означает, что *тот вид невербального материала, который используется для заполнения языковых схем, выступает как эквивалентный для подходящего невербального прочтения мира*. Рутроф полагает, что понятие достаточного семиозиса снимает необходимость строгой эквивалентности между тем, что говорится, и тем, что имеется; при этом уточняется, что в художественном языке достаточный семиозис распространяется до пределов, диктуемых нашей фантазией, однако при формальной и технической сигнификации достаточный семиозис может быть определён как отвечающий требованиям дискурса соответствующего вида. Таким образом, понятие достаточного семиозиса сохраняет идею увязывания языка и нашего образа мира, но требует понятия опосредования выхода на образ мира с помощью знаков.

Это положение можно переформулировать с позиций концепции слова как живого знания и с учётом двойной жизни

значений: вполне очевидно, что социально признанное значение (=коллективное знание) играет роль медиатора, обеспечивающего выход на то, что лежит за словом у пользующегося языком человека (=индивидуальное знание); в то же время уровень «достаточности» семиозиса (т.е. раскручивания гипотетической спирали в нашей модели идентификации слова и понимания текста, см. следующую главу, рис. 4.1) определяется требованиями и условиями текущей ситуации (в том числе – взаимодействием внешнего и внутреннего контекста, что также учтено в этой модели).

2.2. Понятие интерфейса в разных ракурсах

Понятие интерфейса стало широко использоваться с развитием новых информационных технологий, однако само слово «интерфейс» появилось значительно раньше.

Так, в словаре Н. Вебстера, изданном в 1854 году, уже зафиксировано слово interfacial (shal) – прилагательное со значением 'Included between two faces (two planes)'[238]. Современный словарь английского языка «The American Heritage Dictionary of the English Language» содержит три значения слова «interface», из них два общеупотребительных и одно связанное с компьютерами:

> «INTERFACE – **1**. A surface forming a common boundary between adjacent regions, bodies, substances, or phases. **2**. A point at which independent systems or diverse groups interact: "the interface between crime and politics…". **3**. *Computer science*. The point of interaction or communication between a computer and any other entity, such as a printer or a human operator»[239].

В русскоязычных словарях пока что фиксируются только терминологические значения слова «интерфейс»:

> ИНТЕРФЕЙС – «В вычислительной технике: система унифицированных связей и сигналов, посредством которых вычислительные комплексы взаимодействуют друг с другом»[240].
>
> ИНТЕРФЕЙС – «взаимодействие, интерфейс. В компьютерной лингвистике употребляется по отношению к области взаимодействия человека с ЭВМ и характеризует комплекс лингвистических и сопутствующих им средств, поддерживающих диалог пользователя с компьютерными программами»[241].

Поиск в сети Интернет даёт выход на различные варианты трактовки значения слова «интерфейс», связанного с возможностями, способами и методами взаимодействия между техническими устройствами, человеком и такими устройствами и т.д. Это слово используется при описании разнообразных программных продуктов или вопросов их разработки и применения, в качестве названия некоторого прибора и т.д.

Главное всё-таки состоит в том, что современный человек на каждом шагу пользуется тем, что так или иначе выполняет функцию интерфейса: управляет автомобилем, сверяясь с приборными показателями, обращается к компьютеру за сводкой погоды или расписанием электричек; дети осваивают компьютерные игры, очень быстро начиная соревноваться в количестве пройденных уровней, и т.п.

Иначе говоря, интерфейс как важнейший инструмент современности входит в нашу жизнь, хотя мы этого просто не замечаем, как не замечаем, что «говорим прозой». Именно так обстоит дело и со значением слова как таковым: его интерфейсная роль настолько фундаментальна, что мы её принимаем как данность, подобно способностям дышать, говорить и т.д.

Аналогия может быть прослежена и в следующем: при работе с компьютером обычный пользователь сводит понятие интерфейса к внешнему виду экрана, не интересуясь протекающими за панелью инструментов процессами (или даже не подозревая о них); подобно этому, пользователь языком наивно полагает, что слово само по себе имеет значение, не подозревая об огромной работе, о взаимодействии ряда процессов, обеспечивающих идентификацию слова как знакомого, понятного, готового к дальнейшему использованию.

Теперь настало время рассмотреть понятие интерфейса при взаимодействиях: «человек – человек», «человек – социум». Иначе говоря, мною предлагается новая трактовка значения слова «интерфейс» – ИНТЕРФЕЙС$_3$ (см. схему на рис. 3.4). Представляется возможным прогнозировать дальнейшее более широкое использование обсуждаемого слова в русском языке в общеупотребительном значении ‘промежуточное звено, обеспечивающее взаимодействие между различающимися системами’ (такие системы могут быть как живыми, так и артефактными). На схеме это значение относится к ИНТЕРФЕЙС$_1$. Обратим внимание на то, что с личностной точки зрения, будучи представителями одного и того же вида Homo Sapience, разные люди тем не менее представляют собой различающиеся системы по меньшей мере вследствие имеющегося у них уникального

опыта познания и общения. Предлагаемая формулировка полностью отвечает разрабатываемой теории значения слова и позволяет опираться на понятие интерфейса при обсуждении двойной жизни слова и его двойственных функций в познании и общении.

ИНТЕРФЕЙС$_1$
'промежуточное звено, обеспечивающее взаимодействие между различающимися системами'
ИНТЕРФЕЙС$_2$
ИНТЕРФЕЙС$_3$
между машиной и машиной / человеком и машиной
между человеком и человеком / человеком и социумом

Рис. 3.4. Реализация интерфейсной функции в общем виде и при взаимодействии разных систем

Множественность двойственных функций слова была рассмотрена выше (см. 2.2.3), где было также показано постоянное взаимодействие этих функций, список которых остаётся открытым (см. рис. 2.5). Суммируем теперь самую суть базовой интерфейсной роли значения как медиатора связи между индивидом и социумом:

I – обращённая к социуму ипостась значения обеспечивает саму возможность взаимопонимания при общении посредством «выхода» на разделяемое знание;

II – обращённая к индивиду ипостась значения обеспечивает переживание слова как понятного за счёт «высвечивания» в голограмме образа мира человека некоторого объекта во всём богатстве его признаков, связей, отношений, имевшихся в опыте и/или возможных/воображаемых ситуаций, более или менее продолжаемых цепочек выводных знаний (языковых и энциклопедических), учитываемых на разных уровнях осознаваемости.

При этом объяснительный потенциал понятия интерфейса реализуется на разных уровнях:

I. – при переходе

(а) от социального, закреплённого в словарях и текстах,

(б) к индивидуально-личностному, бытующему «в голове»;

II. – при переходе

(в) от линейных и дискретных языковых форм

(г) к нелинейному, не дискретному, динамичному, подвергающемуся постоянным изменениям под воздействием комплекса внешних и внутренних факторов тезаурусу мультимодальных продуктов переработки опыта познания и общения.

Далее рассмотрим специфику того, что может пониматься под пунктом (г), который в этой работе трактуется как мультимодальный гипертекст.

2.3. Понятие гипертекста с позиций разных подходов

Понятие гипертекста фигурирует в разных областях науки и культуры и по-разному интерпретируется в тех или иных контекстах. Наиболее интересной для теории значения слова является трактовка гипертекста в информатике.

Современный человек, не мыслящий своей деятельности без новых информационных технологий, на каждом шагу сталкивается с электронным гипертекстом, благодаря которому удаётся быстро решать разнообразные научные и бытовые задачи. Однако многие пользователи электронными ресурсами не догадываются о том, что на самом деле разработчики технологии электронного гипертекста имитируют принципы работы мозга человека. Со ссылкой на работу Ванневара Буша «As We May Think»[242] на это указывает В. Л. Эпштейн в классической работе «Введение в гипертекст и гипертекстовые системы»: гипертекстовая информационная модель основана на гипотезе о том, что переработка и генерация идей человеческим мозгом происходит ассоциативно[243].

Неоднократно обращаясь к идее ассоциативной навигации по гипертексту, Эпштейн подчёркивает:

В.Л. Эпштейн

> «Оперируя вербальными и невербальными представлениями, гипертекстовые (гипермедиа) системы позволяют выдавать пользователю («читателю») информацию в наиболее эффективной форме с учётом не только сущности информации, но и индивидуальных психофизиологических особенностей пользователя. Тем самым гипертекстовые системы впервые предлагают инструмент, способный поддерживать процессы ассоциативного мышления…»[244].
>
> «…гипертекстовая система, содержащая сеть узлов (фрагментов, модулей, фреймов) и заданные на них ассоциативные связи, порождает 3-хмерное информационное пространство, что создаёт информационную среду, адекватнуюглубинной структуре переработки идей человеческим мозгом»[245]

Итак, электронный гипертекст создавался, с одной стороны, как имитация принципов работы мозга, а с другой – как средство расширения возможностей интеллектуальной деятельности человека (обратим внимание на то, что Буш в своё время работал над проектом MEMEX – MEMory EXTension; это можно трактовать как параллельное расширение объёма информационной базы электронного устройства и памяти пользователя, получающего доступ к этой базе данных). При этом изначально учитывались такие факторы, как нелинейность мышления человека, избирательность путей поиска в памяти, неизбежность проявления личностных особенностей пользователей как субъектов познавательной деятельности и т.д.

Поиск в сети Интернет на русском и английском языках даёт большой перечень определений понятия «гипертекст», приводить их здесь представляется излишним. Более детальное ознакомление с научными исследованиями в области электронного гипертекста показывает, что по этой проблеме выполняются многие диссертационные работы, проводятся научные форумы разных уровней, публикуются монографии, сборники статей, материалы конференций и т.д.

Электронный гипертекст рассматривается с позиций разных подходов: лингвистического, педагогического, политологического, социологического, информационного и т.д.; лингвистические особенностей гипертекста, специфика его восприятия и/или усвоения, воздействие на реципиентов и т.п. исследуются на материале разных языков (в том числе русского, английского, немецкого)[246].

Ознакомление с исследованиями по обсуждаемой проблеме обнаруживает возможность классификации признаков электронного гипертекста по ряду оснований (как сущностных, структурных, функциональных и т.д.). Назову только три признака гипертекста, которые будут далее обсуждаться (приведённый перечень остаётся открытым; порядок их перечисления является случайным и не предполагает ранжирования по степени важности):

1) наличие сетевой (нелинейной) структуры;

2) объединение разнокодовых элементов (текст, звук, видео);

3) доступ к элементам сети через индексацию.

Рассмотрим теперь особенности реализации перечисленных признаков в индивидуальном (живом) гипертексте как достоянии индивида – представителя вида и личности.

1. Используемое новыми информационными технологиями понятие «гипертекст» вторично по отношению к тому, что оно стремится имитировать, в то же время сетевая структура гипертекста как достояния индивида предопределена «архитектурой» головного мозга и принципами его функционирования. Специфика этой сети и актуализации связей между её «узлами» активно исследуется нейронаукой; структура и принципы функционирования такой сети моделируются разработчиками проблем искусственного интеллекта и новых информационных технологий, но при значительных успехах в названных научных областях пока что не имеется чётких ответов на многие вопросы. Как бы то ни было, сетевая (нелинейная) организация живого гипертекста не подлежит сомнению и может быть представленной с помощью схемы (см. рис. 3.5).

2. Объединение в единой сети разнокодовых элементов,

типичное для поликодового (или гетерогенного) текста (обсуждение этих терминов см., например, в работах: [Ищук 2009; Сонин 2006]), в принципе совпадает для электронного и для индивидуального гипертекста, однако здесь также имеется своя специфика. Обратим внимание на то, что параллельно с непосредственно наблюдаемой разнокодовостью электронного гипертекста (сочетанием вербального текста со звуковыми и видео файлами) имеет место незаметная для пользователя информационными продуктами «работа» средств программирования процессов, обеспечивающих навигацию по электронному гипертексту. Для живого гипертекста как единой информационной базы индивида, трактуемой с позиций концепции Н. И. Жинкина в качестве системы кодов и кодовых переходов, характерны свои, индивидуальные, «языки программирования», продукты применения которых (как конечные, так и промежуточные) могут прослеживаться через их «выход» на табло сознания в различных естественных и экспериментально создаваемых ситуациях, что делает возможным выявление типовых стратегий и опор при идентификации слов в ходе восприятии текста или их поиска в процессах речемыслительной деятельности и общения, а также обнаружение ведущих принципов «работы» живого мультимодального гипертекста как самоорганизующейся функциональной динамической системы.

3. Наличие связей между узлами сети составляет фундаментальное свойство электронного гипертекста, а обеспечение быстрого доступа к нужным для пользователя узлам достигается через применение специальных средств индексации (informational tags), отвечающих принципам логико-рациональной классификации знаний о мире. Мгновенный доступ человека к его единой информационной базе – условие успешности адаптации к условиям среды, что способствовало формированию механизмов установления и активации связей по множеству параметров, лишь отчасти учитываемых разработчиками современных информационных технологий. Особую роль в функционировании живого поликодового (мультимодального) гипертекста играет установление связей по линиям вербальных и невербальных (перецептивных, когнитивных, эмоциональнооценочных) признаков и признаков признаков, учитываемых на разных уровнях осознаваемости, что описывается разработанной мною спиралевидной моделью идентификации слова и понимания текста (см. ниже).

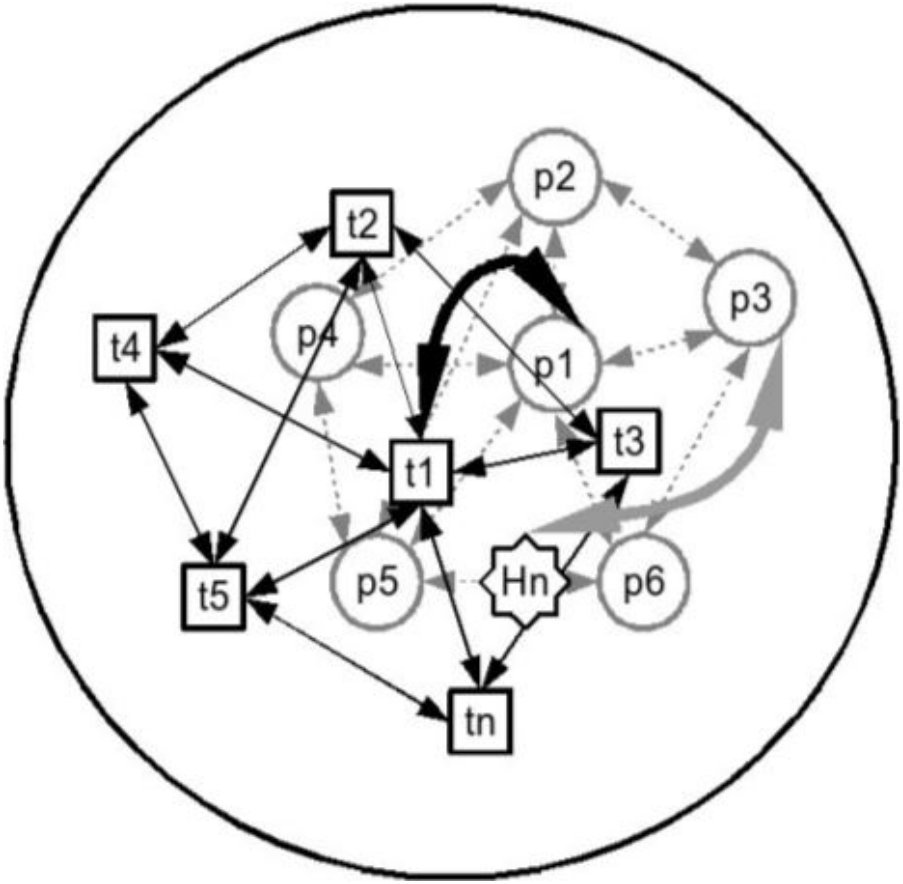


Рис. 3.5. Сетевая структура гипертекста

Именно включение в специфический внутренний контекст как взаимодействие своеобразных средств глубинной «индексации» по множеству разнокодовых признаков и межкодовых связей обеспечивает переживание понятности воспринимаемого сообщения/текста благодаря «высвечиванию» в индивидуальном образе мира некоторой ситуации с широким фоном выводных знаний и оценок. При этом роль «пускового момента» для такой индексации играет слово в его социально принятом значении, а обращённая к индивиду ипостась двойной жизни значений реализуется через внутренний контекст.

Рассмотренные представления о специфике индивидуального мультимодального гипертекста хорошо согласуются с современными концепциями общей архитектуры мозга и особенностей его функционирования[247] и с новыми подходами к разработке теории значения слова[248].

Роль признаков в идентификации слов, восприятии и понимании текста, организации лексикона человека и

упорядочения знаний о мире и т.д. подтверждается результатами экспериментальных исследований[249]. Важность предметно-чувственных основ того, что лежит за словом у пользующегося им индивида и выступает как синергетическое взаимодействие продуктов переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта, наглядно показана, например, в исследованиях:[250]. Недостаточность включения в электронную гиперсеть сведений о слове, обеспечиваемых только словарными дефинициями, продемонстрировано в исследовании[251].

«Everything is deeply intertwingled» – такую базовую характеристику дал гипертексту создатель этого термина Теодор Нельсон[252], которому принадлежит также наиболее общее определение гипертекста как широчайшего количества содержательной информации, увязываемой огромным количеством пересекающихся связей (an enormous amount of information content connected by an enormous number of hypertext links). Эти характеристики являются базовыми и для живого мультимодального гипертекста, который: – является открытой функциональной динамической системой; – связывает мультимодальные продукты переработки вербального и невербального опыта познания и общения; – имеет сетевую структуру с бесчисленными взаимно пересекающимися связями; – характеризуется множеством различных отношений, представляемых в многомерном пространстве; – не имеет ни начала, ни конца; – допускает достижение результата поиска разными путями; – характеризуется формированием расплывчатых множеств с нечёткими границами и т.д.

Обратим внимание на серьезное различие между исследованиями электронного гипертекста и предлагаемым в этой книге подходом: в перовом случае фактически взаимодействуют две научные метафоры – «компьютерная» и «мозговая», в то время как во втором случае реализуется взаимодействие «мозговой» метафоры и метафоры «живое знание», что приводит к различающимся результатам (ср.: информационная технологии vs трактовка гипертекста как познавательной универсалии), что показано на схеме (см. рис. 3.6). Фактически мы снова встречаемся со случаем омонимии терминов.

Рис. 3.6. Различия между электронным и «живым» гипертекстом

2.3. Основные положения интерфейсной теории значения слова

Краткий обзор новых подходов к трактовке значения слова показал, что при разработке новой теории значения, способной объяснить то, что лежит за словом у пользующегося языком человека, нельзя оставаться в прокрустовом ложе лингвистики: требуется объединение усилий представителей многих наук о человеке как представителе вида и как личности, включённой в естественную и социальную среду. Речь идёт не о механическом «сложении» результатов, полученных в разных областях знания, а о творческом синтезе, учитывающем взаимодействие многих внешних и внутренних факторов, что обеспечивает переход на более высокий уровень теории объяснительного типа.

Для успешности такой теории необходим целостный подход к человеку, у которого:

а) постоянно взаимодействуют тело и разум, т.е. знание в некотором смысле «распределено» между сенсорикой и интеллектом как комплементарными механизмами);

б) язык функционирует как один из психический процессов (в слаженным ансамбле с памятью, мышлением, воображением и т.д.);

в) перцептивные процессы реализуются во взаимодействии с когнитивной переработкой и эмоционально-оценочными переживаниями;

г) имеет место постоянная динамика уровней осознаваемости любой (в том числе – речемыслительной) деятельности при особой роли механизма контроля – как сознательного, так и (в большей мере!) неосознаваемого. При этом:

д) индивид всегда включён в некоторые естественные и социальные взаимодействия и ситуации;

е) его знания носят распределённый характер, поскольку они усваивается в культуре и через культуру;

з) разделяемое с другими людьми знание координируется благодаря особой (интерфейсной) роли значения слова, обращённого одной своей ипостасью к социуму, а другой – к индивиду, которому необходимо соотносить свой личный опыт познания мира с опытом других людей для взаимопонимания при общении и совместной деятельности.

Что же обеспечивает саму возможность успешного взаимопонимания между людьми при всех осложняющих решение этой задачи факторах?

Легче всего представить себе, что у каждого индивида имеется некоторый «словарь в голове», в котором слово хранится в единстве всех его форм и значений (об этом своё время говорил акад. В. В. Виноградов). Такое впечатление создаётся, когда мы начинаем думать о словах, т.е. осуществляем целенаправленную мета-языковую деятельность. Однако следует различать:

I. ситуацию естественного семиозиса как многоэтапного процесса (точнее – взаимодействия ряда процессов) с выходом на табло сознания только конечных результатов поиска опор для переживания понятности воспринимаемого (в таком случае мы думаем *не о словах,* а одействительности, на что указывает Н. И. Жинкин;

II. ситуации научного анализа и/или бытовой рефлексии, фокусирующиеся на словах как таковых, т.е. на именованиях того, что лежит за словом. В обеих противополагаемых ситуациях взаимодействуют именуемая «вещь» и её «имя», но акценты принципиально различаются: в первом случае главное – «имя ВЕЩИ», а во втором – «ИМЯ вещи», поэтому различаются и результаты поиска того, что лежит за словом. Что же лежит за именем ВЕЩИ?

Ещё в 1960–1970-е гг. А. А. Леонтьев указывал на то, что значение слова у индивида реализуется как процесс. В современных терминах представляется правомерным говорить о том, что за словом у пользующегося языком человека лежат процессы навигации в живом мультимодальном гипертексте – его образе мира, совокупном продукте переработки невербального и вербального опыта адаптации к естественной и социальной среде.

Воспринимаемое слово только «задаёт» возможные направления поиска формальных и смысловых опор, через посредство которых в голограмме образа мира целостно «высвечивается» конвенционально именуемый объект во всём

богатстве его признаков, связей, отношений, каждое из которых (включая возможные ситуации, пути их развития и вытекающие из них следствия) может быть далее развёрнутым в широкие круги и цепи выводных знаний. Особую роль в рассматриваемых процессах играют признаки разных модальностей (перцептивные, когнитивные, эмоциональнооценочные), топы как смысловые инварианты высказываний, механизм контроля с петлями «обратной связи» и механизм глубинной предикации, обеспечивающий замыкание устанавливаемых в гипертексте связей «для себя» (см. подробно следующую главу).

Сказанное даёт основания для *интерфейсной концепции значения слова*, задающей «систему координат», суммарно представленных ниже.

1. ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ значения слова сформировалась и функционирует вследствие необходимости специфического интерфейса между социумом и индивидом.

2. Значение слова у пользующегося языком человека по своей природе представляет собой ЖИВОЕ ЗНАНИЕ со всеми вытекающими отсюда специфическими характеристиками и вытекающими из них следствиями.

3. На довербальной стадии онтогенеза у ребёнка в различных ситуациях и через разнообразные познавательные действия формируются ПЕРЦЕПТИВНО-КОГНИТИВНО-АФФЕКТИВНЫЕ ОПОРЫ, со временем увязываемые с принятыми в социуме именованиями.

4. Всё воспринимаемое индивидом подвергается происходящим независимо от нашей воли и сознания процессам анализа, синтеза, сравнения и классификации (И. М. Сеченов); это приводит к постоянной реорганизации формирующейся в мозге сети связей между следами разных модальностей по множественным параметрам, признакам и признакам признаков, что в совокупности переживается как МНОГОМЕРНЫЙ ОБРАЗ МИРА – голограмма, обеспечивающая (на разных уровнях осознавания) идентификацию образов целостных объектов и ситуаций с обширными кругами выводных знаний и сопутствующих им переживаний.

5. Независимо от возраста человека воспринимаемое им (со слуха или в письменном тексте) слово остаётся «пустым», «мёртвым», если не удаётся соотнести его с имеющимися в предшествующем опыте вербальными и невербальными опорами. Поиск таких опор может описываться как навигация по живому мультимодальному гипертексту.

6. Постоянное взаимодействие двух ипостасей значения слова (закреплённого социумом и описываемого в словарях, с одной

стороны, и являющегося результатом поиска в мультимодальном гипертексте, с другой стороны) обусловливает реализацию словом множественных функций интерфейсной природы: знаковой, референтной, инферентной, регулятивной, идентифицирующей, синтезирующей, прогностической, рефлексивной и др.

7. Объяснительный потенциал понятия интерфейса реализуется на разных уровнях: (I) при переходе от (а) социального (закреплённого в словарях и текстах) к (б) индивидуально-личностному (бытующему «в голове»); (II) при переходе от хранящихся у человека (в) линейных и дискретных языковых форм к (г) нелинейному, недискретному, имеющему расплывчатые границы и зависящему от взаимодействия многих внешних и внутренних факторов глубинному содержанию того, что лежит за словом у индивида как представителя вида, члена социума и личности в качестве продукта адаптации к окружающей среде.

8. Интерфейсная концепция значения слова является результатом изучения особенностей ЕСТЕСТВЕННОГО СЕМИОЗИСА и непосредственно связана с трактовкой живого мультимодального гипертекста как ВНУТРЕННЕГО КОНТЕКСТА ПРОЦЕССОВ ПОЗНАНИЯ И ОБЩЕНИЯ.

9. Объяснительный потенциал интерфейсной концепции значения слова важен для рассмотрении проблематики межъязыковых контактов, двуязычия и многоязычия и т.д.

Выводы

Динамика подходов к значению слова показала следующее.

1. Пересмотр модели «семиотического треугольника» с переходом на модели трапеции, тетраэдра и т.д. со временем привёл к разработке новых подходов к трактовке специфики значения слова.

2. Корпореальная теория значения акцентировала роль тела в формировании значений и «пустоту» слов, не опирающихся на телесное «прочтение мира».

3 Сетевой подход к значению постулирует принцип сетевой организации того, что лежит за словом на разных уровнях (от концепта до всеобщего знания).

4. Подчёркивается роль семантики опыта и выводных знаний в формировании и функционировании значений.

5. Рассматривается взаимодействие биологических корней значения и культуры, что обеспечивает жизнь значений как ценностей.

6. Делается попытка сочетать идею лексических концептов с когнитивными моделями.

7. Предлагаются трактовка значения как значимости и рассмотрения значения с позиций смыслового поля.

Интерфейсная концепция значения рассматривает функционирование слова в процессе естественного семиозиса, признаёт роль тела человека в означивании языковых явлений, принимает идею достаточного семиозиса и опирается на понятия интерфейса и гипертекста, трактуемые с позиций двойной онтологии и двойной жизни значений.

Глава 4
ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЖИВОГО СЛОВА

Вводные замечания

Последние десятилетия отмечены возрастанием интереса учёных к различным аспектам проблемы функционирования слова у человека. Накоплен обширный опыт разработки моделей восприятия слов при чтении и со слуха, поиска слов в процессах продуцирования речи и т.д. Информацию о ведущих исследованиях в этой области можно получить из следующих источников: «Handbook of Psycholinguistics»[253], «Введение в психолингвистику»[254], «The Cambridge Handbook of Psycholinguistics»[255]. Здесь представляется достаточным фокусироваться на тех аспектах функционирования слова, которые непосредственно связаны с развиваемой интерфейсной теорией слова, с привлечением результатов, полученных мною и моими учениками.

Особое место при этом отводится роли идентификации слова для себя через включение его во внутренний контекст, а также роли признаков и топов в навигации по живому мультимодальному гипертексту вербального и невербального опыта индивида.

1. Идентификации слова: процесс и продукт

Исследование и моделирование процессов продуцирования и понимания речи (текста) относятся к числу важнейших задач современной психолингвистики. Предлагаемый обзор ограничен рамками теоретических и экспериментальных научных изысканий, выполненных в русле Тверской психолингвистической школы и ориентированных на изучение различных аспектов решающего этапа процесса понимания – идентификации воспринимаемого слова в различных условиях. При этом в качестве исходного положения выступает признание того, что человек переживает результат идентификации слова как его понимание и готовность использовать для различных целей, Однако такое переживание является совокупным продуктом взаимодействия ряда процессов опознавания формальных и семантических характеристик слова для выхода на то, что лежит за словом в предшествующем социальным и индивидуальным опыте. Поскольку ход таких процессов не доступен для прямого наблюдения, строить предположения об идентификации как процессе и моделировать этот процесс оказывается возможным лишь на основании некоторых вербально манифестируемых показателей, получаемых посредством создания соответствующих ситуаций и применения целенаправленных экспериментальных процедур. Упоминаемые ниже исследования включали сочетание психолингвистического эксперимента в условиях учебного двуязычия и многоязычия с анализом речевых ошибок и наблюдением над ситуациями пользования языком в естественных ситуациях общения.

При дальнейшем обсуждении поставленных вопросов используемые термины понимаются следующим образом.

Под ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ СЛОВА понимается взаимодействие ряда процессов, обеспечивающих навигацию в живом мультимодальном гипертексте и ведущих к переживанию объекта как цельности со всеми его свойствами и возможностями, ситуациями, отношениями, предшествующими состояниями и возможными следствиями, которые учитываются на разных уровнях осознаваемости благодаря активации цепочек выводных знаний.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ слова как процесс подразумевает актуализацию опор в мультимодальном гипертексте предшествующего опыта для встречного моделирования квантов

знания, отвечающих ситуации познавательной деятельности и/или общения.

Под ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ слова как результатом (продуктом) имеется в виду переживание понятности слова, готовность к его использованию в речемыслительной деятельности и общении.

1.1.Основные направления проведённых исследований

Фокусирование внимания на идентификации слова (далее – ИС) как процессе было начато в 1960-е годы в г. Алматы (Казахстан) в моих экспериментах с носителями русского, казахского или двух названных языков в условиях учебного двуязычия, т.е. при обучении английскому языку как второму или третьему[256]. С целью исследования ассоциативной структуры памяти использовались процедуры свободного и направленного ассоциативных экспериментов с непосредственным и отсроченным воспроизведением слов экспериментального списка; предпринимался разносторонний анализ ошибок воспроизведения с их подразделением на «семантические замены» и «приписки» разных видов, в том числе – основанные на принадлежности слова или именуемого им объекта к некоторой категории языковых и/или энциклопедических знаний. Там же под моим руководством было начато экспериментальное исследование Т. Д. Кузнецовой, позднее защитившей кандидатскую диссертацию по общей и педагогической психологии[257]; по результатам этого исследования была выявлена роль психологического феномена установки при идентификации иноязычного слова в условиях овладения вторым и/или третьим языком; была предложена классификация ошибок внутриязыковой и межъязыковой интерференции по формальным и смысловым параметрам. С моим переездом в г. Тверь в 1969 году и открытием в Тверском государственном университете аспирантуры по специальности «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» стала возможной реализация целенаправленной программы исследования ИС в разных ракурсах.

Более сорока лет общая программа теоретических и экспериментальных исследований в русле Тверской психолингвистической школы именуется следующим образом: «Психолингвистические проблемы семантики слова и понимания текста». Тем самым взаимодействие значения слова как достояния индивида и процесса понимания текста всегда находилось в центре нашего внимания, о чём, в частности,

свидетельствуют публикация двух коллективных монографий[258], издание с 1978 года сборников научных трудов (с 2001 года они выпускаются как периодическое издание под названием «Слово и текст: психолингвистический подход»), а также наличие ряда книг по результатам исследований на уровне кандидатских и докторских диссертаций (ссылки на них даются ниже в связи с обсуждаемыми вопросами).

Представляется важным привести краткую информацию о том, какие исследования по каждому из двух названных направлений наших экспериментальных исследований сделали определённый вклад в понимание и моделирование того, что лежит за словом у пользующегося языком индивида.

Исследования на уровне слова

Полная программа наших исследований на уровне слова включала изучение особенностей идентификации слов разной лексико-грамматической принадлежности и различных семантических и функциональных классов.

Так, Т. М. Рогожникова начала экспериментальное исследование с изучения специфики идентификации полисемантичных слов детьми разных возрастных групп, позднее провела его с взрослыми вплоть до преклонного возраста[259]. Далее под её руководством в г. Уфа выполнен ряд исследований особенностей идентификации слов дебильными детьми, одарёнными детьми, умственно отсталыми детьми и взрослыми, людьми разных психологических типов, престарелыми людьми и др.; результаты этих исследований обобщены в коллективной монографии[260]. В Твери под моим руководством исследованы особенности идентификации широкозначных слов[261], крылатых слов[262], прецедентных феноменов[263], библеизмов[264].

Параллельно с этим проверялась рабочая гипотеза, согласно которой любое слово идентифицируется как в определённой мере конкретное, образное, вызывающее те или иные эмоционально-оценочные переживания. Подтверждающие эту гипотезу экспериментальные данные были получены Е. Н. Колодкиной на материале русских существительных[265], что, в частности, хорошо согласуется с разработанной Е. Ю. Мягковой психолингвистической концепцией эмоционального компонента значения слова[266]. Место предметного компонента в психологической структуре значения глагола рассмотрела Н. В. Соловьева[267]; специфика идентификации предметно-чувственного компонента значения слова при взаимодействие тела и разума

человека показана в работе Е. В. Карасевой[268].

Особую роль в ИС некоторого признака формы, значения слова и/или именуемого словом объекта первоначально рассмотрела Т. В. Шмелёва[269] на материале опорных слов устойчивых адъективных сравнений английского языка; эта линия исследований была продолжена Н. В. Дмитриевой, экспериментально установившей роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков)[270]. В. А. Соломаха[271]показала значимость признака как опоры при включении идентифицируемого слова в широкую сеть разнообразных лексикосемантических связей, в то время как Н. О. Швец[272] продемонстрировала и научно обосновала роль идентифицируемого признака как инструмента выхода на образ мира, трактуемого как особый вид знания, которое упорядочивается у индивида именно благодаря признакам и признакам признаков слов и именуемых ими вещей.

Особенности идентификации случаев лексикограмматической персонификации рассмотрела С. В. Воскресенская[273], в то время как в диссертации А. И. Бардовской[274] прослежена специфика феномена синестезии с фокусированием на взаимодействии тела и разума при идентификации слова и/или именуемого словом объекта. Эта работа продолжается по линии исследования специфики идентификации синестетической метафоры[275]. Особую проблему в исследовании Е. И. Тарасовой составила идентификация концептуальной целостности значения лексической единицы при вербальной раздельнооформленности номинативного бинома[276].

Большое внимание было также уделено глубинному уровню идентификации слов и специфике устанавливаемых на этом уровне связей между словами. И. Л. Медведева[277] исследовала связи типа «и/или», увязывающие единицы ментального лексикона как по смысловой близости, так и в плане противопоставления по тем или иным параметрам. М. Е. Новичихина[278] рассмотрела специфику психолингвистической трактовки противопоставления слов по их смыслу, в то время как С. В. Лебедева экспериментально исследовала трактовку близости значений слов с позиций носителя языка[279], что в дальнейшем позволило ей построить цепочку «синонимы – симиляры – проксонимы»[280], соответствующую дальнейшему углублению уровня установления смысловой связи и отходу от традиционной трактовки явления синонимии.

Выявление значимости отнесения к категории как одного из аспектов процесса ИС было предпринято В. Н. Маскадыня на материале русских существительных[281]. Специфику

категоризации в ходе идентификации слов родного языка у детей (на разных возрастных срезах) под руководством Н. О. Золотовой исследовала М. С. Павлова[282].

Ряд работ связан с обнаружением используемых в процессе ИС стратегий и опор на разнообразном материале. Стратегии идентификации существительных родного языка испытуемых экспериментально выявила С. И. Тогоева[283], прилагательных – Т. Ю. Сазонова[284], глаголов – Т. Г. Родионова[285], прилагательных иностранного (английского) языка – И. С. Лачина[286], иноязычных фразеологизмов – О. С. Шумилина[287]. Вопросы теории и технологии взаимодействия значения и смысла в процессе ИС с акцентированием роли смыслового поля слова, когнитивных операций и операциональных моделей рассмотрены Н. И. Кургановой[288].

Особое внимание идентификации иноязычных слов, в том числе на незнакомом языке, уделила И. Л. Медведева[289]; под её руководством Е. А. Зайцева экспериментально исследовала степени освоенности слов носителями языка[290], в то время как О. В. Иванова провела лонгитюдное изучение особенностей становления лексикона билингва как функциональной динамической системы[291].

Моделирование процесса ИС по результатам своих экспериментов на материале иностранного и неизвестного языков с использованием изолированных слов и развёрнутых контекстов с участием взрослых и детей ныне предпринимает Э. В. Саркисова, фокусирующаяся на многоуровневом характере процесса ИС[292]. Важно подчеркнуть, что все проводимые нами изыскания предполагают применение ряда исследовательских процедур с варьированием условий оперирования словом.

Из числа научных изысканий, начатых ещё в 1980-е годы, важно также назвать работу Н. О. Золотовой, первоначально исследовавшей специфику единиц ядра лексикона носителя английского языка[293], а далее разработавшей концепцию особой роли единиц ядра индивидуального лексикона как естественного метаязыка, обеспечивающего результативность процесса ИС[294]. Под её руководством Ю. В. Федурко[295] рассмотрела идентификацию незнакомого слова как синергетический процесс.

Исследования на уровне текста

Процесс ИС рассматривается нами с ориентацией на его включённость в деятельность, связанную с пониманием сообщения или текста. Наряду с несколько искусственным

вычленением этого базового этапа понимания текста при работе с изолированными словами, реализованы экспериментальные исследования, непосредственно связанные с тем или иным видом работы с текстом на родном или иностранном языке. Попутно замечу, что при идентификации изолированного слова носитель языка немедленно включает это слово в контекст своего предшествующего опыта (т.е. в свой личностный «внутренний контекст»); фактически это совпадает с идентификацией первого слова нового сообщения, восприятие которого не подготовлено ни ситуацией, ни предшествующим вербальным контекстом. Зависимость дальнейших действий индивида от возможного хода ИС, используемых при этом стратегий и опор, исследовалась по ряду направлений.

Так, рассмотрены: роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста[296], в понимании научного текста[297]. Зависимость направления деятельности переводчика от идентификации ключевых слов поэтического текста изучала Э. Е. Каминская[298], показавшая взаимодействие смыслового поля слова и смыслового поля текста. Специфику идентификации пропущенных в диалоге слов в зависимости от характера воспринимаемой ситуации экспериментально исследовала Т. В. Михайлова[299]. Механизм разрешения неоднозначности в шутке бы в фокусе внимания И. Ф. Бревдо[300], И. В. Воскресенский рассмотрел особенности разрешения неоднозначности на материале сказок, дипломатических текстов, деловой переписки[301]. Особенности понимания метафор, используемых в компьютерном интерфейсе, выявила О. В. Галкина[302].

Моделирование процесса понимания художественного текста с учётом влияния идентифицируемых слов на динамику ядра и периферии семантического поля текста было предпринято Н. В. Рафиковой (Мохамед)[303]. Значимость идентифицированного через слово образа ситуации для понимания художественного текста выявлена С. А. Чугуновой[304], рассмотревшей также особенности идентификации представлений о времени носителями различных языков и культур[305]. Когнитивно-синергетическое моделирование процесса понимания рекламного текста предпринято М. А. Чернышовой под руководством Н. О. Золотовой[306].

Проблему роли выводного знания в ИС разрабатывает О. В. Голубева на уровне докторской диссертации[307].

Роль ИС в различных ситуациях понимания и воспроизведения текста на иностранном языке исследовали И. Л. Медведева[308], А. А. Поймёнова[309]], М. В. Соловьева[310], М. А. Ищук[311]. Влияние продукта идентификации иноязычного слова на

его дальнейшее воспроизведение при пересказе текста рассмотрела С. И. Корниевская[312].

Каждая из упомянутых работ (как и не названные здесь исследования учеников моих учеников – моих «научных внуков») внесла свой вклад в решение общей задачи выявления специфики функционирования слова как достояния индивида со всеми вытекающими отсюда следствиями. Не имея возможности более подробно рассматривать здесь результаты таких научных изысканий, ограничусь ниже обобщением специфики применяемого нами научного подхода и некоторыми общими итогами сочетания работы над словом и текстом.

Интегративный подход к слову и тексту

Недоступность прямому наблюдению процессов идентификации слова и понимания текста приводит к тому, что анализ реальных процессов нередко подменяется абстрактным теоретизированием на базе хорошо устоявшихся («надёжных») постулатов, которые при разных подходах вытекают либо из трактовки языка как системы, либо из особенностей герменевтического круга, либо из каких-то ещё представлений, в принципе не допускающих возможности правоты оппонентов, хотя на самом деле речь в таких случаях может идти о разных вещах и в первую очередь – о *различающемся видении* обсуждаемых феноменов, поскольку теоретическая «предпрограмма» высвечивает в анализируемом именно то и только то, что она «разрешает» увидеть, и затеняет, игнорирует то, на что наложен запрет. На этом фоне всё более ощутимой становится необходимость разработки теории интегративного типа, способной дать объяснение базовым процессам ИС и понимания текста «наивным» читателем, в принципе обеспечивающим саму возможность разгадки реципиентом смысла слова и текста. Для решения такой задачи требуется комплексный подход, опирающийся на новейшие современные данные ряда наук о реальных механизмах переработки человеком воспринимаемой им информации, формирования образа мира, опоры на предшествующий опыт (в том числе на выводные знания) и т.д. с тем, чтобы разрабатываемые модели действий читателя с текстом отвечали сегодняшнему уровню развития научных представлений и могли служить базой для формулирования новых рабочих гипотез, экспериментальная проверка которых даст основания для следующего витка в развитии теории значения слова и понимания текста.

Поставленная задача никоим образом не умаляет заслуг исследователей, детально разработавших концепции уровней понимания текста, языковой личности, типологии текстов по разным параметрам и т.д. Речь здесь идёт лишь о том, что независимо от характера текста и личностных особенностей воспринимающего его реципиента допускается наличие некоторых универсальных основополагающих процессов и механизмов, посредством которых некоторая последовательность графем становится осмысленным текстом, переживаемым как понятый, без чего невозможны никакие действия с текстом, в том числе – профессиональные со стороны лингвистов, литературоведов и т.д. Это побуждает обратиться к естественной ситуации понимания текста читателем, не получившим специального образования, действия которого не направляются какой-либо системой теоретических координат(лингвистических, психологических и т.д.): он имеет определённый опыт чтения, позволивший ему сформировать те самые базовые механизмы, без которых процессы ИС и понимания текста в принципе невозможны.

Сказанное делает принципиально важным чёткое разграничение двух позиций, с которых могут обсуждаться те или иные аспекты проблемы ИС и понимания текста (см. рис. 4.1).

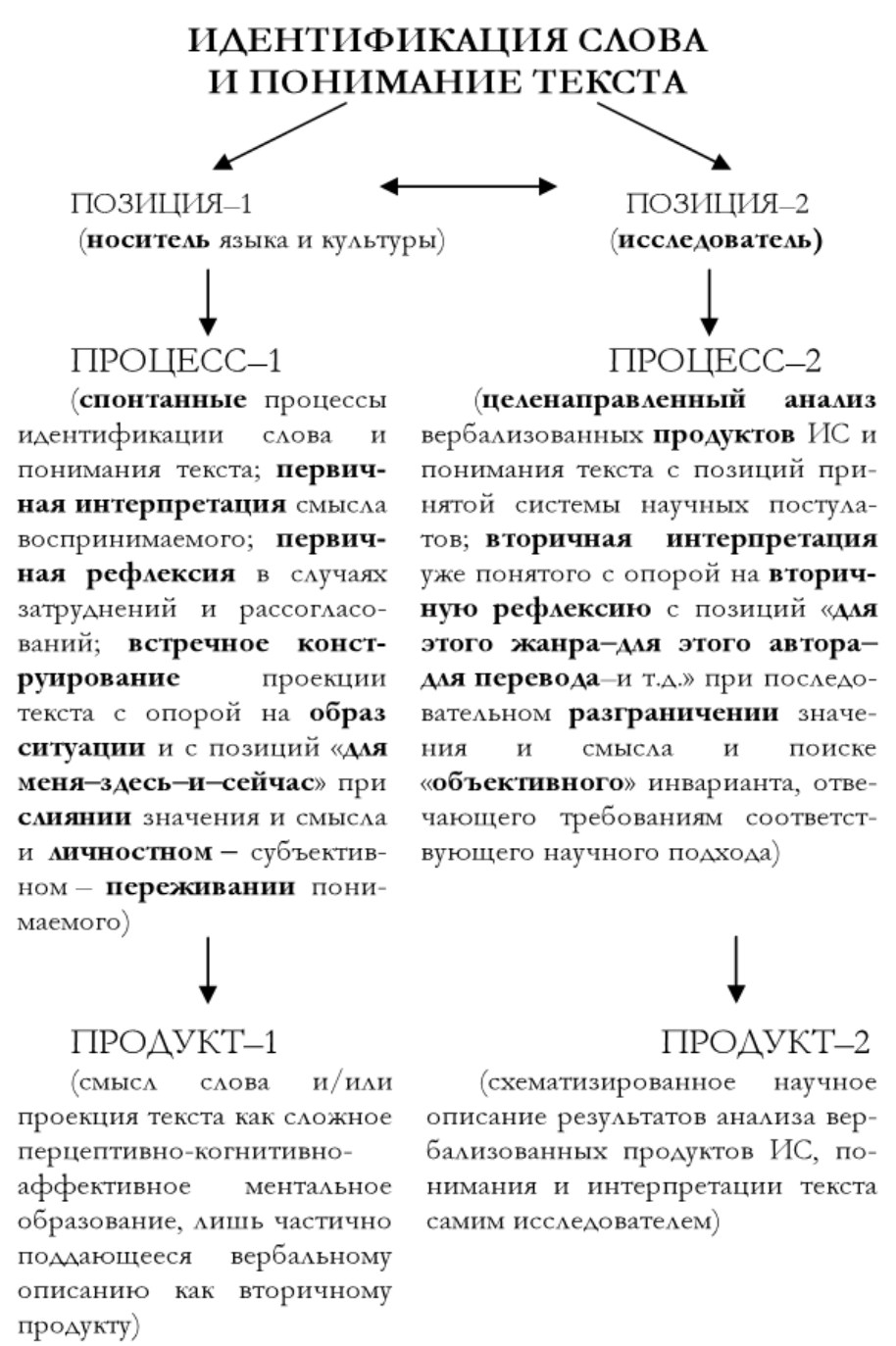

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СЛОВА
И ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА
ПОЗИЦИЯ–1
(носитель языка и культуры)
ПОЗИЦИЯ–2
(исследователь)
ПРОЦЕСС–1
(спонтанные процессы идентификации слова и понимания текста; первичная интерпретация смысла воспринимаемого; первичная рефлексия в случаях затруднений и рассогласований; встречное конструирование проекции текста с опорой на образ ситуации и с позиций «для меня–здесь–и–сейчас» при слиянии значения и смысла и личностном – субъективном – переживании понимаемого)
ПРОЦЕСС–2
(целенаправленный анализ вербализованных продуктов ИС и понимания текста с позиций принятой системы научных постулатов; вторичная интерпретация уже понятого с опорой на вторичную рефлексию с позиций «для этого жанра–для этого автора–для перевода–и т.д.» при последовательном разграничении значения и смысла и поиске «объективного» инварианта, отвечающего требованиям соответствующего научного подхода)
ПРОДУКТ–1
(смысл слова и/или проекция текста как сложное перцептивно-когнитивно-аффективное ментальное образование, лишь частично поддающееся вербальному описанию как вторичному продукту)
ПРОДУКТ–2
(схематизированное научное описание результатов анализа вербализованных продуктов ИС, понимания и интерпретации текста самим исследователем)

Рис. 4.1. Два исследовательских подхода к ИС и пониманию текста

Первой, исходной и фундаментальной, является позиция носителя определённого языка и культуры, осуществляющего процессы ИС и понимания текста в естественных условиях и,

возможно, даже не подозревающего о существовании научных споров о специфике этих процессов, анализируемых «со стороны». Во второй, производной от первой, позиции находится специалист-исследователь как носитель не только языка и культуры, но и определённой системы научных постулатов, нередко отстающих от современного уровня развития смежных наук и потому граничащих с научными предрассудками. Самое печальное – это то, что именно устаревшие и утрачивающие свою актуальность постулаты нередко оказываются наиболее ригидными и подаются их приверженцами как непреложная истина, жёстко устанавливающая рамки, за которые запрещается выходить.

С помощью рис. 4.1 сделана попытка показать фундаментальные различия между этими позициями в плане характера имеющих место процессов и получаемых продуктов. Так, носитель языка и культуры осуществляет *спонтанные* процессы понимания текста, формируя проекцию текста как *ментальное* (перцептивнокогнитивно-аффективное) образование, лишь частично поддающееся вербализации, с опорой на образ ситуации при *личностном переживании* понимаемого по принципу «для меня – здесь – и сейчас»; он осуществляет *первичную интерпретацию* воспринимаемого при *слиянии значения и смысла*, разграничение которых через *первичную рефлексию* может оказаться актуальным в случаях затруднений или рассогласований между ожидаемым и извлекаемым из текста. В отличие от этого исследователь, в русле определённого научного подхода целенаправленно анализирующий и интерпретирующий *вербализованные продукты* ИС и понимания текста, строит логичное и обоснованное *вербальное описание* того, что, *по его мнению*, делает носитель языка (при этом он ищет и видит то, и только то, что разрешает ему соответствующий научный подход). В таком случае имеет место *вторичная интерпретация* уже понятого с опорой на *вторичную рефлексию* с позиций «для этого жанра – для этого автора – для перевода (и т.д.)» при последовательном *разграничении значения и смысла* в ходе поиска «*объективного*» инварианта понимания текста, полностью отвечающего требованиям соответствующего научного подхода и квалифицирующего иные варианты как «неполные», «ущербные», «неверные».

Интегративный подход акцентирует внимание на ПОЗИЦИИ–1, признает ограниченность каждого взятого в отдельности подхода в рамках ПОЗИЦИИ–2, исходит из взаимодополнительности этих подходов, но не посредством их эклектического сочетания, а через учёт степени соответствия

получаемых тем или иным подходом результатов особенностям спонтанных процессов понимания текста в естественных условиях.

Следует особо подчеркнуть, что обращение к позиции носителя языка, неизбежное при любом научном подходе, но обычно не находящееся в центре внимания, поскольку оно является первичным, базовым и потому не замечается как само собой разумеющееся, при интегративном подходе имплицирует трактовку ИС и понимания текста как спонтанных процессов активного и пристрастного субъекта соответствующей деятельности. Таким образом, в центре внимания оказывается именно понимающий субъект с вытекающими отсюда следствиями, а не абстрагированные от него и «дистиллированные» продукты логико-рационального теоретизирования о языке как самодостаточной системе единиц, подвергающихся анализу и классификации.

Обратим внимание на то, что особое внимание в наших исследованиях уделяется используемым носителями языка стратегиям и опорам, ведущим к правильному, неточному или ошибочному результату. Разработаны классификации стратегий ИС, формальных и семантических опор. Поскольку невозможно привести здесь результаты всех выполненных исследований (или хотя бы назвать темы диссертаций, защищённых всеми учениками моих учеников), ниже речь пойдёт только о двух стратегиях ИС, которые ранее не получили достаточно развёрнутого описания, хотя они заслуживают особого внимания. Это базовые стратегии идентификации слова «для себя» и включения во «внутренний» контекст. Они рассматриваются мною как базовые, поскольку являются обязательными для любых условий идентификации слова как такового.

1.2. Базовая стратегия идентификации «для себя»

В ходе обработки материалов широкомасштабного эксперимента по психолингвистическому портретированию лексики[313] получили подтверждения некоторые соображения по поводу стратегий идентификации значения слова, обнаруженных мною ранее при проведении экспериментов с носителями разных языков и при межъязыковом сопоставлении ассоциативных реакций испытуемых[314]. Напомню, что в моих исследованиях 1960–1970-х гг. использовались различные экспериментальные процедуры, в том числе – свободный ассоциативный и направленный ассоциативный эксперименты с непосредственным и отсроченным воспроизведением испытуемыми слов исходного

списка. В то время меня преимущественно интересовали механизмы памяти и опоры для установления интервербальных связей[315], а значение слова рассматривалось с позиций семантической структуры слова, т.е. в лингвистическом аспекте[316]. Однако вскоре стало очевидным, что выявляемые в материалах экспериментов интервербальные связи (в частности, обнаруживаемые при межъязыковых/межкультурных сопоставлениях), не могут получить объяснения в русле лингвистической теории, а это послужило импульсом для разработки психолингвистической теории слова как достояния индивида[317]. Дальнейшее развитие названной теории, связанное с трактовкой слова как средства доступа к единой информационной базе человека – индивидуальному знанию, организованному в формате «живого мультимодального гипертекста», позволяет вернуться к обозначенному в названии этого раздела вопросу на новом теоретическом уровне и с привлечением экспериментальных данных, полученных в последние годы мною, а также некоторыми другими авторами.

В качестве основного корпуса данных, обсуждаемых ниже, выступают материалы экспериментального исследования, о котором уже шла речь в связи с примерами динамики значения некоторых общеупотребительных слов (см. 1.1.2). Уточняю, что эти материалы продолжают обрабатываться; параллельно с этим устанавливаются возможности сопоставления полученных данных с публикациями по результатам исследований других авторов.

Напомню, что психолингвистическое портретирование лексики в рассматриваемом эксперименте включало использование пяти исследовательских процедур, в число которых вошли два варианта ассоциативной методики (свободный ассоциативный и направленный ассоциативный эксперименты), субъективное шкалирование по 7-балльной шкале с полюсами от –3 до + 3 и две процедуры дефинирования. Результаты шкалирования здесь не рассматриваются; представляется достаточным указать, что процедура шкалирования проявила себя как полезный инструмент психолингвистического портретирования лексики, способный обнаруживать в достаточной мере проявляющиеся тенденции общегрупповых оценок и динамики таких оценок за определённый период времени. Удалось установить, что стратегии оценивания того, что стоит за словом, в принципе прослеживаются уже при наличии 50 Ии., а личностные преференции сглаживаются при 100 Ии[318].

К числу важных выводов по результатам сопоставления данных, полученных по четырём (двум ассоциативным и двум

дефиниционным) исследовательским процедурам, можно отнести предположение, согласно которому независимо от формулировки экспериментального задания Ии. стремятся прежде всего удостовериться, что они верно опознают воспринимаемое слово, понимают его значение. Иначе говоря, всегда имеет место идентификация значения слова «для самого себя», а уже после этого происходит установление той или иной интервербальной связи, которая не всегда отвечает заданию эксперимента, т.е. происходит задержка на названном этапе, выявляя его продукт, который в иных случаях лишь имплицируется.

Сформировавшиеся у меня ещё в 1970-е гг. представления о базовой роли ИС «для себя» тогда же дали основания для рассмотрения ряда вытекающих отсюда следствий. В частности, было высказано мнение, что в памяти человека возможные варианты опознания одного и того же слова хранятся раздельно (эта гипотеза получила подтверждение в результатах экспериментальных исследований некоторых других авторов[319]); опознание каждого из таких вариантов представляет собой включение в отдельную систему связей и отношений по линиям переработки перцептивного и когнитивного опыта, что всегда увязано также с определёнными эмоционально– оценочными переживаниями. Более того, индивид осознаёт, что слово могло быть встречено и в каком-то ином значении, преимущественно в случаях рассогласования с последующим контекстом или ситуацией (особенно наглядно это проявляется в различных вариантах языковой игры). Обратим внимание на то, что тем самым выявляется одно из оснований для разграничения, с одной стороны, продуктов логико– рационального научного описания значения слова (например, в толковом словаре через перечень в одной статье нескольких значений слова), а с другой – продуктов «своеобразной переработки речевого опыта» в психофизиологической «речевой организации индивида» (в терминах Л. В. Щербы), когда связь между отдельными значениями устанавливается только при необходимости и требует определённой метаязыковой активности (через рефлексию). Во втором случае оказывается актуальным поиск каких бы то ни было проявлений опоры индивида на его предшествующий опыт, который к тому же не должен ограничиваться чисто вербальной сферой, поскольку слово выступает в функции средства доступа к мультимодальному образу мира, вне которого никакое понимание и/или взаимопонимание реализоваться не могут. Поскольку выход на «табло сознания» осуществляется благодаря слову, определённые жизненные или экспериментальные ситуации могут помочь выявить промежуточные и конечные

продукты процессов идентификации слова и формирования интервербальных связей (на самом деле мы встречаемся с подобными ситуациями довольно часто в повседневной деятельности и общении, но не делаем их предметом рефлексии или целенаправленного научного исследования).

Такие представления побудили меня искать экспериментальные свидетельства тому, что опознание слова «для себя» играет особую роль для человека и реализуется с помощью использования некоторых предпочитаемых индивидом средств. Ориентация на целенаправленный поиск помогла мне увидеть в материалах «Ассоциативного тезауруса английского языка»[320] один из возможных ответов на вопрос о том, что помогает индивиду удостоверять для самого себя то, как он понимает значение воспринимаемого слова. Поскольку в этом корпусе экспериментальных материалов впервые содержались данные об обратных ассоциативных связях, т.е. о словах-стимулах, вызвавших исследуемое слово в качестве ассоциативной реакции, мне удалось выделить ядро лексикона носителя английского языка, включавшее слова, наиболее часто используемые в качестве своеобразных «идентификаторов», т.е. средств разъяснения того, что именно понимается Ии. под тем или иным словом-стимулом[321]. В развитие приведённых положений важнейшая роль единиц ядра лексикона индивида как естественного метаязыка была позднее обоснована в исследовании Н. О. Золотовой[322].

Замечу попутно, что выделение ядра лексикона как такового фактически способствовало возникновению популярного ныне направления исследований в области «языкового сознания», хотя на самом деле обе составляющие этого термина не являются чётко определимыми: если в фокусе сознания находится именно *языковое* явление как таковое, то сознание оказывается не языковым, а метаязыковым; если же речь идет об *осознании* именуемого вербальными средствами, то, с одной стороны, оно не является полностью языковым (слово обеспечивает выход на мультимодальный образ мира с множеством связей и выводных знаний по комплексу признаков и признаков признаков именуемой сущности), а с другой стороны – осознаваемое опирается на широкую сеть связей, так или иначе учитываемых на взаимодействующих уровнях сознательного контроля, бессознательного контроля и неосознаваемого, поскольку вербально манифестируются лишь продукты многоэтапных процессов опоры на перцептивный, когнитивный и эмоционально– оценочный опыт взаимодействия индивида с естественным и социальным окружением.

Констатация фактов использования единиц ядра ментального лексикона при идентификации слова «для себя» важна, но недостаточна для объяснения специфики рассматриваемого явления, к тому же в интересующих нас случаях могут фигурировать и слова, не относящиеся к ядру, но наиболее подходящие в качестве идентификаторов в тех или иных ситуациях. Поэтому с самого начала моих исследований была поставлена задача анализа всего корпуса полученных данных (в отличие от применявшегося в те годы анализа только самых частотных реакций) и группировки ассоциатов по моделям их связи с исходным словом. Это, в частности, помогло увидеть недостаточность анализа ассоциативных связей по строгим лингвистическим параметрам и обосновать необходимость выхода на глубинные основания интервербальных связей, что привело к отказу от обязательного учёта согласованности стимула и реакции по требованиям «поверхностного уровня» (например, по показателям рода, числа, падежа) и к рассмотрению глубинной парадигматики и синтагматики, а также к введению специфичных для функционирования языка у индивида понятий симиляров и оппозитов, отражающих связи не столько по зафиксированному в словарях значению слова, сколько по его смыслу, трактуемому с позиций обыденного знания. Дальнейшее развитие этих положений имело место в ряде кандидатских и докторских диссертаций моих учеников, но здесь речь идёт только о роли самой базовой стратегии идентификации значения слова «для себя» (на примерах реализации этой стратегии в экспериментальных материалах).

Представляется важным сделать ещё одно теоретическое уточнение в связи с попыткой «заглянуть за кадр» – выявить стратегии и опоры, обеспечивающие опознание слова и установление определённых интервербальных связей. Известно, что имела место необихейвиористская идея наличия некоторых «промежуточных переменных», «репрезентативных ответов» и т.д., на глубинном уровне обусловливающих формирование связи между стимулом и реакцией. Обсуждение этой идеи не входит в мои задачи, оно увело бы нас от рассмотрения заявленного в названии этого раздела вопроса. Поэтому ограничусь указанием на то, что допущение наличия чего-то и попытка выявления специфики допускаемого – разные вещи, а главное состоит в наличии определённой базовой теории, отвечающей характеру исследуемого объекта. Напоминаю, что далее обсуждение примеров ведётся с позиций психолингвистической теории значения слова со всеми вытекающими отсюда следствиями.

В задачи рассмотрения случаев реализации стратегии

идентификации значения слова «для себя» входят:

1). Обнаружение типичных проявлений названной стратегии в материалах психолингвистического портретирования лексики (свободного ассоциативного эксперимента, направленного ассоциативного эксперимента и двух вариантов процедуры дефинирования);

2). Сопоставление полученных данных с материалами экспериментов, проведённых другими авторами в различающихся условиях (т.е. с взрослыми и детьми разных возрастных групп, с профессионалами в некоторой области науки и др.).

Уточню, что рассматриваемые далее примеры интересны исключительно как факты реализации обсуждаемой стратегии, поэтому количественные показатели не приводятся (они имели бы определённую значимость при постановке задачи выявления степени актуальности данной стратегии в тех или иных обстоятельствах). Выведение на первое место примеров из материалов свободного ассоциативного эксперимента связано с тем, что для сопоставления далее будут использоваться результаты применения другими авторами именно такой исследовательской процедуры. Более того, по опыту моей многолетней экспериментальной работы создалось впечатление, что эта исследовательская процедура предоставляет наиболее широкий спектр интересных для анализа случаев, которые с удивительной последовательностью проявляются при выполнении других заданий, в том числе – вместо них, т.е. при игнорировании требуемой инструкции (например, при записи свободной ассоциативной реакции вместо направленной с тем или иным ограничением), при включении типичной свободной ассоциативной реакции в состав дефиниции или записи вместо неё.

Итак, при выполнении одного из заданий по психолингвистическому портретированию лексики Ии. было предложено записать слова, которые первыми придут в голову в связи с предложенными им словами (т.е. дать по одной свободной ассоциативной реакции). С точки зрения интересующей нас стратегии идентификации значения слова наиболее интересными оказываются не именования хорошо известных (привычных) сущностей (типа: ЛИМОН – *фрукт, цитрус*), а слова, не так давно вошедшие в широкий обиход или за последнее время получившие либо новые значения, либо изменённую эмоционально-оценочную характеристику (именно такие слова брались мною для психолингвистического портретирования с временным интервалом в 17 лет). Во втором случае особенно наглядно проявляются усилия Ии. уточнить, что имеется в виду под

воспринимаемым словом, при этом для недостаточно чётко понимаемых сущностей проявляются разные уровни понимания испытуемыми того, что именуется, а при изменении значения слова – на первый план выходит значение, ставшее наиболее актуальным для Ии. за последнее время. Рассмотрим некоторые примеры.

Пример 1: БРОКЕР –

а) *посредник, специалист, агент, профессия, человек, работает на бирже, биржевый работник, предприниматель, род деятельности, род занятий, мужчина;*

б) *биржа, акции, деньги, делать ставки на бирже, денежные операции, продажа, рынок, торги*;

в) *делец, жулик, игрок, махинация, игрок на бирже, спекуляция*.

В ассоциативном поле этого слова прежде всего обнаружилось смешение Ии. слова БРОКЕР со словами «дилер», «маклер», «риэлтор», а это свидетельствует о том, что представления о таких видах деятельности ныне весьма расплывчаты. Однако некоторые Ии. пытаются определить: кто такой этот самый брокер (см. реакции группы «а»), с чем он имеет дело (реакции группы «б») или хотя бы какой он или то, с чем он имеет дело – хорошее это или не очень (реакции группы «в»). Обратим внимание на то, что при разных степенях конкретности/ абстрактности ответов все они указывают на смутное, расплывчатое понимание значения идентифицируемого слова, хотя его слышали и «знают».

В ассоциативном поле слова КОММЕРСАНТ (см. Пример 2), которое, кстати, некоторые перепутали со словом «коммивояжер», чётко выявились два направления идентификации именуемой сущности: одни Ии. уточнили, что речь идёт о печатном издании с таким названием (см. примеры группы 2.1), в то время как другие стали характеризовать человека, занимающегося определённой деятельностью (примеры группы 2.2), опять таки на разных уровнях конкретности/абстрактности или через именование того, с чем такая деятельность связана (подпункт «б»), и с оценочным отношением к такому человеку или роду его деятельности (подпункт «в»).

Пример 2: КОММЕРСАНТ –

1: *газета, журнал*.

2: *человек*;

а) *бизнесмен, продавец, предприниматель, человек, индивидуальный предприниматель, мужчина, профессия, работа, частник, экономист, деловой человек, занятие коммерческой деятельностью, купец, мужик, накопитель, работник, род деятельности, челночник, эксперт;*

б) *деньги, торговля, бизнес, рынок, коммерция, товар, купить/продать, малый бизнес, налоги, прибыль, считает деньги, собственность;*

в) *спекулянт, торгаш, обманщик, жулик*.

При анализе экспериментальных бланков стало очевидным, что, независимо от заданий по другим экспериментальным процедурам, точно такие же ответы даются Ии. в ходе направленного ассоциативного эксперимента, а также и при выполнении двух процедур дефинирования.

Так, при задании «Запишите, пожалуйста, слова, которые могут сочетаться с предложенными вам словами» (т.е. в ходе направленного ассоциативного эксперимента без ограничения направления поиска реакции), в число типичных вошли, например, такие ассоциативные реакции (см. Пример 3, где первыми приведены наиболее типичные ответы Ии.):

Пример 3: Направленные ассоциативные реакции

АУКЦИОН – *продажа (распродажа, торги, рынок, розыгрыш)*

БАНК – *деньги (кредит, капитал, валюта, банкомат, вклад, денежный дом, ипотека, предоставление кредитов, финансы)*

ДИРЕКТОР – *начальник (большой человек, глава школы, руководитель, начальство, профессионал, управленец, управляющий человек)*

ДОСТАВКА – *перевозка (извоз, экспорт)*

МАТЕРИАЛЬНЫЙ – *денежный (духовный, вещественный, ценный)*

НАМЕСТНИК – *заместитель (временный начальник, должность, владелец, феодал, специалист, человек)*

НИЗКИЙ – *высокий (маленький, длинный, жалкий, неэффективный, падший, подлый)*

ПРЕДПРИЯТИЕ – *фирма (завод, ОАО, производство, бизнес, ООО, компания, корпорация, организация, фабрика)*

РАСПАД – *крах (развал, разруха, разрушение, руины, хаос, упадок, финиш)*

РЫНОК – *базар (экономика, бизнес, деньги, покупатель, продажа, продавец, торг, торги)*

СУБЪЕКТ – *объект (личность, человек, директор, индивид, растрёпа, физическое лицо, частное лицо*)

Нетрудно заметить, что, во первых, вместо ожидавшейся синтагматической связи во всех приведённых примерах реализована связь по линии парадигматики; во-вторых, мы видим явные случаи разъяснения того, как понято предложенное слово; в-третьих – некоторые из сделанных Ии. записей в принципе совпадают с дефинициями, которые обычно даются на бытовом уровне объяснений (т.е. фактически – в первую очередь для

самого себя).

Переходя теперь к материалам по процедуре дефинирования, уточню, что первое из этих заданий формулировалось так: «Что означают следующие слова? Можно дать синоним», а во втором задании предлагалось назвать два и более значений того или иного слова, т.е. Ии. были сразу же ориентированы на то, что речь идёт о многозначных словах.

В связи с этими заданиями представляется важным особо подчеркнуть, что психолингвистическое портретирование лексики предполагает упорядочение экспериментальных процедур по нарастанию степени метаязыковой активности Ии. – от свободной ассоциативной реакции через направленную ассоциативную реакцию и субъективное шкалирование к требующим всё большего внимания дефиниционным заданиям. Следует признать, что далеко не все Ии. выполнили полностью два последних задания. Более того, некоторые Ии. в обоих случаях фактически повторили наиболее типичные свободные и направленные ассоциативные реакции «разъяснительного» типа, полученные в другой серии эксперимента (использовались разные экспериментальные бланки, чтобы одни и те же слова не повторялись по разным заданиям для каждого И.).

В приводимых далее примерах суммированы некоторые записи Ии. при выполнении заданий по дефинированию.

Пример 4: РАЗВАЛ –

а) *распад, деструкция, разделение целого на части, деление на куски, руины, разделение на части в буквальном и переносном смысле*;

б) *крах, разруха, распад определённой системы, забвение, конец, упадок, уничтожение старого*;

в) *рынок, передвижной рынок, выкладка многочисленного товара, небольшой рынок, открытая палатка для торговли, палатка на улице, торговый рынок, точка продажи товаров*;

г) *часть рельефа местности, горный развал*;

д) *сход-развал, место для смены шин автомобиля, разбор на запчасти, ремонт машины, балансировка колёс*.

Пример 5: КРУТОЙ –

а) *резкий, не пологий, обрывистый, отвесный, стремительный, качество явления природы (крутой берег)*;

б) *поворот, подъём, спуск, угол наклона, склон, обрыв, скала, берег*;

в) *модный, влиятельный, богатый, властный, классный, успешный, важный, деловой, имеющий власть, авторитетный, волевой, клёвый, опасный, показной, раскрученный, шикарный, криминальный, самый лучший*;

г) *сваренный вкрутую, крепко заваренный, полностью проваренный, сваренный до готовности, слишком горячий крепкий чай, твёрдый*.

Приведённые и подобные им однословные дефиниции типа РАЗВАЛ – *распад, рынок, сход-развал* или КРУТОЙ – *резкий, поворот, модный* – полностью совпали со свободными и/или направленными ассоциативными реакциями на все исследовавшиеся слова.

Не имея возможности приводить и обсуждать дополнительные примеры из своих экспериментальных материалов, обращусь теперь к сопоставлению некоторых из высказанных здесь соображений с результатами исследований других авторов.

Основную проблему при поиске материалов для сопоставления составляют расхождения в списках исследуемых слов. Например, «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов»[323] содержит информацию только о трёх словах моего списка (ДЕНЬГИ, РОССИЯ, РУБЛЬ). Могут также различаться инструкции для Ии., как и количество используемых исследовательских методик.

«Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска»[324] являются наиболее подходящими для сопоставления с результатами моего исследования, поскольку в этой публикации представлены результаты применения комплекса исследовательских процедур, включавшего свободные ассоциативные реакции и дефиниции (результаты соотносимых в сопоставляемых экспериментах процедур шкалирования здесь не обсуждаются). К сожалению, в наших перечнях исследуемых слов нет совпадающих вхождений, что не исключает возможности «условных» сопоставлений на основании сходства морфологической структуры и характера значения некоторых слов, однако это требует дополнительного рассмотрения и не входит в задачи сегодняшнего дня. Поэтому здесь ограничусь указанием на то, что Л. О. Бутакова отмечает наличие в словарных статьях специфических конкретизаторов, к которым отнесены «слова, словосочетания, отдельные сегменты высказывания и целые высказывания»[325]. Фактически Ларисой Олеговной Бутаковой предложено удачное именование феномена, который я называю разъяснением для самого себя того, как понято значение воспринимаемого слова. Важно подчеркнуть, что такие конкретизаторы могут даваться Ии. независимо от характера инструкции и нередко имплицируются как промежуточный этап, со всей очевидностью предваряющий записанную реакцию (например, слово «человек» явно

подразумевается в ответах типа *имеющий в подчинении нескольких людей* на слово МЕНЕДЖЕР).

В ряде недавних публикаций ассоциативных экспериментов также не нашлось совпадений в перечнях исследуемых слов, поэтому они будут использоваться позднее при установлении условных соответствий[326]. В качестве примеров анализа по аналогии можно привести сопоставление используемых Ии. средств конкретизации слов типа БРОКЕР в моём эксперименте (см. выше Пример 1) и в материалах исследования О. В. Коротун [Коротун 2010], где имеются данные по направленным ассоциативным реакциям на сходные с этим словом слова, в том числе: ДИЗАЙНЕР (см. ниже Пример 6), МЕНЕДЖЕР (Пример 7.2), ПРОГРАММИСТ, а также в «Ассоциативном словаре употребительной русской лексики» [Рудакова, Стернин 2011], куда входит слово МЕНЕДЖЕР (Пример 7.1).

Зарегистрированные в этих материалах ответы Ии. приводятся здесь выборочно в качестве типовых.

Пример 6[327]**:** ДИЗАЙНЕР –

а) *стилист, модельер, художник, отличная профессия*;

б) *творческий человек, обычный человек, умеющий рисовать, креативный человек, модный человек, нестандартного мышления, придумывает разное; умеющий выдумывать*;

в) *мужик, который думает, как что можно построить; обновляющий что-либо; он делает красивые вещи, дома, квартиры; оформление чего-нибудь; тот, кто «обделывает» квартиру; человек, воплощающий вашу мечту в реальность; человек, который делает красивые вещи; человек, который изменяет, делает новое (что-нибудь); человек, который постоянно что-то моделирует и чертит на бумагах; человек, работающий над дизайном в какой-нибудь сфере (одежда, мебель, автомобиль)*.

В примере 6 не отражены реакции, описывающие внешность дизайнера – они составляют подавляющее большинство в рассматриваемом ассоциативном поле. Примеры группы (а) включают краткие ответы, в принципе совпадающими со свободными ассоциативными реакциями на сходные слова; примеры группы (б) именуют некоторые отличительные характеристики дизайнера как человека, в то время как примеры группы «в» фактически представляют собой попытки дать развёрнутую дефиницию значения слова «дизайнер».

Пример 7.1[328]**:** МЕНЕДЖЕР –

а) *управляющий, продавец, управленец, профессия, работа, руководитель, топ(менеджер), администратор, директор, консультант, помошник, работник среднего звена, человек*;

б) *магазин, офис, фирма, торговый центр*.

Пример 7.2[329]**:** МЕНЕДЖЕР –

а) *управляющий, консультант, офисная крыса, помошник людям, продавец, профессионал, руководитель фирмы, торговый представитель*;

б) *офис, контора, рекламное агентство*;

в) *всегда всем хочет что-нибудь отдать или продать: деловой с виду человек, но на самом деле ничего из себя не представляет; деловой человек новой для нас формации; знают, что и как продавать побыстрее и подороже; имеющий в подчинении нескольких людей; которые постоянно хотят впихнуть какой-нибудь товар; которые ходят по залам и следят на порядком; который нахваливает свой товар; управляющий всем чем может; человек на побегушках; человек, приносящий деньги фирме; человек, управляющий персоналом, работающий в какой-либо сфере*.

Принцип условных соответствий будет далее использоваться для проверки некоторых предположений при сопоставлении материалов моих экспериментов с результатами прослеживания динамики ассоциативных связей у носителей русского языка разных возрастных групп, а также представителей технической и гуманитарной сфер деятельности[330].

Чрезвычайно полезным оказалось сопоставление моих данных с материалами «Ассоциативного словаря подростка» Е. Н. Гуц[331]. Так, в зарегистрированном в этом словаре ассоциативном поле слова МОЧАЛКА наиболее полно проявилось разнообразие средств идентификации ранее выделенного мною значения ‘девушка’, см. Пример 8, группа (а). Более того, в материалах этого эксперимента оказалось зарегистрированным ещё одно значение, относящееся к лицу мужского поля, см. группу примеров (б).

Пример 8[332]**:** МОЧАЛКА –

а) *девушка, дура, уродина, баба, девчонка, лохудра, шмара, выдра, девка, девушка лёгкого поведения, зануда, маленькая девочка, некрасивая девчонка, плакса, плохая женщина, подруга, размазня, страшная девушка, страшная чувиха, тварь, тёлка плохая, училка, чувиха, шалава*;

б) *расхлябанный человек, учитель старый, худой человек, чмошник*.

Обратим внимание на то, что значительная доля случаев идентификации исходного слова посредством конкретизации опосредуется всплыванием яркого чувственного образа, сопровождаемого теми или иными эмоционально-оценочными переживаниями (в случае со словом «мочалка» очевидна негативная оценка, распространяющаяся на лиц как женского, так и мужского пола).

Итак, идентификация слова «для себя» как базовая стратегия ИС наглядно проявляется в экспериментальных материалах, полученных разными исследователями. Мой многолетний опыт межъязыковых/ межкультурных сопоставлений свидетельствует о том, что эта стратегия проявляется вне зависимости от характера языка Ии., её можно считать универсалией, как и включение во внутренний контекст, которое обсуждается ниже.

Полезно также обратиться к исследованию Н. О. Золотовой, обосновавшей роль и специфику «естественного метаязыка», который фактически выступает в функции конкретизатора в процессах идентификации слова «для себя».

1.3. Базовая стратегия включения во «внутренний» контекст

Прежде всего следует определить, что именно понимается под контекстом, поскольку каждый термин должен функционировать в рамках соответствующего категориального поля[333]. В лингвистических исследованиях контекст трактуется следующим образом:

> «КОНТЕКСТ (от лат. Contextus – соединение, связь) – фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимую и достаточную для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста»[334].

Это определение явно ориентировано на цели научного анализа, на работу с текстом как таковым. Иной акцент (не на тексте, а на сути именуемого) наблюдается в определении контекста, которое даётся в словаре[335], где уточняется:

> «В расширенном смысле к. – это фон функционирования некоторой сущности, релевантный для её понимания.

Контекст истории. Контекст ситуации. Экстралингвистический контекст»[336].

Обратим внимание на то, что в данном случае имеет место не простое «расширение смысла», а фактический выход за рамки лингвистики.

Что же исследуется, когда в эксперименте предъявляется слово, трактуемое как достояние индивида: единица текста или некоторая сущность? Если ставится задача через слово (и с учётом двойной жизни значения) выйти на то, что лежит ЗА

СЛОВОМ в образе мира индивида, то в качестве контекста выступит фон для идентификации некоторой сущности, а именно – некоторая проекция голограммы образа мира, т.е. слово имеет смысл только при наличии такого фона. Мало назвать такой фон «экстралингвистическим знанием», необходимо понять специфику такого знания/переживания – ЖИВОГО ЗНАНИЯ как достояния ЧЕЛОВЕКА, к тому же не просто HOMO LOQUENCE – «человека говорящего», но ИНДИВИДА (как представителя вида и как личности), познающего мир, чувствующего и эмоционально–оценочно помечающего всё воспринятое. В такой ситуации для носителя языка слово сливается с именуемой им вещью (вспомним высказывание Н. И. Жинкина о том, что слыша речь, мы думаем не о словах, а о действительности). Но любая вещь существует не сама по себе, она не только представляет собой определённую сущность, но и имеет специфические признаки, выполняет те или иные функции, включена в какие-то необходимые или возможные ситуации, предполагающие как предшествующие условия и импликации, так и последующие следствия и т.д., а главное – любая ВЕЩЬ имеет некоторый СМЫСЛ, ту или иную значимость для индивида как личности, что переживается в плане соответствующей маркированности (обратим внимание на то, что «ни хорошо, ни плохо» – тоже определённая и вполне значимая метка). То, в какой мере (до какого уровня «глубины») требуется актуализация лежащих за словом знаний и переживаний, определяется конкретной ситуацией естественного семиозиса (это же, кстати, наблюдается и при использовании комплекса экспериментальных процедур, именуемого мною психолингвистическим портретированием лексики: в зависимости от требуемого заданием уровня метаязыковой активности испытуемых всплывают весьма различающиеся глубинные контексты).

Иными словами, для индивида в естественной обстановке изолированного слова не существует – даже услышанное без вербального и/или ситуативного контекста оно неизбежно актуализирует (на разных уровнях осознаваемости) некоторую ситуацию, представление об объекте и т.п. с расширяющимися кругами выводных знаний, которые наше подсознание услужливо готовит к использованию в случае необходимости. При этом целостность человека (взаимодействие его тела и разума, невозможность отрыва продуктов перцептивных и когнитивных процессов от эмоционально-оценочных переживаний, постоянная опора на знание о том, как устроен мир, чего можно ожидать в той или иной ситуации, к чему могут привести те или иные действия и т.д.) и постоянная включённость индивида в те или

иные естественные и социально-культурные «контексты» обеспечивают возможность удивительного феномена эмерджентности, благодаря которому на пересечении трёх фундаментальных осей:

I. ИНДИВИД (ЛИЧНОСТЬ),

II.ФИЗИЧЕСКИЙ МИР (ЕСТЕСТВЕННАЯ СРЕДА),

III.СОЦИАЛЬНЫЙ МИР (КУЛЬТУРА)

возникает СМЫСЛ, не являющийся простой суммой значений слов, описывающих некоторое событие.

Сказанное выше объясняет условность термина «изолированное слово»: слово, предъявляемое в эксперименте, фактически функционирует так, как любое первое слово воспринимаемого (письменного или устного) сообщения, не опирающегося на наличную ситуацию или не подготовленного предшествующим (кон)текстом. Тем самым создаётся уникальная возможность исследования реальной жизни значения слова в том или ином временном срезе, когда ближайшим для актуализации оказывается внутренний контекст, обусловленный готовностью индивида к актуализации наиболее значимой в текущее время ситуации, а через это – для выявления динамики значения слова.

Главное при исследовании процесса идентификации слова – не сам по себе факт наличия или отсутствия у предъявляемого слова некоторого вербального (т.е. «материализованного», «внешнего») контекста, а выявление действий и операций, обеспечивающих выход индивида на глубинные связи и отношения, образы и обобщения, признаки и признаки признаков объектов, ситуаций и т.п., благодаря которым происходит идентификация слова как понимание / переживание смысла, на который указывает (или намекает) предъявленное в эксперименте слово. Речь идёт о глубинном фоне идентификации слова, а это непосредственно связано с моделированием актуального смыслового поля. Особенности процесса включения во внутренний контекст были прослежены мною ещё в 1970–1980-е гг. по результатам масштабного межъязыкового/ межкультурного сопоставления ассоциативных полей слов– коррелятов в ряде языков (по результатам своих экспериментов с носителями русского и трёх тюркских языков – казахского, киргизского, узбекского – и по публикациям ассоциативных норм английского, французского, немецкого, польского и словацкого языков). Было установлено, что в полученном от коллективного информанта (с участием значительного количества Ии.) ассоциативном поле прослеживаются все описанные в лингвистических исследованиях виды полей, импликаций и пресуппозиций.

Включение во внутренний контекст характеризуется

многоступенчатостью актуализуемых связей, различиями в степени имплицируемости одного слова другим, см. рис. 4.1, в своё время построенный мною по результатам сопоставления ассоциативных полей коррелятов слова НОЖНИЦЫ в сопоставляемых языках.

На представленной схеме наиболее частотный для носителей всех рассматриваемых языков ассоциат *резать* имеет наиболее общее значение по сравнению с глаголами *стричь, кроить, разрезать*, *подрезать* – он имеет самую высокую степень имплицированности, выступает наиболее частотным конкретизатором в процессе идентификации «для себя» слова НОЖНИЦЫ и в то же время опосредует появление конкретизаторов следующей ступени – глаголов, связанных с возможными путями реализации действия с помощью ножниц. Импликантами очередной ступени могут быть именования объектов разрезания (*бумага, железо*), кроя (*ткань, платье*), стрижки (*волосы, шерсть*), подрезания (*дерево, куст*) и т.п. Параллельно с этим или в продолжение имплицируемых цепочек возникают импликанты, именующие продукт или объект совершаемого действия (*стрижка, овца*), деятеля (*портной, парикмахер, садовник, пастух*) и т.д. Реализуются и возможности оперирования конкретизаторами иных типов: через подведение под суперординату (*инструмент, орудие*), соотнесение с координированными членами той же категории (*нож, скальпель*), именование признаков именуемого объекта (*маленькие, большие, острые*), в том числе связанных с характером функциональной ориентированности идентифицируемой вещи (*портновские, канцелярские, кузнечные, пастушьи, садовые*). Эта схема, отображающая лишь часть совокупного ассоциативного поля, уже даёт представление о том, что идентифицируемое слово немедленно включается в широкую сеть разнообразных связей, ориентированных на выявление возможных качеств именуемого объекта, совершаемых действий в тех или иных ситуациях, к тому же с учётом характера деятеля, объекта действия или результата действия и т.д.

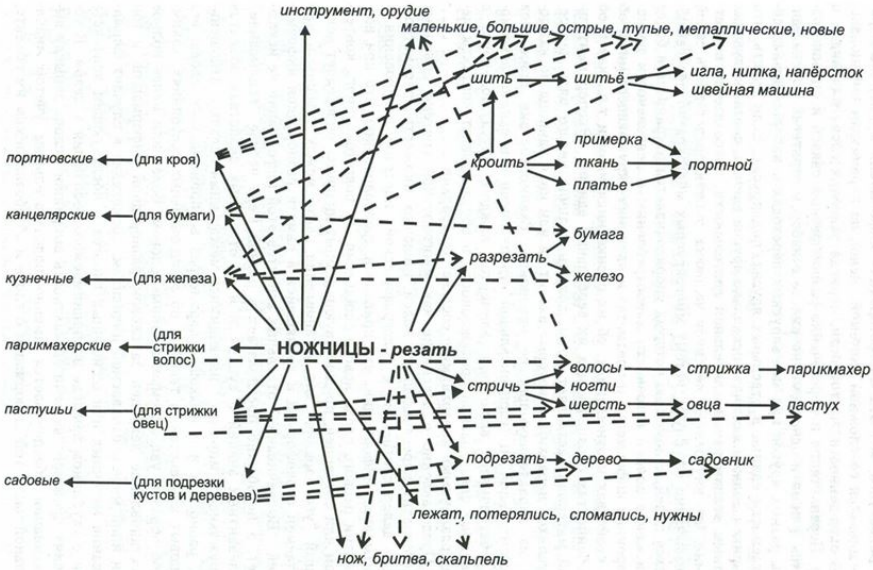


Рис. 4.1

Вполне естественно, что для представителей разных лингвокультур оказываются по-разному актуальными те или иные конкретизаторы и/или направления актуализации импликативных цепочек. Фактически уже первые мои эксперименты показали расхождения между показаниями словарей и результатами прямого обращения к носителям языка[337], а также продемонстрировали необходимость межъязыковых/межкультурных сопоставлений для обнаружения тончайших нюансов идентифицируемых носителями разных лингвокультур эмоционально-оценочных переживаний смысла слов, которые практические не бывают равнозначными (т.е. вовсе не являются так называемыми «межъязыковыми эквивалентами»), хотя обычно двуязычные словари описывают их как таковые, что принимается как само собой разумеющееся теми, кто пользуется такими словарями.

Следует особо подчеркнуть, что никакой рисунок не может отобразить полноту связей, устанавливаемых в реальном внутреннем контексте мультимодального гипертекста, поскольку на разных уровнях осознаваемости могут активизироваться цепочки выводных знаний, направление, степень важности и длина которых определяются многими внешними и внутренними факторами.

В настоящее время создаются условия для масштабных межъязыковых/межкультурных сопоставлений ассоциативных, категориальных и других интересных для рассмотрения коллективных полей по результатам, сведённым в электронные

базы данных, которые получены на материале разных языков и культур и находятся в свободном доступе в сети Интернет. В то же время сохраняются материалы ранее проведённых исследований, что позволяет проводить «вертикальный» анализ, позволяющий прослеживать динамику степени актуальности выявляемых смыслов, связей и отношений, стратегий и опор.

О широте открывающихся возможностей для хорошо подкреплённого статистикой исследования, способного выявить универсальные и этнокультурные особенности включения во внутренний контекст (в том числе – предпочитаемые в зависимости от специфики языка и культуры стратегии и опоры), можно судить хотя бы по следующим примерам экспериментальных материалов, полученных на базе различных языков.

Так, через ряд лет после издания «Словаря ассоциативных норм русского языка»[338] имеет место реализация обширной программы ассоциативных экспериментов по созданию «Русского ассоциативного словаря»[339] (ныне идёт подготовка нового издания такого словаря), «Ассоциативных норм испанского и русского языков»[340], ассоциативного словаря информационных технологий на материале русского и французского языков[341], «Славянского ассоциативного словаря»[342], «Ассоциативных норм русского и немецкого языков»[343], «Ассоциативного фразеологического словаря русского языка»[344] и т.д. Продуктом исследования пермского коллектива авторов явились материалы эксперимента с русскими детьми[345]. Коллектив саратовских авторов издал двухтомный ассоциативный словарь по результатам эксперимента со школьниками Саратова и Саратовской области (1–11 классов)[346]. Коллективная монография «Галерея ассоциативных портретов»[347] подготовлена девятью авторами из Уфы. В Воронеже вышел из печати «Ассоциативный словарь употребительной русской лексики» под редакцией А. В. Рудаковой и И. А. Стернина[348]. Наряду с работой авторских коллективов происходит накопление ассоциативных словарей, подготовленных отдельными авторами из России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Латвии, Украины на материале одного или разных языков[349], в печати имеются также сведения о ряде других экспериментальных исследований[350].

В мировой науке к числу ранее существовавших ассоциативных норм английского, французского, немецкого, польского и словацкого языков[351], добавились ассоциативные нормы британского английского, американского английского, немецкого, французского, испанского, датского, венгерского и других языков[352]; имеется также информация о подготовке

ассоциативных норм японского языка, о составлении базы данных по балканским языкам, европейской сети экспериментальных данных и о возможностях извлечения полезной информации о слове из глобальных сетей данных[353].

Более того, имеется также значительное количество результатов экспериментов по шкалированию слов разных языков по ряду параметров. Такая работа была начата ещё в 1960-е годы в США[354]. После значительного перерыва и с расширением возможностей компьютерной обработки данных добавились разнообразные «нормы», полученные от носителей английского, итальянского, датского, испанского, португальского, немецкого и других языков[355]. К сожалению, из публикаций подобных материалов на материале русского языка мне известны только исследования моих учеников, а именно: нормативные данные для 50 субстантивных категорий[356], а также опубликованные результаты шкалирования 215 русских существительных по параметрам конкретности, образности и эмоциональности[357]; результаты предпринятого мною шкалирования русских прилагательных и глаголов (по тем же параметрам) полностью опубликованы не были.

При сборе разного рода норм особое внимание обращается на возраст носителей языка. К числу ранних экспериментов с детьми относятся, например, работы [Entwisle 1966; Carroll & White 1973]; в настоящее время можно назвать следующие публикации по этому вопросу: [Bird et al. 2001; Burke et al. 1987; Ghyselinck et al. 2000; Ghyselinck et al. 2003; Howard 1980; Marques et al. 2007; Morrison et al. 1997; Stadthagen-Gonzales & Davis 2006] (для сопоставления имеется ряд словарей, полученных от русских детей).

Большим достижением последних лет является переход на новый уровень технической подготовки ассоциативных словарей и других экспериментальных материалов, которые выполняются в формате электронных баз данных с разработкой соответствующих компьютерных программ, обеспечивающих быстрый доступ к результатам эксперимента и возможность анализа данных по ряду параметров[358]. Однако принципиально важно подчеркнуть, что наличие электронной базы данных и быстрого доступа к ней с получением статистических показателей мало что меняет, если не используется теория, отвечающая специфике исследуемого материала: это объясняет, почему подавляющее большинство публикаций по материалам ассоциативных экспериментов и ныне остаются на прежнем уровне анализа, являются чисто описательными, не ставят задач объяснения глубинных оснований для обнаруживаемых фактов.

Добавлю, что приведённый перечень не претендует на полноту, поскольку многие базы данных остаются достоянием отдельных организаций, то и дело появляется информация о новых исследованиях. Тем не менее, этот перечень представляется полезным, поскольку он даёт некоторое представление о широте и разнообразии ведущихся исследований. Вполне очевидно, что имеется широкий выбор материалов, позволяющих с применением новых информационных технологий проводить сопоставления по разным параметрам: языка/культуры, возрастных групп Ии., специфики исследуемых слов и т.д.

Включение во внутренний контекст по свой сути представляет собой выход на определённый фрагмент образа мира во всём богатстве ситуаций, объектов, связей между ними, а также вероятных следствий, принятых в социуме и специфичных для личности норм и оценок; это достигается за счёт навигации по мультимодальному гипертексту предшествующего опыта.

2. Принципы навигации по мультимодальному гипертексту

Выше говорилось о том, что стратегии идентификации слова связаны с определёнными опорами, благодаря которым осуществляются поиск и установление связей в живом мультимодальном гипертексте. Особое место в этих процессах принадлежит признаку как основанию для пересекающихся связей по линиям языковых и энциклопедических знаний.

2.1. Роль признаков как опор для поиска в гипертексте

Одной из важнейших особенностей функционирования живого слова является постоянная опора пользующегося словом человека на признаки и признаки признаков по линиям как языкового, так и энциклопедического знания, при этом именно те или иные признаки определяют характер эмоционально-оценочного переживания индивидом того, что лежит за словом в культурно-историческом опыте, а также в личностном опыте индивида.

Проблема признака давно привлекает внимание учёных разных специальностей[359].

Вполне естественно, что в зависимости от исходных позиций автора, его целей и материала исследования акцентируются различные характеристики признаков вообще или отдельных видов признаков (ср., например, детальный анализ признаков по форме, содержанию и т.д. у Е. К. Войшвилло и разностороннее исследование категориальных признаков в работе [Карасик 1988][360]. Соответственно выделяются различные виды признаков по тем или иным основаниям для их классификации, ср., например, перцептивные и концептуальные признаки/коды[361]; мономодальные, полимодальные и др. признаки[362]; общие и конкретные, а также ключевые (характерные, определяющие) признаки[363]; конкретные, конкретно-ситуационные, функциональные, категориальные признаки[364]; точечные, объёмные, динамические семантические признаки[365]; сильные признаки[366]; инвариантные (интегральные, дифференциальные) семантические признаки и вариантные (скрытые и открытые) семантические компоненты[367]; подвижные многоплановые признаки[368]; всеобщий признак, непосредственный признак, опосредствующий признак, опосредованный признак[369] и т.д. Виды семантических признаков и их роль в выборе опорного

слова устойчивого адъективного сравнения рассмотрены Т. В. Шмелевой[370]. Публикации, связанные с классификацией признаков, обсуждаются также в работе [Дмитриева 2000].

Ранее[371] мною рассматривалась роль процессов разложения всего воспринимаемого человеком на признаки и признаки признаков и делалась попытка объяснить на этой основе происхождение двух типов единиц внутреннего лексикона человека – различительных признаков и единиц высшей степени интегративности – с подчёркиванием изначальной связи тех и других с чувственной и аффективной сферами индивида в противовес постулировавшейся в лингвистических исследованиях эмоционально-оценочной «стерильности» семантических компонентов.

Многолетний опыт межъязыкового сопоставительного анализа экспериментальных материалов обнаружил особую значимость опоры на признаки при функционировании слова в лексиконе и побудил последовательно учитывать этот феномен при выявлении принципов организации индивидуального лексикона, исследовании процессов понимания текста, механизмов метафоризации и т.д. Замечу попутно, что разностороннее изучение используемых носителями разных языков и культур признаков, позволяющих мгновенно решать сложнейшие плохо сформулированные задачи повседневности, успешно ориентироваться в воспринимаемых «расплывчатых множествах», добиваться понимания и взаимопонимания при общении, также может ныне основываться на перечисленных выше и подобных им электронных базах данных по результатам разнообразных экспериментов, проведённых в разных странах.

Учёт специфических особенностей индивидуального знания помогает объяснить, почему для человека важны не только (а нередко – и не столько) существенные признаки понятия, но и те (или именно те), которые логико-рационалистическая традиция относит к «периферии» понятия, квалифицируя их как «несущественные», «дополнительные», «сопутствующие» и т.п.

В этой связи обратим внимание на то, что в написанной психологом работе [Шехтер 1981] выделен специальный параграф «О существенной роли “несущественных” признаков», где по результатам экспериментального исследования делается вывод, что в реальном механизме опознавательного процесса так называемые «несущественные» признаки выполняют весьма важные функции:

> «… одни из них служат более удобными для человека ориентирами, другие играют большую

вспомогательную роль в процессах обнаружения отличительных (в том числе и существенных) признаков данного класса в воспринимаемом объекте»[372].

Мимо этого факта не смог пройти и философ Е. К. Войшвилло, разграничивающий два понятия существенного:

«… понятия признаков, существенных для предметов того или иного качества, и признаков того или иного предмета, существенных в каком-то от-ношении (предмета с другими предметами) или с той или иной точки зрения (с точки зрения определённого использования предмета человеком)»[373].

Важную роль функциональных признаков анализирует Дж. Миллер в ряде своих работ; фактически этот же подход – от активного и пристрастного субъекта – прослеживается в многочисленных исследованиях по развитию мышления и речи у ребёнка, где обсуждается роль «характерных» признаков (Джером Брунер называет их «ключевыми»[374]) по сравнению с существенными признаками. К этому можно добавить, что на выбор идентифицируемого индивидом признака и придание ему того или иного веса влияет целый ряд разнообразных факторов, в частности – то, что Е. Д. Поливанов относил на счёт «языкового мышления» носителей того или иного языка[375], В. С. Юрченко квалифицирует как конкретную идиоэтническую внутреннюю форму языка[376], а А. Н. Крюков объясняет через понятие «фоновых знаний»[377].

Несомненна и особая роль некоторого признака в обыденной жизни в совокупности с вызываемыми им эмоционально-оценочными переживаниями. В этой связи интересно отметить, что факты такого рода тем или иным образом находят отражение в текстах, хотя вроде бы по существу речь идёт вовсе не о них. В качестве примера можно привести детскую песенку об уроке в звериной школе, где учитель говорит: «Приготовьте, дети, перья; напишите, что за зверь я?» Из припевов мы узнаем, что «утёнок выводил – крякодил», «лягушонок выводил – квакодил», «поросёнок выводил – хрюкодил» и т.д., т.е. каждый идентифицировал именно то, что важно и приятно ему самому. Разве не так же мы поступаем на каждом шагу? Не случайно появилась формула «для меня – здесь – сейчас», в принципе отображающая исходную позицию воспринимающего окружающий мир человека.

При рассмотрении проблемы признаков предстоит также решить ряд актуальных вопросов, связанных с их

классификацией, ролью в процессах получения выводного знания (прямого и многоступенчатого). Сложность классификации признаков определяется их многоплановостью, а также тем фактом, что, как справедливо отмечает М. В. Никитин[378], за признаком стоит вещь. Однако недостаточно указать на то, что признак «отвлечён» от вещи: для пользующегося языком субъекта слово слито с называемым им объектом, что неоднократно подчёркивалось выше. Это создаёт дополнительные трудности классификации признаков. Представляется полезным при решении этого вопроса обратить внимание на особенности монотетической и политетической классификаций[379], а также на указание Г. Д. Левина[380] относительно того, что в реальном процессе обобщения объём общего понятия может фиксироваться раньше, чем открывается признак, общий для всех элементов, и происходит это независимо от знания о таком признаке.

Роль признака при получении выводного знания увязывается, в частности, с проблемами «эталона», «схем знаний» и т.п. Для субъекта деятельности переживание эталона связано с «живыми образами»[381]. Фундаментальная роль «схем знаний» как необходимых опор для успешной жизнедеятельности человека (начиная с раннего онтогенеза) убедительно показана многими исследователями[382].

Важно проследить, как в зависимости от идентифицированного признака одно и то же слово может «выводить» на различные схемы знаний, сценарии и т.п., а при наличии общих схем знаний в условиях межкультурных контактов – на специфическое заполнение тех или иных «слотов» образами типичных для каждой культуры носителей признаков в сочетании с соответствующими эмоционально-оценочными переживаниями.

Виды признаков, обнаруженных в исследовании Н. В. Дмитриевой, выполнявшей под моим руководством диссертационное исследование по проблеме «Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков)»[383], представлены ею на схеме, которая приводится здесь на рис. 4.2.

По результатам своего экспериментального исследования Н. В. Дмитриева установила следующее.

• Признаки можно прежде всего подразделить на *присущие* объекту в реальном мире и *приписываемые* объекту в некотором социуме.

• Первые из названных признаков можно квалифицировать как *мотивированные*, а вторые – как *немотивированные*, поскольку объект никогда не может обладать данными признаками).

• Мотивированные признаки можно далее подразделить на *сущностные* (т.е. необходимые, отражающие сущность объекта и присущие объекту всегда) и *характерные* (обладающие преувеличенной значимостью для формируемого в социуме образа объекта).

• Характерные признаки в свою очередь можно подразделить на *типичные* (*как правило* присущие объекту) и *вероятные* (*иногда* присущие объекту).

Обратим внимание на то, что концепция единой информационной базы человека объясняет вхождение одного и того же элемента знания (в данном случае – признака) во множество «схем» или «сценариев», доступ к которым может реализоваться по любому каналу – сенсорному, концептуальному, эмоциональному, вербальному. Именно это фундаментальное свойство информационной базы индивида обеспечивает мгновенную ориентировку в повседневной жизнедеятельности человека, лежит в основе эвристического поиска, помогает в развитии знаний об окружающем мире, направляет встречный поиск в процессах восприятия.

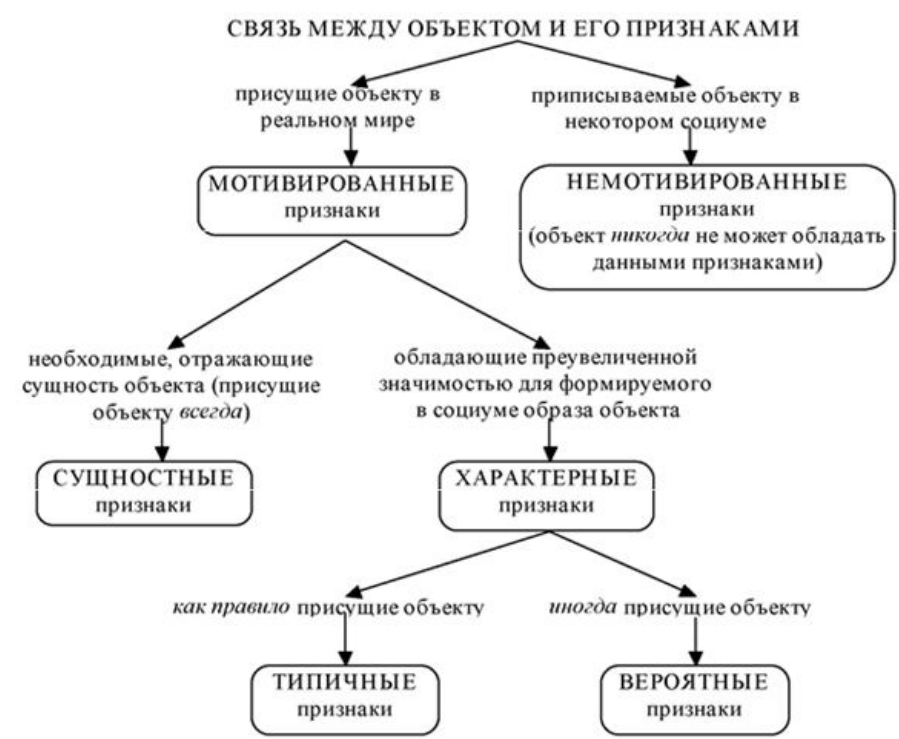

СВЯЗЬ МЕЖДУ ОБЪЕКТОМ И ЕГО ПРИЗНАКАМИ
присущие объекту в реальном мире
приписываемые объекту в некотором социуме
МОТИВИРОВАННЫЕ признаки
НЕМОТИВИРОВАННЫЕ признаки (объект никогда не может обладать данными признаками)
необходимые, отражающие сущность объекта (присущие объекту всегда)
обладающие преувеличенной значимостью для формируемого в социуме образа объекта
СУЩНОСТНЫЕ признаки
ХАРАКТЕРНЫЕ признаки
как правило присущие объекту
иногда присущие объекту
ТИПИЧНЫЕ признаки
ВЕРОЯТНЫЕ признаки

Рис. 4.2. Классификация признаков объекта

Требуется целенаправленное изучение особенностей

восприятия и дальнейшей передачи сообщений (как в естественном общении, так и в деятельности переводчика) в условиях различных культур в ситуациях, когда неверная идентификация или неточное восстановление в памяти некоторого признака, выводящего на определённую схему знаний, заполнение той или иной позиции в такой схеме или отнесение к «не той» схеме знаний оказывает влияние на результат понимания сообщения, связанный с эмоционально– оценочными переживаниями и последующими действиями. Несомненно, используемые здесь метафорические термины типа «схема», «сценарий» именуют ментальные образования динамичной природы, конструируемые заново для текущей ситуации в порядке встречного моделирования на базе ранее имевшихся мультимодальных следов памяти.

Необходимо учитывать, что опора на признак вступает в действие при реализации ряда фундаментальных принципов функционирования живого слова, в том числе – опоры на в различной мере осознаваемые продукты переработки многообразного опыта индивида в их множественных связях и отношениях, встроенных в образ мира и регулируемых идиоэтническими системами вербальных значений, норм и оценок. Отсюда идентификация слова (опознание его как такового, в том числе – в условиях межэтнических контактов) должна предполагать следующее:

• опору на признаки разных видов (перцептивные, когнитивные, аффективные; определительные и характерные и т.д.);

• увязывание идентифицированного признака с некоторым типичным для соответствующей культуры носителем (эталоном, прототипом и т.п.);

• актуализацию или подсознательный учёт более широкого круга признаков идентифицированного носителя признака с выходом на выводные знания разных видов.

Поскольку опора на признак – не самоцель, а средство идентификации того, что лежит за воспринимаемым словом и текстом, происходит «выход» на единую информационную базу человека при реализации рассмотренных выше функций слова как живого знания.

Объяснительную силу развиваемого теоретического подхода можно показать на примере анализа эвристического потенциала метафоры как одного из интереснейших объектов этнопсихолингвистических исследований. Традиционные представления о том, что метафора намеренно используется субъектом для создания эффекта образности, для передачи своей

оценки того или иного объекта, для воздействия на реципиента и т.п., прочно и надолго заслонили изначальную предметность метафоры как основание, на котором базируются все её «изобразительные» и функциональные возможности. Именно это качество метафоры обеспечивает взаимопонимание между коммуникантами даже в случаях, когда метафора выступает как крайне индивидуальный продукт субъективного восприятия и отражения мира творческой личностью. Первичной является постоянная непроизвольная опора индивида на его предшествующий опыт при восприятии нового и при свежем взгляде на ранее известное, постоянное стремление прежде всего идентифицировать, понять, а уж далее (по потребностям и обстоятельствам) – закрепить в речи и передать другим то, что в какой-то момент в специфических обстоятельствах и под определённым углом зрения бросилось в глаза и возбудило некоторые чувственно-когнитивно-аффективные впечатления и переживания.

Сопоставление с предшествующим опытом происходит по множеству параметров, однако в фокусе внимания индивида может оказаться какая-то одна особенность объекта, не обязательно существенная, но возбудившая наиболее яркие впечатления и переживания, увязываемые с некоторым типичным носителем такой особенности (возможно, только при определённых обстоятельствах и условиях). Поскольку прочие качества объекта при этом остаются «в тени», создаются условия для формирования своеобразного метафорического «флюса» (подобно тому, как мы не замечаем, что кроме больного зуба есть ещё и другие, здоровые!).

Дальнейшее «раздувание» такого флюса происходит за счёт специфической категоризации по эталону, т.е. через подсознательный или актуально сознаваемый учёт соответствующих выводных знаний и переживаний.

При наличии общечеловеческих механизмов функционирования слова в индивидуальном лексиконе, в том числе – формирования метафорического флюса и категоризации по эталону, попадающие в фокус внимания признаки и признаки признаков могут различаться для носителей разных языков и культур.

Несомненна и вероятность расхождений в наиболее типичных носителях тех или иных признаков и в характере увязываемых с ними выводных знаний и эмоционально-оценочных переживаний. Это делает понятным, почему в круг этнопсихолингвистических исследований должны войти широкие межъязыковые/ межкультурные сопоставления конкретных фактов реализации

эвристического потенциала метафоры в различных этнокультурных условиях.

Дальнейшее исследование роли и специфики признаков, направляющих поиск в предшествующем опыте будет особенно продуктивным при использовании электронных баз данных – национальных корпусов разных языков. Несомненный интерес представляет также межъязыковое/межкультурное сопоставление материалов экспериментов на шакалирование слов по ряду параметров. Очевидна также необходимость исследования признаков в непосредственной связи с процессами, стратегиями и опорами при их использовании в продуцировании и понимании речи с фокусированием на универсальных и идиоэтнических особенностях процессов идентификации, множественной категоризации, опоры на выводные знания разных видов. Поскольку такие процессы и стратегии ориентированы на продукт – понимание и взаимопонимание, становится важным учёт специфики естественного семиозиса и основных функций слова в речемыслительной деятельности индивида.

2.2. Топы как смысловые инварианты высказываний

В работах В. А. Садиковой[384] детально рассмотрены топы как инварианты высказываний и приведены примеры реализации определённого набора топов в научной и повседневной речи. В ходе защиты докторской диссертации Садиковой был задан вопрос: проводился ли эксперимент для проверки постулируемой диссертантом роли топов? Такая цель диссертантом не ставилась, но имеющиеся в настоящее время обширные корпусы сводных материалов разнообразных экспериментов с носителями многих языков и культур позволяют высказать определённые соображения по этому поводу.

Ниже кратко освещаются некоторые положения концепции топов, приводятся отдельные (отражающие реализацию топов) экспериментальные данные, предлагается трактовка роли топов в навигации по живому мультимодальному гипертексту – совокупному продукту переработки вербального и невербального, личностного и социального опыта познания \мира и общения в различных естественных и социальных ситуациях (продукту и фундаменту процессов познания и коммуникации).

Теория топов, имеющая своим источником трактаты Аристотеля и диалоги Платона и хорошо согласующаяся с идеями А. Ф. Лосева, детально рассматривается в работах Садиковой и обсуждается там же с привлечением мнений многих отечественных и зарубежных мыслителей – философов,

лингвистов, психологов. Ограничусь здесь лишь кратким перечнем базовых теоретических положений, которые дают представление о топике как учении о БАЗОВОМ ПРИНЦИПЕ, направляющем речемыслительную деятельность и общение и обеспечивающем саму возможность взаимопонимания даже при первоначальных межъязыковых/межкультурных контактах в процессе нахождения некоторой исходной (разделяемой коммуникантами) платформы для общения.

Положения, приводимые ниже в произвольном порядке, извлечены из разных публикаций Садиковой; нумерация пунктов используется для удобства их последующего обсуждения и не должна восприниматься как выстраивание этих положений по степени важности:

1. Топика – связующее звено между мыслью и речью[385].

2. Наша речь целиком состоит из реализованных топов[386].

3. Топы структурируют речь как общение[387]. 4. Топика представляет собой систему структурно-смысловых моделей, это типология инвариантов высказывания[388].

5. Топика это система «вершинных» языковых категорий, формирующих ментальное пространство человеческого сознания и обеспечивающих взаимопонимание в процессе общения[389].

6. Топику можно считать неформальной логикой говорящих[390].

7. Топика это диалектика общения, изначально функционирующая бессознательно в мышлении и речи человека[391].

8. Топика опирается на «доязыковые» способности, заложенные в самой человеческой природе, на основе которых формируется доязыковой опыт, а затем – осваивается язык[392].

9. Сформированная до языка, топика действует и тогда, когда наше общение носит невербальный характер[393].

10. Топы органично включает в себя как языковые, так и экстралингвистические параметры высказывания[394].

11. Топика обеспечивает не только линейное продвижение мысли, но и объёмность высказывания, его глубину, потому что отражает связи между объектами[395].

12. Топы не заданы исследователем, а функционируют в естественном языке/речи носителей языка[396]. 13.В спонтанной речи все топы функционируют как равноправные, их иерархичность появляется только в реальной ситуации общения; эта иерархия невероятно пластична и зависит от «здесь и сейчас»[397]. Обсуждение этих положений может касаться как сути, так и точности предлагаемых Садиковой формулировок. Например, полностью соглашаясь с Положениями 1–3,

задающими «категориальное поле» рассматриваемой концепции, можно поставить под сомнение точность формулировок Положений 4 и 5, поскольку в первом случае топы – это прежде всего смысловые модели, именно смысл задаёт структуру высказывания. Думается, что топ вообще можно определить как смысловое отношение. Во втором случае (Положение 5) признание топов вершинными категориями вовсе не обязывает считать эти категории языковыми (мне они представляются ментальными категориями высочайшей степени обобщения, именно поэтому любой из топов реализуется в естественном общении бесконечным множеством способов вербальной манифестации). С таким уточнением, как мне представляется, согласуются Положения 6 и 7: неформальная логика говорящих как диалектика познания и общения функционирует на неосознаваемом уровне и в лучшем случае лишь частично поддаётся вербализации, если ситуация требуют наличия целенаправленной метаязыковой или метакогнитивной деятельности.

Полностью принимая Положения 8 и 9, хорошо согласующиеся с современными представлениями о том, что язык осваивается ребёнком на базе предварительно сформировавшегося доязыкового опыта, не могу пройти мимо формулировки Положения 10: по моим представлениям, топы не могут «органично включать в себя» ни языковые, ни экстралингвистические параметры высказывания, поскольку они являются изначально смысловыми образованиями (точнее – продуктами компрессии смысла), лишь направляющими актуализацию знания обоих типов для реализации задаваемого топом смыслового отношения. Положения 11–13 представляются мне вполне оправданными и хорошо вписывающимися в общий контекст теории топов.

Теперь можно рассмотреть вопросы реализации топов в экспериментальных материалах.

В книге [Садикова 2009: 99] приводятся следующе десять групп топов, которые представляется автору необходимыми и достаточными.

I. Род (1) и Вид (2), Определение (3).

II. Общее (4) и Частное (5).

III. Целое (6) и Части (7).

IV. Обстоятельства (8): места, времени, цели, условия и под.

V. Причина (9) и Следствие (10).

VI. Имя (11) и Символ (12).

VII. Свойства, признаки, качества (13).

VIII. Сравнение (14), Сопоставление (15),

Противопоставление (16).

IX. Действие (17).

X. Пример (18), Свидетельство (19).

Согласно приведённому выше Положению 13, все эти топы функционируют как равноправные, их условная «иерархичность» видится только в определённой конкретной ситуации. Объединение топов в группы акцентирует то, что функционирование одного из составляющих такой группы «возможно потому, что в сознании общающихся имеется эта “пара” или этот “коррелят”»[398] (точнее, наверное, говорить не «в сознании», а «в опыте общающихся», поскольку наличие подобной корреляции скорее всего учитывается на неосознаваемом уровне и получает «выход на табло сознания» только в случаях необходимости).

Обратимся теперь к «коллективному информанту», т.е. свободным ассоциативным реакциям, зафиксированным в результате обращения к значимому количеству носителей языка. В моей работе «Проблемы организации внутреннего лексикона человека»[399] были прослежены прямые и многоступенчатые связи между опознаваемыми (идентифицируемыми) словами и записанными испытуемыми свободными ассоциативной реакцией. Так, по результатам анализа частотных ответов 1000 киргизов был построен рисунок, отображающий логическую структуру ассоциативного поля слова ЖЫЛКЫ (лошадь), см. рис. 4.3.

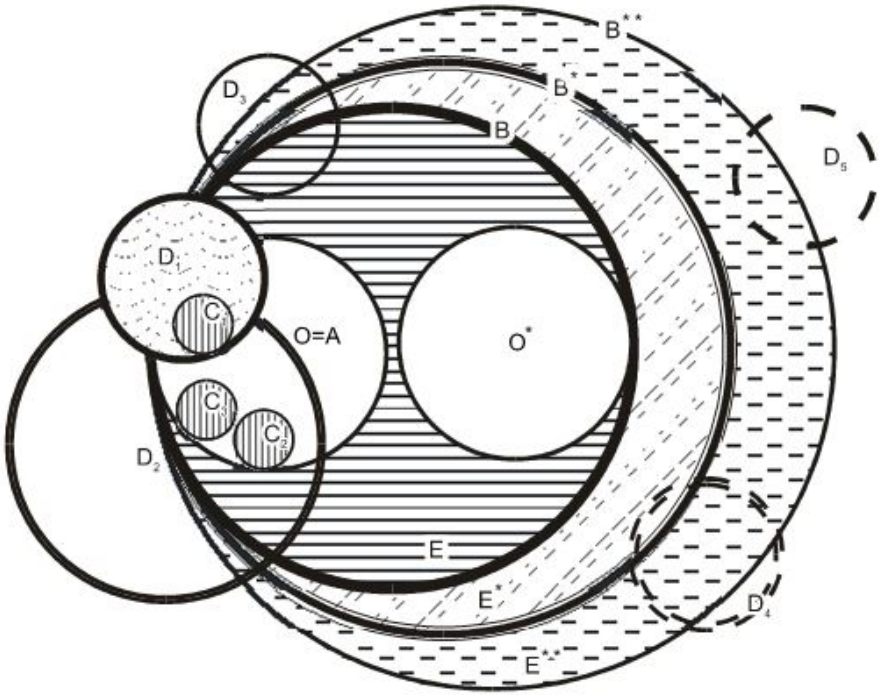


Рис. 4.3. Логическая структура ассоциативного поля

Не имея возможности подробно рассматривать здесь вербальную манифестацию прослеженных отношений средствами киргизского языка (это можно видеть в цитируемом источнике), беру на себя ответственность за утверждение, что хотя приведённый рисунок отображает только некоторые топы (в том числе (1), (2), (4), (5), (8) и др.), учёт всех реакций, в том числе единичных, включённых в публикацию материалов моего эксперимента с киргизами) позволяет проследить реализацию всех выделенных В. А. Садиковой топов, кроме (12). Более того, рисунок позволяет проследить многоступенчатость подведения под более общее понятие (В, В*, В**), возможность наличия ряда соотносимых / сопоставляемых членов поля (О, О*; С1, С2, С3), разнообразие реализованных обстоятельств разных видов (D1… D5) и противопоставлений (Е, Е*, Е**). Иначе говоря, от уровня обобщения (подведения под суперординату) зависят особенности реализации тех или иных смысловых отношений. Однако рисунок не учитывает обнаруживаемого в материалах экспериментов с носителями любого языка эмоционально-оценочного переживания, которое так или иначе индексирует то, что лежит за воспринимаемым испытуемым словом.

Обратим внимание на то, что оценка может быть прямой (типа *хороший, плохой*) или косвенной – через посредство

именования некоторого события, лица, качества и т.п., за которым в социуме закреплено положительное или отрицательное отношение (т.е. имеет место слияние языкового и энциклопедического знания. Примерами могут служить две группы реакций на слово ПРИВАТИЗАЦИЯ в моём эксперименте 2010– 2012 гг.: ПРИВАТИЗАЦИЯ – а) *хорошо* (+), *ужас* (–) и т.п.; б) *афёра, обман, прихватизация, хапуга* и т.п. (–).

Наличие свидетельств проявления эмоционально– оценочных переживаний в материалах экспериментов с носителями языка позволяет сделать вывод, что к девятнадцати топам, включённым в приведённый выше перечень, следует добавить хотя бы ещё один – Оценка (20).

Полученные от «коллективного информанта» экспериментальные материалы позволяют также обнаружить постоянную диалогичность, удостоверяющую, что именно понимается под идентифицируемым словом (см. выше Положение 3). Такое уточнение может реализоваться на разных уровнях обобщения и быть нейтральным или эмоционально-оценочно маркированным, см. некоторые реакции на слово КОММЕРСАНТ: *человек, бизнесмен, предприниматель, делец, торгаш, спекулянт*.

Возникает вопрос: можно ли обсуждать вопросы теории топов на материале экспериментов с изолированными словами? Выше уже говорилось, что для носителя языка проблемы изолированного слова не существует: идентификация слова представляет собой включение опознаваемого в контекст предшествующего вербального и невербального опыта человека; это прежде всего ответ «самому себе» на комплекс вопросов, которые описываются топами и разносторонне характеризуют сущность того, что именуется. Наиболее ярко это проявляется при рассмотрении «обратных» ассоциативных связей, показывающих, например, что слово «человек» выступает в качестве идентификатора огромного количества других слов. Такой «внутренний контекст» рассматривался выше с применением метафоры «живой мультимодальный гипертекст».

Читателю может быть интересным вернуться к приведённому выше рис. 4.1, где представлено смысловое поле слова НОЖНИЦЫ, для выявления совокупности топов, которые направляли не только прямые, но и многоступенчатые импликации в процессе включения этого слова в разнообразные внутренние контексты.

Необходимо также остановиться на роли топов в познании и общении.

Благодаря формирующейся в доязыковом опыте системе глубинных смысловых отношений, которые по мере овладения

языком соотносятся с инвариантами высказываний, оказывается возможным установление межъязыковых/ межкультурных контактов, базирующихся на универсальных для жителей планеты Земля смысловых отношениях как инструментах познания мира. Однако смысловые отношения могут реализоваться с фокусированием на различающихся признаках и признаках признаков соотносимых в разных культурах сущностей, что может привести к непониманию или неверному пониманию, особенно при установлении первичных контактов, что требует включения проблемы топов в более широкий контекст исследования познавательных процессов при сложном взаимодействии комплекса внешних и внутренних факторов. Выше было дано обоснование правомерности трактовки совокупного хранилища продуктов переработки вербального и невербального опыта человека (эмоционально-оценочно маркированных языковых и энциклопедических знаний) как живого мультимодального гипертекста. Напомню, что метафора «живой мультимодальный гипертекст» используется вместо ранее фигурировавших в моих публикациях терминов «единая информационная база человека» и «индивидуальное знание». В любом случае имеется в виду, что речемыслительная деятельность человека протекает с опорой на его опыт адаптации к естественной и социальной среде; любой акт мышления, продуцирования или понимания речи возможен только с опорой на внутренний контекст – «выход» на образ мира, вне которого никакое понимание и/или взаимопонимание состояться не могут; такой «контекст» формируется при взаимодействии тела и разума человека как личности и как члена некоторого социума, что имплицирует наличие разделяемого знания, «распределённого» между носителями языка/культуры.

Концепция живого мультимодального гипертекста объясняет вхождение одного и того же элемента знания (в том числе – признака) во множество «схем» или «сценариев», доступ к которым может реализоваться по любому каналу – сенсорному, концептуальному, эмоциональному, вербальному. Именно это фундаментальное свойство единой информационной базы индивида обеспечивает мгновенную ориентировку в научной и повседневной деятельности человека, лежит в основе эвристического поиска, помогает в совершенствовании знаний об окружающем мире, направляет прогнозирование развития ситуации в процессах познания, продуцирования и понимания текста. Особую роль в «навигации» по этой сети связей несомненно играет система топов – базовых смысловых отношений, параллельно учитываемых на не– осознаваемом уровне и обеспечивающих благодаря этому целостность

формируемых образов объектов со всеми их признаками, ситуациями, возможными следствиями и т.д. «Видимая» иерархия топов обманчива: мы фокусируемся на том смысловом отношении, которое актуально для нас в конкретный текущий момент, в то время как остальные топы учитываются на более «глубоких» уровнях осознаваемости/неосознаваемости, создавая имплицируемый фон для переживания именуемой сущности как известной со всеми её свойствами и отношениями. Актуализация топов происходит через то, что я называю глубинной предикацией («для себя»), которая не всегда отвечает системности и нормативности высказываний на поверхностном уровне (предназначенных «для других»), поскольку топ как продукт компрессии смысла – именно связующее звено между мыслью и речью.

Уточню, что мои представления о механизме глубинной предикации опираются на трактовку специфики замыкания динамических временных связей в умственной деятельности человека, предложенную в работе [Бойко 1976].

Взаимодействие принципа опоры на признаки и топов, через механизм глубинной предикации направляющих навигацию по мультимодальному гипертексту, можно, как мне представляется, считать одной из универсальных особенностей естественного семиозиса. Фокусирование на роли топов как «познавательных практик» отвечает тенденциям развития мировой науки о познавательных процессах человека.

2.3. Моделирование процесса навигации в живом мультимодальном гипертексте

Один из моментов актуализации множественных связей в сети отображается спиралевидной моделью идентификации слова и понимания текста, вербально описанной мною в 1988 г., представленной в виде рисунка в 1999 г.[400] и приведённой здесь на рис. 4.4.

На этом рисунке требуется замена обозначения «картина мира» на «образ мира», ибо за это время произошло размежевание терминов «языковая картина мира» и «образ мира как достояние индивида», что согласуется с признанием специфики коллективного знания, зарегистрированного в словарях и грамматиках того или иного языка, и индивидуального знанияпереживания, выполняющего функцию внутреннего контекста в процессах познания и общения.

Эта схема помогает:

1. акцентировать преломление всего, что входит в сферу

деятельности субъекта, через имеющийся у него образ мира;

2. показать постоянное взаимодействие факторов внешнего (разделяемого с другими) и внутреннего (личностного) контекста;

3. отобразить взаимосвязь опоры на прошлый опыт и прогнозирования последующего развития ситуации (по линиям языковых и энциклопедических знаний, вероятных/ невозможных следствий из тех и других);

4. указать на возможность различной «глубины» раскрутки гипотетической спирали, достаточной для решения некоторой задачи, например, для достижения консенсуса при общении через выход на уровень «достаточного семиозиса»);

5. подчеркнуть (посредством изображения ряда горизонтальных плоскостей – условных «срезов» того или иного этапа рассматриваемого процесса) наличие множественных вероятных связей на любом уровне глубины процесса идентификации слова (см. стрелки на примерах таких плоскостей).

То, в какой мере (до какого уровня «глубины») требуется актуализация лежащих за словом знаний и переживаний (т.е. раскручивается постулируемая мною спираль идентификации слова и понимания текста), определяется конкретной ситуацией естественного семиозиса (это же, кстати, наблюдается и при использовании комплекса экспериментальных процедур, именуемого мною психолингвистическим портретированием лексики: в зависимости от требуемого заданием уровня метаязыковой активности испытуемых всплывают весьма различающиеся глубинные контексты[401]). Эта модель была далее модифицирована моими учениками. Так, Н. И. Курганова[402] установила, что направление актуализации связей при «раскрутке спирали» у носителей разных языков и культур может быть связано с приоритетным выбором: – генеральной стратегии идентификации слова (рационально-аналитической или эмоциональнооценочной); – уровней осмысления информации (ситуативнообразного и понятийно-логического).

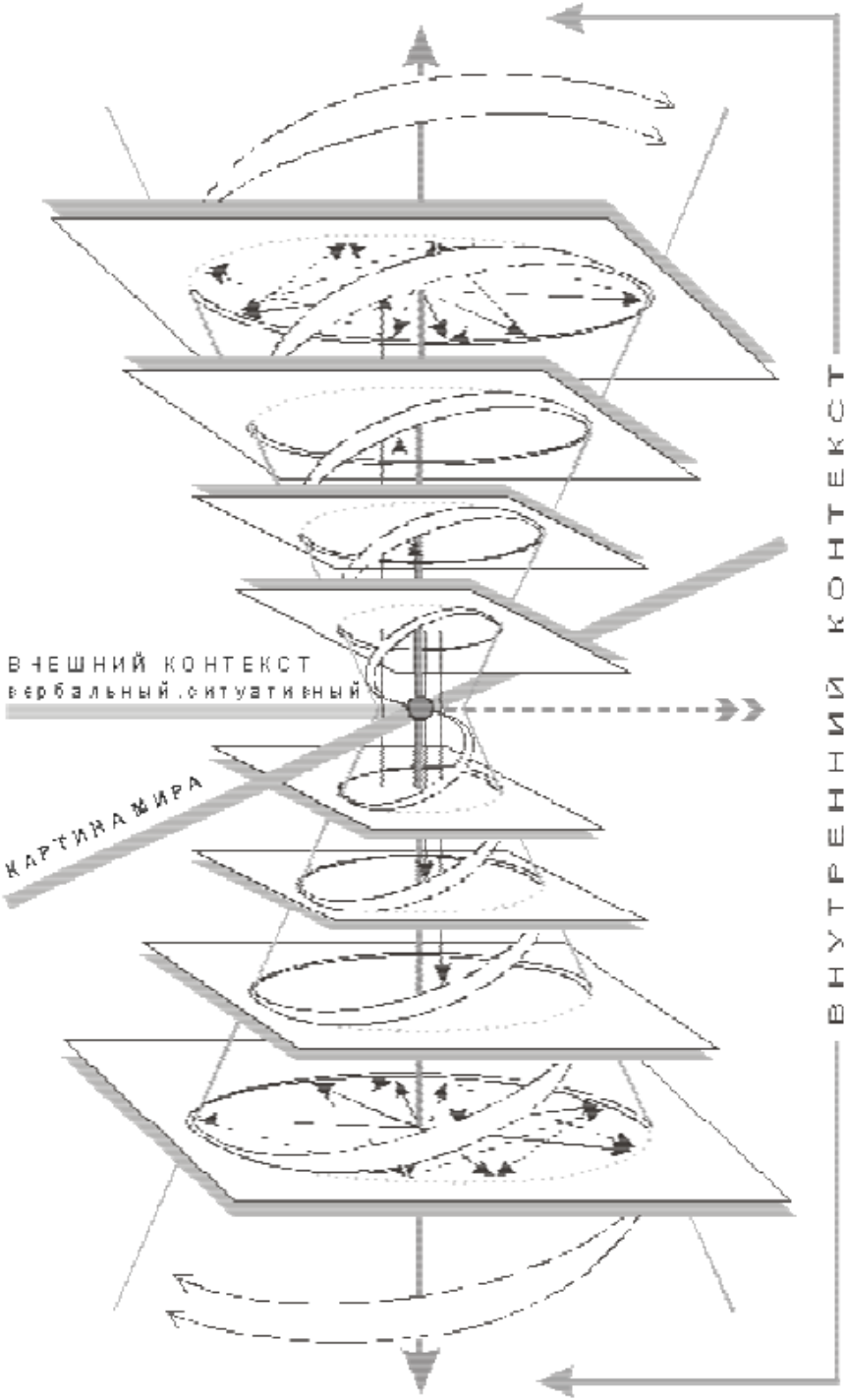


Рис. 4.4. Спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста

На этой основе Кургановой разработана процессуальная модель выхода на образ мира (см. рис. 4.5), уточняющая возможную вариативность «угла» раскрутки спирали на любом «срезе» моей спиралевидной модели в зависимости от лингвокультурных предпочтений. Эта модель разработана по итогам анализа экспериментальных материалов, полученных от носителей русского языка (Россия) и французского языка (Франция), и отвечает разработанной автором идее единого смыслового поля (см. выше 3.1.2.Ж).

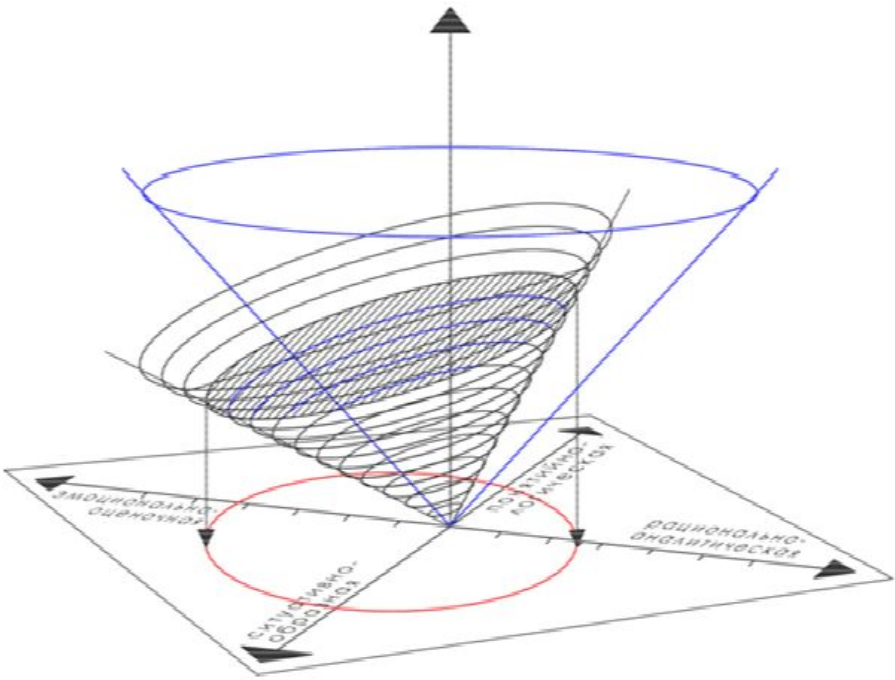


Рис. 4.5. Процессуальная модель выхода на образ мира

Выводы

Взаимопонимание при общении достигается за счёт «выхода» (через посредство социально принятого значения слова) на живой мультимодальный гипертекст, обеспечивающий целостность образа мира при учёте (на разных уровнях осознаваемости) множественных выводных знаний и переживаний, увязываемых посредством опоры на эмоционально-оценочно маркированные признаки и признаки признаков тех или иных сущностей (объектов, действий, состояний, качеств и т.д.). В тот или иной момент времени любая из таких опор может оказаться актуальной для личности, выступая в функции своеобразного «тэга» для актуализации определённого направления пути поиска в многомерной сети связей. Именно такая возможность лежит в основе эвристического поиска и формирования эффекта эмерджентности.

Особую роль в процессах познания и общения играют стратегии идентификации воспринимаемого «для себя» и включения во внутренний контекст предшествующего опыта при взаимодействии топов как смысловых инвариантов высказываний (продуктов максимальной компрессии смысла).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе филогенеза необходимость кооперации людей для их выживания стимулировала формирование специфического инструмента, опосредующего взаимопонимание с опорой на имеющийся опыт познания окружающего мира. Роль такого инструмента – своеобразного интерфейса между человеком и социумом – стало выполнять значение слова, обращённое одной своей ипостасью к культуре, а другой – к личности, что обеспечивает успешность естественного семиозиса. То, что при этом функционирует в социуме, обычно описывается дефинициями в разного рода словарях, справочниках, энциклопедиях. Интерфейсная теория слова фокусируется на значении живого слова и ставит вопрос: что там – за словом – у пользующегося языком человека?

Для ответа на этот вопрос необходимо исходить из признания двойной онтологии и двойной жизни значения слова, что требует интегративного подхода к значению живого слова с фокусированием на постоянном взаимодействии тела и разума, на эмоциональном оценивании всего воспринимаемого по социальным и/или личностным «меркам», на пережитых или воображаемых (вероятных) ситуациях, на цепочках выводных знаний разных видов, и т.д. Такой подход лежит в основе интерфейсной теории слова, позволяющей акцентировать следующие важные положения.

На довербальной стадии онтогенеза дети овладевают перцептивно-когнитивно-аффективными (эмоционально-оценочно помеченными) предпосылками для дальнейшего увязывания продуктов переработки опыта познания мира и общения с вербальными именованиями объектов, действий, свойств, отношений и т.д. Это достигается преимущественно через действия в разнообразных ситуациях, что позволяет воспринимать, разграничивать, обобщать и классифицировать объекты в соответствии с их параметрами, признаками, ситуациями и возможностями использования для определённых целей, в том числе – для понимания отношений между вещами, между людьми и самим ребёнком, для учёта необходимых условий и возможных следствий из той или иной ситуации и т.д. Такие «корни» образа мира сохраняются до конца жизни человека; благодаря своей изначальной смысловой значимости они выполняют роль своеобразных «аттракторов» в широчайшей сети связей между следами памяти, активируемыми на разных уровнях осознаваемости при встречном конструировании

требуемого ситуацией фрагмента образа мира индивида.

Огромная сеть связей, объединяющая продукты переработки вербального и невербального, индивидуального и социального опыта может трактоваться как живой мультимодальный гипертекст – динамическая (самоорганизующаяся) функциональная система, которая в процессах познания и коммуникации служит внутренним контекстом, позволяющим находить опоры для разделяемого с другими людьми знания на уровне достаточного семиозиса.

Навигация по такой сети направляется взаимодействием внешних и внутренних факторов, опирается на ситуации, параметры и признаки, координируется топами – ментальными инвариантами высказываний (компрессированными смысловыми образованиями), поддерживается цепочками разнообразных (языковых и энциклопедических) выводных знаний.

Понятие интерфейса является принципиально важным для объяснения соотношения между личностными мультимодальными ресурсами и социально принятыми именованиями. Интерфейсная функция значения слова реализуется в двух позициях: (I) между: (а) социально закреплённым и зарегистрированным в словарях значением и (б) значением живого слова в голове человека; (II) между: (в) линейными и дискретными языковыми единицами в памяти индивида и (г) многочисленными и многообразными связями в нелинейном мультимодальном и многоярусном тезаурусе перцептивно-когнитивно-аффективного личностного и социального опыта.

Результаты экспериментального исследования поддерживают гипотезу, согласно которой идентификация живого слова – это не единый акт увязывания «формы» со «значением»: имеет место взаимодействие ряда процессов, обеспечивающих навигацию в живом мультимодальном гипертексте и ведущих к переживанию именуемого объекта как цельности с его свойствами и возможностями, ситуациями, отношениями, предшествующими состояниями и возможными следствиями, которые учитываются на разных уровнях осознаваемости благодаря активации цепочек выводных знаний.

Таким образом, значение живого слова со всеми его особенностями (свойствами) возникает только при условии, если индивид находит некоторые опоры в своём социальном и/или личностном вербальном и невербальном опыте (в противном случае наличествует только «мёртвое знание» пустых вербальных форм или дефиниций, не имеющих под собой реальной почвы).

Интерфейсный подход к значению живого слова

устанавливает «систему координат», оперирующую следующими исходными положениями: – «живой язык» представляет собой один из ряда взаимодействующих психических процессов, обеспечивающих адаптацию человека к естественному и социальному окружению; –из предшествующего положения следует, что значение «живого» слова должно исследоваться как процесс поиска в индивидуальном тезаурусе мультимодальных следов памяти, формируемых через взаимодействие механизмов перцептивной, когнитивной и аффективной (эмоционально-оценочной) переработки вербального и невербального опыта; – следы памяти взаимосвязаны в обширнейшей сети, которую можно метафорически трактовать как живой мультимодальный гипертекст, служащий внутренним контекстом в процессах познания и коммуникации; –при навигации по живому мультимодальному гипертексту разнообразные виды выводных знаний учитываются на различных уровнях осознаваемости; – идентификация «для себя», глубинная предикация, включение во внутренний контекст, опора на признаки и признаки признаков и на топы как ментальные инварианты высказываний, эмоционально– оценочное маркирование играют решающую роль в получении эффекта эмерджентности при «схватывании» искомого смысла и могут трактоваться как когнитивные универсалии.

Предлагаемая интерфейсная теория значения слова опирается, с одной стороны, на прослеживаемую в классических работах российских языковедов и психологов трактовку «живого слова» с признанием несомненных «перцептивных корней» значения как достояния индивида. С другой стороны, предлагаемая теория базируется на реализации широкой программы экспериментальных исследований, проведённых в русле Тверской психолингвистической школы. В то же время полученные результаты вполне согласуются с современными теориями, фигурирующими в мировой науке, что можно показать на следующих примерах.

Так, в книге Э. Годберга «Управляющий мозг»[403] даётся обоснование положений, имеющих непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам, а именно: – принцип, по которому когнитивные функции распределены по коре, является градуированным и непрерывным; – представление каждой категории вещей распределяется в соответствии с её различными сенсорными компонентами: зрительными, тактильными, звуковыми и т.д.; – большинство репрезентаций вещей и событий включают многие сенсорные модальности, некоторые из них более зависимы от определённых сенсорных модальностей, чем

от других; – имеются основания предположить, что корковое представление объектных слов тесно связано с корковым представлением самих объектов и что корковое представление слов действия тесно связано с корковым представлением самих действий; – различные аспекты значения слова распределены в тесной связи с теми аспектами физической реальности, которые они обозначают.

Приведённые положения объясняют, что именно лежит за словом у пользующегося им человека: это следы памяти, которые складываются в фрагменты образа мира при градуальности и непрерывности последнего. Постулируемые мною характеристиками живого мультимодального гипертекста согласуются с таким положением вещей.

Мои представления о распределённом знании, разделяемом знании и встречном конструировании сути и специфики идентифицируемого индивидом значения слова хорошо согласуются с идеями, развиваемыми в книге «The Cambridge Handbook of Psycholinguistics»[404]. В связи с проблемой встречного конструирования следует отметить, то Л. Барсалоу[405] для обозначения получаемого при этом продукта предлагает отказаться от термина «концепт» и перейти на термин «simulator».

В русском языке термин «симулятор» едва ли приживётся из-за отрицательных коннотаций, сопровождающих слово «симуляция» и его производные, однако сама идея активности субъекта, ищущего опоры для моделирования того, о чём идёт речь, из следов предшествующего опыта, фактически «носится в воздухе» и в разных вариантах проявляется в публикациях последних лет. Реализуемый в этой книге интегративный подход был с самого начала (т.е. с 1970-х гг.) ориентирован на выявление специфики значения слова у индивида как активного субъекта процессов познания и общения с фокусированием на роли значения слова в речемыслительной деятельности человека. Интерфейсная теория значения живого слова, постулирующая навигацию по мультимодальному гипертексту предшествующего опыта как огромной сети продуктов переработки вербального и невербального опыта, исходит из взаимодействия множества процессов, которые обеспечивают переживание идентифицируемого слова как понятного. Но как лучше назвать получаемый продукт? Термин «концепт» акцентирует когнитивную природу такого продукта, однако для живого знания специфично постоянное взаимодействие когнитивного с перцептивным и эмоционально-оценочным. Термин «симулятор» фокусируется на моделировании с неизбежной «подгонкой» искомых элементов опыта под ситуацию текущего момента, что в

принципе правомерно, но тоже недостаточно. Ни один из этих терминов не отображает природу и специфику получаемого мультимодального продукта, его динамический характер, расплывчатые границы и многое другое. Будем надеяться, что последовательный переход на парадигму живого знания подскажет выбор термина, более отвечающего потребностям сегодняшнего дня.

Следует особо подчеркнуть, что стремление выйти за рамки лингвистики обосновывается и реализуется ныне в разных направлениях: в связи с необходимостью разработки новой методологии исследования языковых явлений[406], учётом биологических корней языка[407], разработкой принципов межкультурной коммуникации[408] и т.д.

Можно предположить, что в недалёком будущем произойдёт переход на новую парадигму исследования языковых явлений, требующую подлинно интегративного подхода при учёте специфики познавательных универсалий, которые обеспечивают адаптацию человека (как представителя вида и личности) к естественному и социальному окружению при постоянном взаимодействии многих внешних и внутренних факторов.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ТЕРМИНОВ

ВНУТРЕННИЙ КОНТЕКСТ – многомерная сеть связей в голограмме образа мира человека, позволяющая переживать как понятные и эмоционально– оценочно маркированные целостные объекты, ситуации и т.д., а также учитывать (через цепочки *выводных знаний*) предшествующие им обстоятельства и возможные следствия из дальнейшего развития тех или иных событий, связей между объектами, отношения к ним в культуре или вследствие личностного опыта и т.д.

ВСТРЕЧНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ – формирование сети связей в *живом мультимодальном гипертексте*, обеспечивающей переживание воспринимаемого как понятного.

ВЫВОДНЫЕ ЗНАНИЯ – возможные продукты реализации разнонаправленного поиска в *живом мультимодальном гипертексте* дополнительных опор (признаков и признаков признаков объектов и/или ситуаций, связей и отношений, вероятных следствий и т.д.), учитываемых на разных уровнях осознаваемости, обеспечивающих ориентацию в наличной или воображаемой ситуации и принятие решений в процессах жизнедеятельности человека.

ГИПЕРТЕКСТ – а) «нелинейный набор текстов, интегрирующий информационные ресурсы и содержащий узлы перехода от одного текста к другому, позволяющие избирать последовательность чтения»[409]; б) система доступа к информации по тому или иному вопросу в сети Интернет; в) обширная сеть связей, объединяющая в памяти человека многообразные продукты переработки взаимодействия личности с естественным и социальным окружающим миром (см. *живой мультимодальный гипертекст*).

ГЛУБИННАЯ ПРЕДИКАЦИЯ – замыкание динамической временной связи «для себя» на уровне компрессии смыслов с возможной дальнейшей вербальной манифестацией полученного продукта.

ДВОЙНАЯ ОНТОЛОГИЯ ЗНАЧЕНИЙ – обращённость значения слова: (1) к социуму (*разделяемое знание*); (2) к индивиду (средство выхода на индивидуальный образ мира – *живой мультимодальный гипертекст*).

ЕДИНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ИНДИВИДА – а) общее хранилище языковых и энциклопедических знаний (т.е. вербальных и невербальных продуктов переработки опыта

познания и общения, происходящей по закономерностям психофизиологической деятельности индивида, но под контролем социума/культуры); б) функциональная динамическая (самоорганизующаяся) система (индивидуальный образ мира), обеспечивающая *внутренний контекст* процессов познания и общения.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ СЕМИОЗИС – имеет место у носителей языка в ситуациях спонтанного познания или общения; включает комплекс процессов выбора стратегий и опор, обеспечивающих, с одной стороны, «перевод» функционирующего в культуре знака на индивидуальный «язык» понимания и переживания обозначаемого именем содержания, а с другой стороны – поиск имени, которое способно выступить в качестве социально признанного знака, позволяющего партнерам по коммуникации «высветить» в своем перцептивно-когнитивно-аффективном опыте опоры, в достаточной мере подходящие для того, чтобы они могли служить базой для взаимопонимания.

ДОСТАТОЧНЫЙ СЕМИОЗИС – уровень поиска опор в индивидуальном мультимодальном гипертексте, который обеспечивает понимание/ взаимопонимание в процессах познания/коммуникации за счёт выхода на голограмму образа мира и нахождения квантов *разделяемого знания*.

ЖИВОЕ СЛОВО – слово, идентифицированное или используемое индивидом и переживаемое как понятное за счёт выхода на голограмму многомерного предшествующего опыта познания мира и общения; вне связи с человеком, способным осуществить такие действия или воспользоваться продуктами применения артефактов или новых информационных технологий (словарями, энциклопедиями и т.д.), имеет место некоторая последовательность звуков или графем, остающаяся «мёртвой», т.е. не несущей смысла.

ЖИВОЙ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ГИПЕРТЕКСТ – огромная сеть связей между продуктами переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта познания и общения, формирующая образ мира индивида, обеспечивающая *внутренний контекст* всего воспринимаемого и продуцируемого человеком при его адаптации к естественному и социальному окружению.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИВОГО СЛОВА – взаимодействие ряда процессов, обеспечивающих *навигацию* в *живом мультимодальном гипертексте* и ведущих к переживанию именуемого объекта как цельности со всеми его свойствами и возможностями, ситуациями, отношениями, предшествующими состояниями и возможными следствиями, которые учитываются

на разных уровнях осознаваемости благодаря активации цепочек *выводных знаний*.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ слова как процесс: актуализация опор в *мультимодальном гипертексте* предшествующего опыта для встречного моделирования квантов знания, отвечающих ситуации познавательной деятельности или общения.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ слова как результат (продукт): переживание понятности слова, готовность к его использованию в речемыслительной деятельности.

ИНТЕРФЕЙС – а) «В вычислительной технике: система унифицированных связей и сигналов, посредством которых вычислительные комплексы взаимодействуют друг с другом»[410]; б) «взаимодействие, интерфейс. В компьютерной лингвистике употребляется по отношению к области взаимодействия человека с ЭВМ и характеризует комплекс лингвистических и сопутствующих им средств, поддерживающих диалог пользователя с компьютерными программами»[411]; в) промежуточное звено, обеспечивающее взаимодействие между различающимися системами (машиной и машиной: машиной и человеком; человеком и обществом; человеком и человеком).

ИНТЕРФЕЙСНЫЕ ФУНКЦИИ СЛОВА – а) обеспечивающие взаимодействие между индивидом и социумом; б) обеспечивающие доступ от дискретных языковых единиц к не дискретному индивидуальному образу мира – мультимодальному гипертексту предшествующего опыта познания и общения.

МЁРТВОЕ ЗНАНИЕ – а) не поддающееся расшифровке наследие исчезнувших цивилизаций; б) знание, по каким-то причинам не используемое в культуре; в) знание, выученное в качестве вербальных формулировок без постижения его смысла.

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ – а) предполагающий наличие продуктов переработки воспринимаемого через разные органы чувств (зрение, слух и др.); б) увязывающий в единую сеть связей многообразные продукты переработки опыта познания и общения через взаимодействие тела и разума, перцептивных и когнитивных механизмов при обязательном эмоционально-оценочном маркировании

НАВИГАЦИЯ – поиск ориентиров для нахождения правильного пути в пространстве, в том числе – информационном (электронном гипертексте).

НАВИГАЦИЯ В ЖИВОМ МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ ГИПЕРТЕКСТЕ – поиск ориентиров в пространстве продуктов переработки многообразного (индивидуального и социального) предшествующего опыта познания и общения в ходе идентификации слова/текста «для себя» или формулирования

мысли «для других» с опорой на признаки, признаки признаков и топы как ментальные инварианты высказываний.

ПОЛИКОДОВЫЙ – а) сочетающий вербальный код с разного рода невербальными кодами (о тексте); б) подразумевающий множественность кодов и кодовых переходов во внутреннем речи; в) то же что *мультимодальный* (о продуктах переработки опыта индивидом).

РАЗДЕЛЯЕМОЕ ЗНАНИЕ – языковое и/или энциклопедическое знание, общее для коммуникантов и способное обеспечить *достаточный семиозис*.

РАСПРЕДЕЛЁННОЕ ЗНАНИЕ – а) знание, хранимое в разных областях мозга; б) знание как продукт взаимодействия тела и разума; в) знание, функционирующее в лингвокультуре как таковой и у отдельных представителей культуры; в) знание, хранимое непосредственно самим индивидом и доступное ему при обращении к разным источниках.

СЕМИОЗИС: в одном из пониманий – операция, приводящая к установлению соответствия между означаемым и означающим знака[412].

ТОПЫ – ментальные инварианты высказываний (продукты компрессии смысла), организующие, направляющие и контролирующие (через постоянную обратную связь) формирование и формулирование мысли от замысла высказывания до его конечной реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аршинов В.И., Буданов В. Г* .Синергетика постижения сложного // Синергетика и психология: Тексты: Вып. 3: Когнитивные процессы / под ред. В. И. Аршинова, И. Н. Трофимовой, В. М. Шендяпина. – М.: «Когито-Центр», 2004. – С.82–125.

2. *Асмус Н. Г.* Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. …канд. филол. наук. – Челябинск, 2005. – 266 с.

3. *Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – 528 с.

4. *Барт Р* .Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с франц. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. – 512 с.

5. *Балдова В. А.* Влияние авторского предтекстового комплекса на понимание специального текста: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 1999. – 16 с.

6. *Бардовская А. И.* Средства номинации синестетических соощущений (на материале английских и русских художественных текстов): автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2005. – 19 с.

7. *Бардовская А. И* .Референтные области синестетической метафоры // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2013. – № 24. – Вып. 5 «Лингвистика и межкультурная коммуникация. – С. 14–21.

8. *Барсук Л. В.* Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (на материале существительных): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 1991. – 16 с.

9. *Беляева А.В., Самойленко Е. С.* Проблема выделения признака в связи с коммуникативнымизадачами вербализации образа восприятия // Психологические исследования общения. – М., 1985. – С. 159–178.

10. *Беляева Н. В* .Гипертекст как когнитивно-коммуникативная единица: экспериментальное исследование: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2010. – 18 с.

11. *Бернштейн Н. А.* Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990. – 495 с.

12. *Бернштейн Н. А.* Биомеханика и физиология движений: избр. психол. тр. – 3-е изд., стер. – М.: Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та; Вопронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. – 688 с. (Серия «Психологи России»).

13. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Некоторые общие замечания о

языковедении и языке // *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963а. – Т.1. – С.47–77.

14. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* О задачах языкознания // *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963б. – Т.1. – С.203–221.

15. *Бойко Е. И.* Механизмы умственной деятельности: динамические временные связи. – М.: Педагогика, 1976. – 247 с.

16. *Бревдо И. Ф* .Механизмы разрешения неоднозначности в шутке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 1999. – 18 с.

17. *Брунер Дж.* Психология познания: За пределами непосредственной информации / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1977. – 412 с.

18. *Бутакова Л* .О.Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. – Омск: «Вариант-Омск», 2012. – 128 с.

19. *Василюк Ф. Е.* Структура образа // Вопросы психологии. – 1993.– № 5. – С. 5–19.

20. *Василюк Ф. Е* .Методологический анализ в психологии. – М.: МГППУ; Смысл, 2003. – 140 с.

21. *Величковский* Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. – В 2 т. – М.: Смысл; Из– дат. центр «Академия», 2006. – Т.1. – 448 с. Т. 2. – 432 с.

22. *Веккер Л. М* .Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 199. – 685 с.

23. *Верньо Ж. К* .К интегративной теории представления // Иностранная психология. – М., 1995. – № 3. – С. 9–17.

24. *Войшвилло Е. К.* Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989. – 238 с.

25. *Воскресенская С. Ю.* Гендерные стереотипы лексико-грамматической персонификации: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2007. – 15 с.

26. *Воскресенский И. В.* Стратегии имплицирования и разрешения неоднозначности в деловой переписке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2007. – 19 с.

27. *Выготский Л. С.* К вопросу о развитии научных понятий в школьном возрасте // *Шиф Ж. И.* Развитие научных понятий у школьника. – М.; Л.: Учпедгиз, 1935. – С.3–17.

28. *Выготский Л. С* .Из неизданных материалов Л. С. Выготского // Психология грамматики. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1968. – С. 178–196.

29. *Выготский Л. С.* Орудие и знак в развитии ребенка //

Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6-и т. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 6. – С. 5–90.

30. *Газарова Е. Э.* Психология телесности. – М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2002. – 192 с.

31. *Галерея ассоциативных портретов*: коллективная монография / под общ. ред. Т. М. Рогожниковой. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2009. – 448 с.

32. *Галкина О. В.* Метафора как инструмент познания (на материале терминов-метафор компьютерного интерфейса): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2004. – 18 с.

33. *Гипертекст как объект лингвистического исследования*: Материалы III междунар. науч. практич. конф., 20 июня 2003 / отв. Ред. С. А. Стройков. – Самара: Поволжск. гос. соц. – гуманит. акад., 2013. – 170 с.

34. *Гирнык А. В.* Синергетическая модель концепта «ЖИЗНЬ»: экспериментальное исследование: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2010. – 19 с.

35. *Глезерман Т. Б.* Психофизиологические основы нарушения мышления при афазии. Афазия и интеллект. – М.: Наука, 1986. – 230 с.

36. *Голдберг Э.* Управляющий мозг: Лобные доли, лидерство и цивилизация / пер. с англ. – М., 2003. – 335 с. [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://the-fifthway.narod.ru/ExecutiveBrain/index.htm (извлечено 30.07.2012).

37. *Голубева О. В.* Проблемы инференции в психолингвистическом аспекте // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2013а. – № 24. – Вып. 5 «Лингвистика и межкультурная коммуникация. – С. 151–158.

38. *Голубева О. В* .Структурные и содержательные особенности инферирования // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под ред. А. А. Залевской. – Тверь, 2013б. – Вып. 13. – С. 61–79.

39. *Гольдин В. Е.* Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1-11 классов: в 2 т. / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартьянов. – Саратов: Изд-во Сарат. унта, 2011.

40. *Гуц Е. Н.* Ассоциативный словарь подростка. – Омск: Изд-во «Вариант-Сибирь», 2004. – 156 с.

41. *Дашинимаева П. П* .Теория значения как основа психонейролингвистической концепции непереводимости: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19. – Иркутск, 2010а. – 46 с.

42. *Дашинимаева П. П* .Философия языка и теория значения:

монография. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010б. – 248 с.

43. *Двафрагмента* из записных книжек Л. С. Выготского // Вестник РГГУ. –2006. – № 1/06. – С.294–298.

44. *Дебренн М.* Французский язык в речевой практике русских. Межъязыковая девиатология. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. – 386 с.

45. *Дедова О. В.* Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета): автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. – М., 2006. – 48 с.

46. *Дедова О. В.* Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете: монография. – М: МАКС Пресс, 2008. – 284 с.

47. *Дмитриева Н. В.* Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2000. – 15 с.

48. *Ершов А. П* .Предварительные соображения о лексиконе программирования (1985) [Электронный ресурс]. Режим доступа: / http://www.arbina da.com/main/node/12. – Дата извлечения: 06.09.2013

49. *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 157 с.

50. *Жинкин Н. И* .Язык. Речь. Творчество: избр. тр. – М.: Лабиринт, 1998. – 368 с.

51. *Заблуждающийся разум?:* Многообразие форм вне–научного знания / отв. ред. и сост. И.Т.. Касавин. – М.: Политиздат, 1990. – 464 с.

52. *Зайцева Е. А* .Слово в индивидуальном сознании: степень освоенности слов носите-лем языка: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2005. – 18 с.

53. *Залевская А. А.* О восприятии новой иноязычной лексики с разной информационной нагрузкой // Вопросы психологии. – 1967. – № 1. – С. 127–134.

54. *Залевская А. А.* Ассоциативный эксперимент в условиях билингвизма и трилингвизма // Материалы второго симпозиума по психолингвистике (4-6 июня 1968 г.). – М.: Наука, 1968. – С.73–74.

55. *Залевская А.А.* Об ассоциативной структуре памяти // Материалы к X1X Международному психологическому конгрессу (Лондон, 1969). – Москва: Общество психологов СССР, 1969а. – С.49.

56. *Залевская А. А.* Экспериментальное исследование ассоциативной структуры памяти // Педагогика и психология: Сб. статей по педагогике, психологии и частным методикам. – Алма-Ата: Минобразования КазССР, Каз. гос. пед. ин-т, 1969б. – С.58–

69.

57. *Залевская А. А.* Из опыта экспериментального сопоставительного исследования семантической структуры слова // Иностранные языки в высшей школе: Уч. зап. Латв. гос. ун-та, 1969 г. – Т.119. – С.78–95.

58. *Залевская А.А.* Из опыта психолингвистического исследования структуры памяти // Психологические механизмы памяти и ее закономерности в процессе обучения: Мат-лы 1 Всесоюзного симпозиума по психологии памяти (Харьков, ноябрь 1970). – Харьков: Общество психологов СССР; Харьков. университет, 1970. – С.92–95.

59. *Залевская А. А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. – 83 с

60. *Залевская А. А.* Межъязыковые сопоставления в психолингвистике: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1979. – 84 с.

61. *Залевская А. А* .О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1981. – С. 28–44.

62. *Залевская А. А.* Психолингвистические проблемы семантики слова: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982. – 80 с.

63. *Залевская А. А.* Понимание текста: психолингвистический подход: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. – 95 с.

64. *Залевская А. А* .Ассоциативный тезаурус английского языка и возможности его использования в психолингвистических исследованиях // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1983. – С. 26–41.

65. *Залевская А. А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование: монография. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1990. – 204 с.

66. *Залевская А. А.* Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования**:** монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. –135 с. 67. *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику: учебник. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 381 с.

68. *Залевская А.А.* Текст и его понимание: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.

69. *Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. – М.: Гнозис, 2005. – 542 с.

70. *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику: учебник. –

2-е изд., испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.

71. *Залевская А. А* .Проблема знания в различных ракурсах // Studia Linguistica Cognitiva. – Вып. 2. Наука о языке в изменяющихся парадигмах знания. – Иркутск, 2009. – С. 14–64.

72. *Залевская А. А* .Стратегии шкалирования: индивидуальные преференции и обобщенные данные // Слово и текст: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. – С. 48 – 59.

73. *Залевская А. А.* Значение слова через призму эксперимента: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.

74. *Залевская А. А* .Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография. – Saarbrűcken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 280 с.

75. *Залевская А. А* .Гипертекст как познавательная универсалия // Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы III междунар. науч. практич. конф., 20 июня 2003 / отв. ред. С. А. Стройков. – Самара: Поволжск. гос. соц. – гуманит. акад., 2013. – С. 61–70.

76. *Залевская А.А., Каминская Э.Е., Медведева И.Л., Рафикова Н. В* .Психолингвистические проблемы взаимодействия слова и текста: коллективная монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. – 207 с.

77. *Зинченко В. П.* Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М.: Новая школа, 1997. – 336 с.

78. *Зинченко В. П.* Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. – Ч. 1. Живое знание (2-е изд., перераб. и доп.). – Самара: «Самарский Дом печати», 1998. – 296 с.

79. *Зинченко В. П.* Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 208 с.

80. *Златев Й.* Значение = жизнь (+ культура): Набросок единой биокультурной теории значения / пер. с англ. // Studia linguistica cognitiva. – Вып. 1: Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 308–361.

81. *Золотова Н. О* .Специфика ядра лексикона носителя английского языка (на материале «Ассоциативного тезауруса английского языка»): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1989. – 16 с.

82. *Золотова Н. О.* Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: Монография. – Тверь: Лилия Принт, 2005а. – 204 с.

83. *Золотова Н. О.* Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: автореф. дис. …докт. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2005б. – 44 с.

84. *Зыкова Е. В* .Организация гипертекста в сети Интернет: на материале англоязычных сайтов: дис. …канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2006. – 221 с.

85. *Иванова О. В.* Динамические аспекты функционирования лексикона билингва: автореф дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2004. – 15 с.

86. *Ильина И. А.* Проблема изучения и восприятия гипертекста в мультимедийной среде Интернет: автореф. дис. … канд. филол наук: 10.01.10. – М., 2009. – 20 с.

87. *Ищук М. А.* Специфика понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2009. – 19 с.

88. *Каминская Э. Е.* Психолингвистическое исследование динамики смыслового поля слова: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 1996. – 16 с.

89. *Каминская Э. Е.* Слово и текст в динамике смыслового взаимодействия: психолингвистическое исследование: монография. – Новгород, 1998. – 134 с.

90. *Карасева Е. В.* Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2007. – 15 с.

91. *Карасик В. И* .Категориальные признаки в значении слова. – М.: Изд-во МОПИ им. Н. К. Крупской, 1988. – 112 с.

92. *Карасик В. И* .Языковая кристаллизация смысла: монография. – Волгоград: Пара-дигма, 2010. – 422 с.

93. *Караулов Ю. Н* .Общая и русская идеография: монография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.

94. *Клочкова Е. С* .Лингвопрагматические особенности электронного гипертекста на немецком языке: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Самара, 2009. – 180 с.

95. *Клюканов И. Э* .Коммуникативный универсум. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 256 с. – (Humanitas).

96. *Колодкина Е. Н.* Конкретность, образность и эмоциональность 213 русских существительных // История русского литературного языка и стилистика: сб. науч. тр. – Калинин: Калинин. гос. унт, 1985. – С. 40–51.

97. *Колодкина Е. Н.* Специфика психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения существительных: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19.. – Саратов, 1987. – 16 с.

98. *Конспект лекций* по курсу “Информатика”. Тема: Техническое и программное обеспечение персонального компьютера [Электронный ресурс] / Режим доступа: http: //

uchebilka.ru/informatika/9469/index. html?page = 4

99. *Корниевская С. И.* Доступ к слову при устном продуцировании речи на иностранном языке в ситуации учебного двуязычия: автореф. дис. … канд. филол. Наук: 10.02.19. – Тверь, 2012. – 19 с.

100. *Корнилова Т.В., Смирнов С. Д* .Методологические основы психологии. – СПб.: Питер, 2006. – 320 с.

101. *Коротун О. В.* Ассоциативный словарь внешнего человека. – Омск: «Вариант-Омск», 2010. – 376 с.

102. *Корытная М. Л* .Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. –Тверь, 1996. –16 с.

103. *Коули С. Дж*. Понятие распределённого языка и его значение для волеизъявления // Studia linguistica cognitiva, – Вып. 2: Наука в языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во ВГУЭП, 2009. – С. 192–227.

104. *Кравченко А.В*. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2004. – 206 с.

105. *Кравченко А.В*. Знание, языкознание, язык // Studia linguistica cognitiva, – Вып. 2: Наука в языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во ВГУЭП, 2009. – С. 5–13.

106. *Крушевский Н. В* .К вопросу о гуне // Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф. П. Филина. – М.: Высшая школа, 1973а. – С. 405–410.

107. *Крушевский Н. В.* Очерк науки о языке // Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф. П. Филина. – М.: Высшая школа, 1973б. – С. 417–433.

108. *Крюков А. Н.* Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихолингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 19–34.

109. *Крюкова Н. Ф.* О метафорической «многозначности» и «однозначности» // Стилистика как общефилологическая дисциплина. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. – С. 114–120.

110. *Кузнецов А. М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. – М.: Наука, 1986. – 125 с.

111. *Кузнецов А. М* .Семантика лингвистическая и нелингистическая, языковая и неязыковая (вместо введения) // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: сб. обзоров. – М., 1992. – С. 5–27.

112. *Кузнецова Т. Д* .Роль установки в формировании правильного и ошибочного речевого действия в условиях билингвизма и трилингвизма: автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.07. – Тбилиси, 1982. – 16 с.

113. *Курганова Н. И.* Моделирование когнитивных операций

на базе ассоциативных полей // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2011а. – № 4. – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация. – С. 187–198.

114. *Курганова Н. И.* Некоторые вопросы взаимодействия значения и смысла при идентификации слова // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2011б. – Вып. «Лингвистика и межкультурная коммуникация. – С. 37–47.

115. *Курганова Н. И.* Смысловое поле при моделировании значения слова: монография. – Мурманск: Мурманск. гос. пед. ун-т, 2012а. – 296 с.

116. *Курганова Н. И* .Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2012б. – 46 с.

117. *Лачина И. С* .Особенности идентификации прилагательных: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 1993. – 16 с.

118. *Лебедева С. В* .Психолингвистическое исследование близости значения слов в индивидуальном сознании: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 1991. – 16 с.

119. *Лебедева С. В* .Синонимы или проксонимы?: монография. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2001. – 202 с.

120. *Лебедева С. В* .Близость значения слов в индивидуальном сознании: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2002. – 41 с.

121. *Левин Г. Д* .Метод семейных сходств как форма обобщения // Научное знание: логика, понятия, структура. – Новосибирск, 1987. – С. 22–37.

122. *Лендваи Э.* Лексическая семантика русского языка. – Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1998. – 258 s.

123. *Леонтьев А. А* .Основы психолингвистики: учебник. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

124. *Леонтьев А. А.* Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность): монография. – М.: Смысл, 2001. – 392 с.

125. *Леонтьев А. Н* .Проблемы развития психики. – 3-е изд. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972. – 575 с.

126. *Леонтьев А. Н* .Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – С. 5–20.

127. *Леонтьев А. Н* .Деятельность, сознание, личность. – 2-е изд. – М.: Изд-во политич. литературы, 1977. – 304 с.

128. *Леонтьев А. Н* .Психология образа // Вестник Московского университета, – Серия 14. Психология. – 1979. –

№ 2. – С. 3–13.

129. *Леонтьев А. Н* .Избранные психологические произведения: в 2-х т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – 320 с.

130. *Ломов Б.Ф., Беляева А.В., Носуленко В. Н.* Вербальное кодирование в познавательных процессах: Анализ признаков слухового образа. – М.: Наука, 1986. – 128 с.

131. *Лукьянова Н. А* .Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы се-мантики). – Новосибирск: Наука, 1986. – 230 с.

132. *Лурия А. Р* .Основные проблемы нейролингвистики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 253 с.

133. *Лурия А. Р* .Язык и сознание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

134. *Лурия А. Р* .Этапы пройденного пути. Научная автобиография. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1982. – 184 с.

135. *Лурия А.Р.* Лекции по общей психологии. – СПб.: Питер, 2006. – 320 с.

136. *Ляудис В. Я* .Психологические проблемы развития памяти // Исследование памяти. – М., 1990. – С. 20–44.

137. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

138. *Мамардашвили М. К.* Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии. – М., 1997. – 304 с.

139. *Маскадыня В. Н.* Нормативные данные для 50 субстантивных категорий: На материале русского языка. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1987. – 160 с. – Деп. В ИНИОН АН СССР 31.07.87, № 30609.

140. *Маскадыня В. Н* .Отнесение к категории как способ идентификации значения слова текста: авто– реф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 1989. – 16 с.

141. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

142. *Махов А. С.* Типология художественных гипертекстов на основе немецкоязычных интернетсайтов: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2010. – 26 с.

143. *Медведева И. Л* .Связи типа «и/или» в лексиконе человека: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 1989. – 16 с.

144. *Медведева И. Л.* Психолингвистические аспекты функционирования иноязычного слова: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999а. – 111 с.

145. *Медведева И. Л* .Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка: автореф. дис.

… докт. филол. наук: 10.02.19. – Уфа, 1999б. – 46 с.

146. *Менегетти А.* Проект «Человек». – 2-е изд., испр. / пер. с итальянск. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2005. – 336 с.

147. *Микешина Л. А* .Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. – 2-е изд., доп. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 560 с.

148. *Михайлова Т. В* .Особенности восполнения эллиптических конструкций: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 1997. – 18 с.

149. *Михайлова С. Е* .Особенности понимания крылатых слов носителями языка: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2003. – 18 с.

150. *Молодо,* но не зелено // Вокруг света. – 2004. – № 7(2766). – С.200.

151. *Моррис Ч. У* .Основания теории знаков // Семиотика. – М.: Радуга, 1983 – С.37–89.

152. *Мохамед Н. В.* Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19. – Уфа, 2000. – 39 с.

153. *Мягкова Е. Ю.* Психолингвистическое исследование эмоциональной нагрузки слова: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 1986. – 17 с.

154. *Мягкова Е. Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова: монография. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000а. – 110 с.

155. *Мягкова Е. Ю* .Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19. – М., 2006. – 43 с.

156. *Наумова Т. Н.* Психологически ориентированные синтаксические теории в русской и советской лингвистике: монография. – Саратов: Изд-во Сарат. унта, 1990. – 175 с.

157. *Наумова С. А.* Стратегии понимания и решения вербальных задач: дис. … канд. филол. наук. – Курск, 2006. – 224 с.

158. *Никитин М. В.* Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.

159. *Новичихина М. Е* .Психолингвистическое исследование лексических противопоставлений: авто– реф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Воронеж, 1995. – 16 с.

160. *Овчинникова И. Г* .Ещё раз о моделировании ментального лексикона билингва // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 2(10). – С. 43–49.

161. *Павлова М. С.* Возрастная динамика языковой категоризации у детей среднего и старшего школьного возраста:

автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2013. – 23 с.

162. *Петровский А.В., Ярошевский М. Г* .Теоретическая психология. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 496 с.

163. *Пищальникова В. А.* Общее языкознание: учеб. Пособие. – 2-е изд. – М.: МГЭИ, 2003. – 212 с.

164. *Пищальникова В. А.* История и теория психолингвистики: курс лекций. – М.: Ин-т языкознания РАН; МГЛУ, 2005. – 296 с.

165. *Пищальникова В. А* .К характеристике методологии современной лингвистики // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: материалы междунар. шл. – семинара (VI Березинские чтения). – М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. – Вып. 16. – С. 169–175.

166. *Пищальникова В.А., Сонин А.Г., Тимофеева М.К*. Современные парадигмы языкознания. – М.: АСОУ; ИНИОН РАН, 2010. – 72 с.

167. *Поймёнова А. А* .Лексическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 1999. – 16 с.

168. *Поливанов Е. Д.* Лекции по введению в языкознание и общей фонетике // История советского языкознания: хрестоматия / сост. Березин Ф.М. – М.: Высшая школа, 1981. – С.147–149.

169. *Потебня А. А* .Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – С. 465–466.

170. *Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека*: коллективная монография / под общ. ред. А. А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – 192 с.

171. *Раскладкина М. К* .Интернет как средство организации информационно-политического пространства России: дис. … канд. полит. наук. – СПб., 2006. – 198 с.

172. *Рассел Б.* Человеческое познание: его сферы и границы. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957.

173. *Рафикова Н. В* .Динамика ядра и периферии семантического поля текста: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 1994. – 16 с.

174. *Рафикова Н. В* .Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – 144 с.

175. *Рогожникова Т. М.* Развитие значения полисемантичного слова у ребенка: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 1986. – 14 с.

176. Рогожникова Т. М. Психолингвистические проблемы функционирования многозначного слова: монография. – Уфа: УГАТУ, 2000а. – 242 с.

177. *Рогожникова Т. М.* Психолингвистические проблемы функционирования полисемантичного слова: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19. – Уфа, 2000б. – 42 с.

178. *Родионова Т. Г.* Стратегии идентификации неологизмов-глаголов: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 1994. – 16 с.

179. *Рубинштейн С. Л* .О мышлении и путях его исследования. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 147 с.

180. *Рубинштейн С. Л* .Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики психологии. – М.: Наука, 1997. – 462 с.

181. *Рублёва О. С* .Слово в электронном словаре (с позиций пользователя электронными ресурсами): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тверь, 2010. – 19 с.

182. *Рудакова А.В., Стернин И. А* .Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2011. – 187 с.

183. *Рязанцева Г. И* .Гипертекст и электронная коммуникация. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 256 с.

184. *Садикова В. А.* Топика: история, теория, практика: монография. – Тверь: Твер. Гос. Ун-т, 2009. – 188 с.

185. *Садикова В. А.* Топика как типология инвариантов высказывания. Функционирование вершинных языковых категорий-топов в науке и бытовом общении: монография. – Lambert Academic Publishing, 2011а. – 364 с.

186. *Садикова В. А* .Топ – инвариант высказывания // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2011б. – № 28. – Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.113–121.

187. *Садикова В А* ..Топика как система структурно-смысловых моделей (типология инвариантов высказываний): автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2012. – 43 с.

188. *Садикова В. А* .Топика и пропозиция: сходство и различие // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2013. – № 24. – Вып. 5 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.119–123.

189. *Сазонова Т. Ю* .Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 1993. – 17 с.

190. *Сазонова Т. Ю* .Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход: монография. – Тверь: Твер. гос. унт, 2000а. – 134 с.

191. Сазонова Т. Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: автореф. дис. … докт. филол.

наук: 10.02.19. – М., 2000б. – 46 с.

192. *Самелюк М. М* .Интернет-досуг в контексте трансформации социального времени: дис. … канд. социол. наук. – М., 2006. – 164 с.

193. *Саркисова Э. В* .Стратегии и опоры при идентификации слов детьми-билингвами // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2013а. – № 5. – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.295–302.

194. *Саркисова Э. В* .Многоуровневый характер идентификации незнакомых слов // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2013б. – № 24. – Вып. 5 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.287–292.

195. *Сергиенко П. И.* Лингвокогнитивные особенности электронного гипертекста (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2009. – 22 с.

196. *Сеченов И. М.* Избранные произведения. – М.: Учпедгиз, 1953.– 355 с.

197. *Современные философские* проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. – М., 2007. – 639 с.

198. *Соколова Е. Е.* Тринадцать диалогов о психологии. – М.: Смысл, 2003. – 687 с.

199. *Сокулер З. А* .Проблема обоснования знания (Гносеологические концепции Л. Витгенштейна и К. Поппера). – М. , 1988.

200. *Соловьева М. В.* Стратегии понимания иноязычного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2006. – 15 с.

201. *Соловьева Н. В.* Место предметного компонента в психологической структуре значения глагола: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 1989. – 16 с.

202. *Соломаха В. А* .Признак как медиатор межполевых связей в лексиконе носителя языка: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2003. – 15 с.

203. *Сонин А.Г.* Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. – 220 с.

204. *Сонин А. Г.* Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19. – М., 2006. – 42 с.

205. *Степанов Ю. С.* Понятие // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990. – С.383–385. 206. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

207. *Стернин И.А., Рудакова А.* Психолингвистическое значение и его описание: Теоретические проблемы. – Saarbrűcken: LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 192 с.

208. *Стеценко А. П* .К вопросу о психологической классификации значений // Вестник Московского государственного университета. – Серия 14. Психология. – 1883. – № 1. – С.22–31.

209. *Стройков С. А.* Основные понятия лингвистической концепции электронного лексикографического гипертекста // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 12. – № 5 (3). – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2010. – С. 808–811.

210. *Тарасов В.* Музыка сфер // Вокруг света. – 2005. – № 1. – С. 30–40.

211. *Тарасова Е. И.* Номинативный бином в свете проблемы концептуальной целостности при вербальной раздельнооформленности: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2007. – 19 с.

212. *Тогоева С. И.* Психолингвистическое исследование стратегий идентификации зна-чения словесного новообразования: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 1989. – 17 с.

213. *Тогоева С. И* .Психолингвистические проблемы неологии: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000а. – 155 с.

214. *Тогоева С. И.* Психолингвистические проблемы неологии: автореф. дис. … д-ра фи-лол. наук: 10.02.19. – Воронеж, 2000б. – 43 с.

215. *Туркова-Зарайская М. О.* Особенности понимания библеизмов современными носителями языка: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2002. – 18 с.

216. *Уфимцева Н.В. и др*. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н. В. Уфимцева, И. А. Стернин, Х. Эккерт, В. И. Милехина, В. М. Топорова. – М.–Воронеж: Изд-во ИСТОКИ, 2004. – 130 с.

217. *Федурко Ю. В* .Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2008. – 15 с.

218. *Филиппович Ю.Н., Черкасова Г.А., Дельфт Д*. Ассоциации информационных технологий: эксперимент на русском и французском языках. – М.: Моск. гос. ун-т печати, 2001. – 304 с.

219. *Фортунатов Ф. Ф* .О преподавании русского языка в средней школе // *Фортунатов Ф. Ф* .Избранные труды. – В 2-х т. – М., 1957. – Т. 2. – С. 429–462.

220. *Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение //

Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф. П. Филина. – М.: Высшая школа, 1973. – С. 308–339.

221. *Хватова С. С.* Этнокультурная специфика идентификации прецедентных имен но-сителями языка: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2004. – 18 с.

222. *Холодная М. А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.

223. *Черкасова Г. А* .Исследование ядра ассоциативно-вербальной сети русского ассоциативного тезауруса // Жизнь языка в культуре и социуме 6 материалы конф., посв. 75-летию Е.Ф. тарасова (Москва, 14–15 апреля 2010 г.). – М., 2010. – С.246–249.

224. *Чернышова М. А* .Когнитивно-синергетическое моделирование понимания рекламного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2010. – 17 с.

225. *Чугаева Т. Н* .Перцептивный аспект звукового строя английского языка: монография. – Екатеринбург; Пермь: УрОРАН, 2007. – 246 с.

226. *Чугаева Т. Н* .Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка: автореф. дис. …докт. филол. наук: 10.02.19. – СПб., 2009. – 45 с.

227. *Чугунова С. А* .Образ ситуации как медиатор процесса понимания художественного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 – Тверь, 2001. – 16 с.

228. *Чугунова С.А.* «Движение времени» у представителей разных культур: монография. – Брянск: Брянск. гос. ун-т, 2009а. – 240 с.

229. *Чугунова С. А* .Концептуализация времени в различных культурах: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2009б. – 45 с.

230. *Шабес В. Я.* Событие и текст. – М.: Высшая школа, 1989. – 175 с.

231. *Шабес В. Я* .Типология градуальных репрезентаций // Проблемы социо– и психолингвистики: сб. ст. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2008. – Вып. 11. – С. 36–43.

232. *Шарадзенидзе Т.С.* Лингвистическая теория И. А. Бодуэна де Куртене и её место в языкознании XIX–XX веков. – М.: Наука, 1980. – 133 с.

233. *Швец Н. О.* Роль языка в структурировании знания: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 19 с.

234. *Шехтер М.С.* Зрительное опознание: Закономерности и механизмы. – М.: Педагогика, 1981. – 264 с.

235. *Шехтман Н. А* .Понимание речевого произведения и

гипертекст: учеб. Пособие. – М.: Высшая школа, 2009. – 159 с.

236. *Шмелева Т. В* .Виды семантических признаков и их роль в выборе опорного слова устойчивого адъективного сравнения // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста: сб. ст. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988а. – С. 60–68.

237. *Шмелева Т.* В.Специфика опорного слова устойчивого адъективного сравнения в английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.014. – Одесса, 1988б. – 16 с.

238. *Шпет Г. Г.* Философские этюды. – М., 1994.

239. *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова: этюды и вариации на темы Гумбольдта. – М., 2009. – 216 с.

240. *Шумилина О. С* .Стратегии идентификации иноязычных фразеологических единиц (на материале английских глагольных фразеологизмов с соматическими компонентами): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 1997. – 16 с.

241. *Щерба Л. В* .О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Щерба Л. В* .Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 24–39.

242. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

243. *Эпштейн В. Л* .Введение в гипертекст и гипертекстовые системы, 1991. – [Электронный ресурс] / Режим доступа: http:// www.ipu.rssi.ru/publ/epstn.htm (дата обращения: 27.01.2008).

244. *Юрченко В. С.* Уровни языковой семантики // Дом бытия: Альманах по антропологической лингвистике. – Саратов, 1995. – С. 29–39.

245. *Ягунова Е. В* .Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей): монография. – Пермь: Перм. гос. ун-т; СПбГУ, 2008. – 395 с.

246. *Ягунова Е. В* .Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей): автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.19. – М.: Моск. гос. ун-т, 2009. – 39 с.

247. *Aitchison, J.* Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. – 3rd ed. – Blackwell Publishing, 2003. – 314 p.

248. *Barsalou, L.W.* Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. – 1999. – Vol. 22. – Pp. 577–660.

249. *Barsalou, L.W.* The human conceptual system // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. – Cambridge, 2012. – Pp. 239–258.

250. *Boroditski, L.* How the languages we speak shape the ways

we think // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. – Cambridge, 2012. – Pp. 615–632.

251. *Bush, V.* As We May Think // Atlantic Monthly. – 1945. – № 7. – Pp. 101–108.

252. *Cowley, S.J.* The cognitive dynamics of distributed language: Editorial // Language Sciences (2007), doi.10.1016/ j.langsci.2007.01.002

253. *Damasio, A.* Concepts in the brain // Mind and Language. – 1989. – Vol.4. – № 1–2. – Pp. 24–28.

254. *Damasio, A.* Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. – New York: Avon Books, 1995. – 313 p.

255. *Damasio, A.* The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness. – New York etc.: Harcourt Brace & Co, 1999. – 386 p.

256. *Damasio, A.* Looking for Spinoza: joy, sorrow, and the feeling brain. – Or-lando; Austin; New York, etc.: Harcourt, Inc., 2003. – 356 p.

257. *Dunbar, G.* The cognitive lexicon. – Tübingen: Narr, 1991.

258. *Eco U.* Kant and the Platypus. Essays on Language and Cognition. – San Diego; New York; London: Harcourt, Inc., 2000. – 464 p.

259. Eco, U. The Mysterious Flame of Queen Loana. – London: Vintage Books, 2006. – 458 p.

260. *Elman, J.L.* An alternative view of the mental lexicon // Trends in Cognitive Sciences. 2004. – Vol. 8. – Pp. 301–306.

261. *Evans, V.* Lexical concepts, cognitive models and meaning construction // Cognitive Linguistics, 2006. – Vol. 17–4. – Pp. 491–514.

262. *Fivush, R.* Scripts and categories: interrelationships in development // Concepts and conceptual development / Ed. by U. Neisser. – Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1987. – Pp. 234–254.

263. *Garman M.* Psycholinguistics. – Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1990.

264. *Gernsbacher M.A.* (Ed.). Handbook of psycholinguistics. San Diego; New York; Boston etc.: Academic Press, 1994. – 1174 p.

265. *Hardy C.* Networks of Meaning: A Bridge between Mind and Matter. – Westport, Connecticut; London: Praeger, 1998. – 217 p.

266. *Hellevig, J.* A Biological Philosophy. Vol. I: The Case Against Noam Chomsky; Vol. II: Mental Processing. – Helsinki, Finland: Russia Advisory Group Oy, 2010. – 576 p.

267. *Javier, R.A.* The bilingual mind: Thinking, feeling abd speaking in two languages. – Springer, 2007. – 154 p.

268. *Kiss G., Armstrong C. Milroy R.* The Associative Thesaurus of

English. – Edinburgh: University of Edinburgh, MRC Speech and Communication Unit, 1972. – 1539 p.

269. *Klyukanov, I.E.* Principles of Intercultural Communication. – Boston; New York; San Francisco, etc., 2005. – 290 p.

270. *Kormos, J.* Speech production and second language acquisition. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. – 221 p.

271. *Kravchenko, A.V.* Biology of Cognition and Linguistic Analysis/ From Non-Realist Linguistics to a Realistic Language Science. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern, etc.: Peter Lang, 2008. – 304 p.

272. *Maturana, H.* Metadesign: Human beings versus machines, or machines as instruments of human designs? [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.inteco.cl/articulos/metadesign_partel.htm

273. *Miller, G.A.* On knowing a word [Review] // Annual Review of Psychology. – 1999. – Vol. 50. – Pp.1–19.

274. *Mirêlis, M.T. – M.* Exploring the adaptive structure of the mental lexicon: PhD. – Edinburgh: University of Edinburgh, October 2004. – 277 p.

275. *Nelson, T.N.* A file structure for the complex, the changing, and the indeterminate // ACM 20th National Conference: Proceedings (Clevelend, Ohio, 1965). – Pp. 84–100.

276. *Ruthrof, H.* Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern. – Toronto: University of Toronto Press, 1997. – 321 p.

277. *Ruthrof, H.* The Body in Language. – London; New York: Cassell, 2000. – 193 p.

278. *Spirvey, M.J., McRae, K. & Joanisse, M.F.* (Eds.) The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. – Cambridge; New York; Melbourne etc.: Cambridge University Press, 2012. – 745 p.

279. *Stemberger, J.P.* The lexicon in a model of language production. – New York: Garland Publishing, Inc., 1985.

280. *Turvey, M.T. & Moreno, M.A.* Physical metaphors for the mental lexicon // The Mental Lexicon. – 2006. – Vol. 1. – № 1. – Pp.7–33.

281. *Violi P.* Meaning and Experience. – Bloomington: Indiana University Press, 2001. – 291 p.

282. *Zalevskaya A.A.* On the associative structure of memory // Short communications prepared for the XIXth International Psychological Congress. – Moscow: Psychological Society of the USSR, 1969. – P.156–157.

283. *Zalevskaya A.A.* A psycholinguistic approach to the study of mechanisms of free word association // Abstract Guide: XXth

International Congress of Psychology (August 13–19, 1972, Tokyo, Japan). – Tokyo, 1972. – P. 400.

284. *Zalevskaya A.A.* An experimental study of lexical organization // XXIe Congrès Internatinal de Psychologie: résumés, Paris 18–25 juillet, 1976 / Société Français de Psychologie. – Paris, 1976. – P. 44.

285. *Zalevskaya A.A.* Verbal associations in different cultural settings // Wertch, J. (Ed.) Recent Trends in Soviet Psycholinguistics. – New York: Sharpe, 1977a. – Pp. 96–102.

286. *Zalevskaya A.A.* Verbal associations in different cultural settings // Soviet Psychology: A Journal of Translations. – New York, 1977b. – Vol. XV, № 2. – Pp. 46–52.

287. Zalevskaya A. Interfacial Theory of Word Meaning: Psycholinguistic Approach. – London, UK: IASHE (International Academy of Science and Higher Education), 2014. – 180 pp.

Использованные словари

1. АРСЛС*: Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике* / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – М.: Помовский и партнеры, 1996. – 656 с.

2. БПС: *Большой психологический словарь* / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с.

3. *Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А. М.* Краткий словарь лингвистических терминов. – М.: Рус. яз., 1995. – 175 с.

4. *Даль В. И* .Толковый словарь живого великорусского языка. – Том II. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. – 779 с.

5. *Дрот В.Л., Новиков Ф. А* .Толковый словарь современной компьютерной лексики [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.kniga. combooks/preview_txt.asp?sku=ebooks 3246 89 (18.06.2013)

6. *ИНФОРМАТИКА* в 7 томах. – Том 3. Концептуальная информатика (Толковый словарь по информатике) [Электронный ресурс] / А. А. Красилов / Режим доступа: http://intellsyst.ru/ informatika-v-7-tomax-tom-3konceptualnaya-informatika-tolkovyj-slovar-poinformatike.html (12.11.2013)

7. КСКТ: *Краткий словарь когнитивных терминов* / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. – 197 с.

8. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов.– М.: Русский язык, 1998. – 848 с.

9. ЛЭС: *Лингвистический энциклопедический словарь* / главн.

ред. В. Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.

10. НПС: *Новейший психологический словарь* / В. Б. Шапарь, В. Е. Россоха, О. В. Шапарь. – 2-е изд. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 808 с.

11. НФС: *Новейший философский словарь* / сост. и главн. науч. ред. А. А. Грицанов. – 3-е изд. испр. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1280 с.

12. *Ожегов С. И* .Словарь русского языка. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1970. – 900 с.

13. ПЛЭС – *Психологический лексикон*. Энциклопедический словарь в 6 томах [Электронный ресурс 2005, PDF, RUS] / Карпенко Л., Петровский А. (Ред.). – История психологии в лицах. Персоналии / Режим доступа: http:// rutracker.org/forum/ viewtopic.php?t=3798577 (15.11.2013)

14. ФЭС: *Философский энциклопедический словарь*. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 576 с.

15. TAHDEL: *The American Heritage Dictionary of the English Language*. – 3d ed. – Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 1996. – 2140 p.

16.*Webster*, *N*. An American Dictionary of the English Language. – Springfield, Mass.: Published by G. and Ch. Merriam, 1854. – 1367 p.

Цитированные электронные источники

1. http://dictionary.reference.com/browse/ method-ology (16.12.2013)

2. http://en.wikipedia. org/wiki/Methodology (16.12.2013)

3. http://www.merriam-webster.com/ dictionary methodology (16.12.2013)

4. poiskslov.com/word/лексикон (18.12.2013)

5. ria.ru/nsk/20130908/961584526.html (18.12.2013)

6. ru.wikipedia.org/wiki/лексикон_(программа) (18.12.2013)

7. ru.wiktionary.org/wiki/лексикон (18.12.2013)

Экспериментальные материалы на разных языках

1. *Ассоциативные нормы испанского и русского языков* / М. Санчес Пунг, Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова. – М.; Мадрид, 2001.

2. *Ассоциативные нормы русского и немецкого языков* / Н. В. Уфимцева, И. А. Стернин, Х. Эккерт, В. И. Милехина, В. М. Топорова. – М.–Воронеж: Изд-во ИСТОКИ, 2004. – 130 с.

3. *Ассоциативный словарь употребительной русской лексики:*

1080 стимулов / науч. ред. А. В. Рудакова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2011. – 187 с.

4. *Ассоциативный фразеологический словарь русского языка* / Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 116 с.

5. *Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г., Е. Б. Пенягина*. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе) – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 256 с.

6. *Бутакова Л* .О.Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. – Омск: «Вариант-Омск», 2012. – 128 с.

7. *Бутенко Н.П*. Словник асоціативних норм української мови. – Львів: Вища школа, 1979. – 120 с.

8. *Бутенко Н. П* .Словник асоціативних означень іменників в українській мові. – Львів: Вища школа; Вид-во при Львів. ун-ті., 1989. – 328 с.

9. *Галерея ассоциативных портретов:* коллективная монография / Т. М. Рогожникова и др.; под общ. ред. Т. М. Рогожниковой. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2009. – 448 с.

10. *Голикова Т.А*. Алтайско-русский ассоциативный словарь. – М.: Изд-во ОЛСИБ, 2004. – 380 с.

11. *Гольдин В. Е.* Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1-Х1 классов: в 2 т. / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартья-нов. – Саратов: Изд-во Сарат. унта, 2011.

12. *Гуц Е. Н* .Ассоциативный словарь подростка. – Омск: Изд-во «Вариант-Сибирь», 2004. – 156 с.

13. *Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь*. – Шымкент: «Мирас»; М.: ИЯ РАН, 1998. – 245 с.

14. *Колодкина Е. Н* .Конкретность, образность и эмоциональность 215 русских существительных // История русского литературного языка и стилистика: сб. науч. тр. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1985. – С. 40–51.

15. *Коротун О. В* .Ассоциативный словарь внешнего человека. – Омск: «Вариант-Омск», 2010. – 376 с.

16. *Мартінек С. В* .Український асоціативний словник: У 2 т. – Т. 1: Від стимулу до реакції. – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007. – 344 с. – Т. II: Від реакції до стимулу. – 468 с.

17. *Маскадыня В.Н*. Нормативные данные для 50 субстантивных категорий: На материале русского языка. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1987. – 160 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 31.07.87, № 30609.

18. *Овчинникова И. Г. Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е. Б* .Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). – Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 2000. – 312 с.

19. *Палкин А. Д* .Толковый словарь русского языка глазами детей. – М.: НОУ МЭЛИ, 2004. – 360 с.

20. РАС*:Русский ассоциативный словарь* / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – В 6 кн. – М.: «Помовский и партнеры»; ИРЯ РАН, 1994–1998.

21. *Русский ассоциативный словарь*: ассоциативные реакции школьников 1-11 классов: в 2 т. / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартьянов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. – Т.1. – 500 с.

22. *Славянский ассоциативный словарь:* русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева и др. – М.: МГЛУ; Ин-т языкознания РАН, 2004. – 792 с.

23. САНРЯ: *Словарь ассоциативных норм русского языка* / под ред. А. А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 201 с.

24. *Соколова Т.В.* Ассоциативный словарь ребенка: В 2-х ч. – Архангельск: Изд-во Поморск. междунар. пед. ун-та, 1996. – Ч.1 – 165 с; Ч.2 – 305 с.

25. *Титова Л.Н*. Киргизско-русский ассоциативный словарь. – Фрунзе: «Мектеп», 1975. – 96 с.

26. *Ульянов Ю. Е* .Латышско-русский словарь – Рига: «Зинатне», 1988. – 187 с.

27. *Филиппович Ю.Н., Черкасова Г.А., Дельфт Д*. Ассоциации информационных технологий: эксперимент на русском и французском языках. – М.: Изд-во МГУП, 2002. – 304 с.

28. *Цітова А.І*. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Выд-ва БДУб 1981. – 144 с.

29. *Altarriba, J., Bauer, L.M. & Benvenuto, C*. Concreteness, context availability, and imageability ratingsand word associations for abstract, concrete, and emotional words // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. – 1999. – Vol. 31. – Pp. 578–602.

30. *Ashcraft, M.* Property norms for typical and atypical items from 17 categories: A description and discussion // Memory and Cognition. – 1978. – Vol. 6 (3). – Pp. 227–232.

31. *Balota, D.A., Cortese, M.J., Hutchison, K.A., Neely, J.H., Nelson, D., Simpson, G.B. & Treiman, R*. The English Lexicon Project: A web-based repository of descriptive and behavioral measures for 40,481 English words and nonwords (2002). Accessed September 30, 2004, on Washington University Web site: http://elexicon.wustl.edu.

32. *Balota, D.A., Pilotti, M., & Cortese, M.J*. Subjective frequency estimates for 2.938 monosyllabic words // Memory & Cognition. – 2001. – Vol. 29. – Pp. 639–647.

33. *Barca, L., Burany, c., & Arduino, L.S*. Word naming times and psycholinguistic norms for Italian nouns // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. – 2002. – Vol. 34. – Pp. 424–434.

34. *Battig, W.F., & Montague, W.E*. Category norms for verbal items in 56 categories: A replication and extension of the Connecticut category norms // Journal of Experimental Psychology. – 1969. – Vol. 80. – N.3. – Pt.2. – Pp. 1–16.

35. *Bellezza, F.S., Greenwald, A.G., & Banaji, M.R*. Words high and low in pleasantness as rated by male and female college students // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. – 1986. – Vol. 18. – Pp. 299–303.

36. *Bird, H., Franklin, S., & Howard, D*. Age of acquisition and imageability ratings for a large set of words, including verbs and function words // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. – 2001. – Vol. 33. – Pp. 73–79.

37. *Bradley, M.M. & Lang, P.J*. Affective norms for English words (ANEW): Instruction manual and affective ratings: Technical Report C–1. – University of Florida, The Center for Research in Psychology, 1999 [Электронный ресурс].

38. *Brown, W.P., & Ure, D.M.J*. Five rated characteristics of 650 word association stimuli // British Journal of Psychology. – 1969. – Vol. 60. – Pp. 233–249.

39. *Burke, D.M., Peters, L. & Rose, M.H*. Word association norms for young and older adults // Social and Behavioral Science Documents. – 1987. – Vol. 17 (2). [Электронный ресурс].

40. *Carroll, J.B. & White, M.N*. Age of acquisition norms for 220 pictureable nouns // Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior. – 1973. – Vol. 12. – Pp. 563–576.

41. *Clark, J.M., & Paivio, A*. Extensions of the Pavio, Yulle, and Madigan (1968) norms // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. – 2004. – Vol. 36. – Pp. 371–383.

42. *Cortese, M., & Fuggett, A*. Imageability ratings for 3,000 monosyllabic words // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. – 2004. – Vol. 36. – Pp.384–387.

43. *De Deyne, S. & Storms, G*. Word associations: Norms for 1,424 Dutch words in a continuous task // Behavior Research Methods. – 2008a. – Vol. 40 (1). – Pp. 198–205.

44. *De Deyne, S. & Storms, G*. Word associations: Network and semantic properties // Behavior Research Methods. – 2008b. – Vol. 40(1). – Pp.213–231.

45. *De Groot, A.M.B*. Mondelinge woordassociatienomen: 100 woordassociaties op 460 Nederlandse zelfstanige naamwoorden [Oral word association norms: 100 word associations to 460 Dutch nouns]. – Lisse, The Netherlands: Swets & Zeitlinger, 1980.

46.*de la Haye, F*. Normes d'associations verbales chez des enfants de 9, 10 et 11 ans et des adults // L'Année Psychologique. – 2003. – Vol. 103. – Pp. 109–130.

47.*Entwisle, D.R*. Word associations of young children. – Baltimore: The John Hopkins Press, 1966.

48. *Fernández, A., Diez, M., Alonso, A., & Beato, M*. Free-Association Norms for the Spanish Names of the Snodgrass and Vanderwart Pictures // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. – 2004 – Vol. 36(3). – Pp. 577–583.

49. *Ferrand, L. & Alario, F. – X*. French word association norms for 366 names of objects // L'Année Psychologique. – 1998. – Vol. 98(4). – Pp. 659–709.

50. *Friendly, M., Franklin, P.E., Hoffman, D., & Rubib, D.C*. The Toronto Word Pool: Norms for imagery, concreteness, orthographic variables, and grammatical usage foe 1,080 words // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. – 1982. – Vol. 14. – Pp. 375–399.

51. *Gerrow, J.R. & Po11io, E.R*. Word association, frequency of occurrence, and semantic differential norms for 360 stimulus words: The University of Tennessee. Dept. of Psychology. Technical Report No.1. April, 1965.

52. *Ghyselinck, M., Custers, R. & Brysbaert, M*. Age-of-acquisition ratings for 2322 Dutch words from 40 different semantic categories // Psychologica Belgica. – 2003. – Vol.43. – Pp. 181–214.

53. *Ghyselinck, M., De Moor, W. & Brysbaert, M*. Age-of-acquisition ratings for 2816 Dutch four– and fiveletter nouns // Psychologica Belgica. – 2000. – Vol.40. –Pp. 77–98.

54. *Gilhooly, K.J. & Logie, R.H*. Age of acquisition, imagery, concreteness, familiarity and ambiguity measures for 1944 words // Behavior Research Methods & Instrumentation. – 1980. – Vol. 12. – Pp. 395–427.

55. *Guida, A., & Lenci, A*. Semantic properties of word associations to Italian verbs // Italian Journal of Linguistics. – 2007. – Vol. 19. – Pp. 293–326.

56. *Hamp, B., & Feldweg, H*. GermaNet – a lexical-semantic net for German // Proceedings of the ACL Workshop on Automatic Information Extraction and Building Lexical Semantic Resourses for NLP Applications. – Madrid, Spain, 1997. – Pp. 9–15.

57. *Hirsh, K.W. & Tree, J*. Word association norms for two cohorts of British adults // Journal of Neurolinguistics. – 2001. – Vol. 14(1). – Pp. 1–44.

58. *Howard, D.V*. Restricted word association norms for adults between the ages of 20 and 80 // JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology. – 1980. – Vol. 10. – № 6.

59. *Izura, C., Hernández-Muñoz, M., & Ellis, A.W*. Category norms for 500 Spanish words in five semantic categories // Behavior Research Methods. – 2005. – Vol. 37. – Pp. 385–397. [Электронный ресурс] www.psychonomic.org/archive

60. *.Jenkins, J.* The 1952 Minnesota word association norms // *Postman, L. & Keppel, G*. (Eds.). Norms of Word Association. – New York; London:: Academic Press, 1970.

61. *Jenkins, J., & Russell, W.A*. Systematic changes in word association norms: 1910 – 1952 // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1960. – Vol. 60.

62. *Joyce, T*. Constructing a large-scale database of Japanese word associations // Glottometrics. – 2005. – Vol. 10. – Pp. 82–98.

63. *Kent, G.H, & Rosanoff, A.J*. A study of associations in insanity. I. Association in normal subjects // American Journal of Insanity. – 1910. – Vol. 67. – Pp. 37–96; 317–390.

64. *Kerr, N.H., & Johnson, T.H*. Word norms for blind and sighted subjects: Familiarity, concreteness, meaningfulness, imageability, imagery modality, andword association // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. – 1991. – Vol. 23. – Pp. 461–485.

65. *Kiss, G., Armstrong, C., Milroy, R. & Piper, J*. The Associative Thesaurus of English. – Edinburgh: University of Edinburgh, MRC Speech and Communication Unit, 1972. – 1539 p.

66. *Kurcz, I*. Polskie normy powszechności skojarzeń swobodnych na 100 słow z listy Kent-Rosanoffa // Studia psychologiczne. – Warzawa, 1967. – T. VIII (Nadbitka). – 255 s.

67. *Lahl, O., Gőritz, A.S., Pietrowsky, R. & Rosenberg, J*. Using the World-Wide Web to obtain large-scale word norms: 190,212 ratings on a set of 2,654 German nouns // Behavior Research Methods. – 2009. – Vol. 41 (1). – Pp. 13–19.

68. *Lambert, W.E.* & *Mooze, N.* Word-association responses: Comparisons of American and French monolinguals with Canadian monolinguals and bilinguals // Journal of Personality and Social Psychology, 1966. – Vol. 3. – Pp. 313–320.

69. *Magyar verbális asszociációk 1* [Hungarian Verbal Associations 1 / Ed. By Balló, L.]. – Szeged, Budapest, Debrecen: Juhász Gyula Tanárképzõ Fõiskola, 1983. – 210 p.

70. *Magyar verbális asszociációk 2* [Hungarian Verbal Associations 2 / Ed. By Ujvari, C.]. – Szeged, Budapest, Debrecen: Juhász Gyula Tanárképzõ Fõiskola, 1985. – 204 p.

71. *Maršálová, L*. Slovno-associačné normy II. V–IX trieda ZDŠ a vysoká škola. – Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 1974. – 497 s.

72. *Marques, J.F., Fonseca, F.L., Morais, A.S., & Pinto, I.A*. Estimated age of acquisition norms for 834 Portuguese nouns and

their relation with other psycholinguistic variables // Behavior Research Methods. – 2007. – Vol. 39. – Pp. 439–444.

73. *McEvoy, C.l. & Nelson, D.L*. Category name and instance norms for 106 categories of various sizes // American Journal of Psychology. – 1982. – Vol. 95. – Pp.581–634.

74. *McRae, K., Cree, G., Seidenberg, M., & McNorgan, C*. Semantic feature production norms for a large set of living and nonliving things // Behavior Research Methods, Instruments & Computers. – 2005. – Vol. 37(4). – Pp. 547–559.

75. *Melinger, A. & Weber, A*. Database of noun associations for German (2006) URL: www.coli.unisaarland.de/projects/nag/.

76. *Morrison, C.M., Chappell, T.D. & Ellis, A.W*. Age of acquisition norms for a large set of object names and their relation to adult estimates and other variables // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. – 1997. – Vol. 50A. – Pp. 528–559.

77. *Nelson, D.L., McEvoy, C.L., & Schreiber, T.A*. The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms (1998). URL: http://www.usf.edu/FreeAssociation/.

78. *Novak, Z*. Volnė slovni párovėasociace v češtine. – Praha, 1988.

79. *Paivio, A., Yuille, J.C. & Madigan, S*. Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns // Journal of Experimental Psychology Monograph Supplement. – 1968. – Vol. 70. – № 1, Pt. 2. – Pp. 1–25.

80. *Pérez, M.A., & Navalón, C*. Objective-AoA norms for 175 names in Spanish: Relationship with other psycholinguistic variables, estimated AoA, and data from other languages // Cognitive Psychology. – 2005. – Vol. 17. – Pp. 179–206.

81. *Postman, L. & Keppel, G*. (Eds.). Norms of Word Association. – New York; London: Academic Press, 1970. – 466 p.

82. *Rosenberg, S*. Noun responses to adjectives from the Rosenberg-Carter norms under conditions of controlled association. – Nashwille, Tennessee: Peabody College for Teachers, 1965.

83. *Rosenberg, S., & Carter, J*. Controlled adjective responses to 53 nouns from Kent-Rosanoff association test. – Nashwille, Tennessee: Peabody College for Teachers, 1965.

84. *Rosenzweig, M.R*. Ėtudes sur I'association des mots // L'Annėe Psychologique. – 1957. – Vol. 57. – Pp. 23–32.

85. *Rosenzweig, M.R*. Word associations of French workmen: Comparisons with associations of French students and American workmen and students // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1964. – Vol. 3. – Pp. 57–69.

86. Rosenzweig, M.R. International Kent-Rosanoff word association norms, emphasizing those of French male and female

students and French workmen // *Postman, L. & Keppel, G*. (Eds.). Norms of Word Association. – New York; London:: Academic Press, 1970.

87. *Russell, W.A*. The complete German language norms for responses to 100 words from the Kent–Rosanoff word association test // *Postman, L. & Keppel, G*. (Eds.). Norms of Word Association. – New York; London: Academic Press, 1970. – Pp. 53–94.

88. *Russell, W.A. & Jenkins, J.J*. The complete Minnesota norms for responses to 100 words from the Kent–Rosanoff word association test: Technical Report No.11. – University of Minnesota, 1954.

89. *Russell, W.A. & Meseck, O*. Der Einfluss der Assoziation auf das Erinnern von Worten in der deutschen, franzõsischen und englischen Sprache // Zeitschrift für Expereimentelle und Angewandte Psychologie. – 1959. – Vol. 6. – Pp. 191–211.

90. *Ruts, W., De Deyne, S., Ameel, E., Vanpaemel, W., Verbeemen, T. & Storms, G*. Dutch norm data for 13 semantic categories and 338 exemplars // Behavior Research Methods, Instruments & Computers. – 2004. – Vol. 36. – Pp. 506–515.

91. *Schulte im Walde, S., Melinger, A., Roth, M., & Weber, A*. An empirical characterization of response types in German Association Norms // Research on Language and Computation. – 2008. – Pp.1–38.

92. *Snodgrass, J.G., & Vanderwart, M*. A Standardized Set of 200 Pictures: Norms for Name Agreement, Image Agreement, Familiarity, and Visual Complexity // Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory. – 1980. – Vol.6. – Pp. 174–215.

93. *Stadthagen-Gonzales, H. & Davis, C.J*. The Bristol Norms for Age of Acquisition, Imageability, and Familiarity // Behavior Research Methods. – 2006. – Vol. 38. – Pp. 598–605 [Электронный ресурс].

94. *Stamou, S. et al*. BalkanNet: A Multilingual Semantic Network for the Balkan Languages // Proceedings of the 1st International Global WordNet Conference (January 21–25, 2002). – Mysore, India, 2002. – Pp. 12–14. http://www.ceid. upatras.gr/Balkanet/

95. *Stevenson, R.A., Mikels, J.A., & James, T.W*. Characterization of the Affective Norms for English Words by discrete emotional categories // Behavior Research Methods. – 2007. – Vol. 39. – Pp. 1020–1024

96. *Storms, G*. Flemish category norms for exemplars of 39 categories: A replication of the Battig and Montague (1969) category norms: PET studies // Brain. – 2001. – Vol. 124. – Pp. 1619–1634.

97. *Toglia, M.P. & Battig, W.F*. Handbook of Semantic Word Norms. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978. – 148 p.

98. *Twilley, L.C., Dixon, P., Taylor, D., & Clark, K*. University of Alberta norms of relative meaning frequency for 566 homographs // Memory and Cognition. – 1994. – Vol. 22. – Pp.11–126.

99. *Vinson, D., & Vigliocco, G*. Semantic feature production norms for a large set of objects and events // Behavior Research Methods. – 2008. – Vol. 40. – Pp. 183–190.

100. *Vossen, P*. (Ed.). EuroWordNet: A Multilingual Database with Lexical Semantic Network. – Dordrecht: Kluwer, 1998.

101. Vó, M.L. – H., Jacobs, A.M., & Conrad, M. Cross-validating the Berlin Affective Word List // Behavior Research Methods. – 2006. – Vol. 38. – Pp. 606–609.

102. *Wollen, K.A., Cox, S.D., Coahran, M.M., Shea, D.S., & Kirby, R.F*. Frequency of occurrence and concreteness ratings of homograph meanings // Behavior Research Methods, Instruments & Computers. – 1980. – Vol. 12. – Pp.8–15.

notes

Залевская 2005: 9–28.

Miller 1999.

3

Залевская 1977 (репродуцировано в Залевская 2005); 1979; 1982; 1990.

4

См., например, Залевская 1990; 1999; 2001; 2005; 2007; 2011; 2012.

Залевская 1977.

6

См. соответствующий рисунок в ряде публикаций, например: Залевская 2007: 56.

Залевская 2011; 2012.

8

См., например, работы А. Г. Сонина: Сонин 2005; 2006.

9

См., например, материалы международной конференции: Гипертекст 2013.

ЛЭС 1990: 299. Здесь и далее курсив мой. – А.З.

ФЭС 2003: 266.

12

НФС 2003: 628

13

НПС: 277–278.

14

TAHDEL: 1136.

15

TAHDEL.

16

См., например, Степанов 1990: 384.

Степанов 1997.

Даль 1956: 246.

Ожегов 1970: 312.

Крысин 1998: 389.

Webster 1854: 660.

TAHDEL 1996: 1036.

Например, через poiskslov.com/word/лексикон.

ria.ru/nsk/20130908/961584526.html

ru.wikipedia.org/wiki/лексикон_(программа)/

Оба эти термина являются метафоричными, ср.: Овчинникова 2009.

27

См., Например, монографии: Залевская 1990; Aitchison 2003; Dunbar 1991; Javier 2007; Kormos 2006; Mirêlis 2004; Stemberger 1985 и др.

См. подробно: Залевская 2007.

29

См., Например, Коули 2009; Кравченко 2009; Elman 2004.

30

Как языковой среды программирования в трактовке акад. А. П. Ершова Ершов http

31

Связанного с разработкой программных продуктов, См.: ИНФОРМАТИКА http.

С подразделением на научные термины и сленг программистов, См.: Крысин 1998; ru.wikipedia.org/wiki/лексикон_(программа)23.

См., Например, Конспект лекций http

См. подробно: Залевская 2011; 2012

35

См. также: Заблуждающийся разум 1990.

См. подробно: Залевская 2012.

Микешина 2009: 50–51.

Залевская 1967.

39

См.: Микешина 2009

Выготский 1935; Шпет 1994; Шпет 2009.

41

См.: Мамардашвили 1997.

Современные философские проблемы… 2007: 10.

43

См. об этом: Микешина 2009, ср. также Залевская 2009.

Мамардашвили 1990: 14.

Два фрагмента… 2006: 295.

Шпет 2009.

Выготский 1935.

Зинченко 1998.

См.: Микешина 2009.

50

Eco 2006

Damasio 1995; 1999; 2003

Жинкин 1982.

53

Цит. раб.: 198

Цит. раб.: 140. Курсив мой. – А.З.

Там же. – Со ссылкой на Гумбольдта.

Цит. раб.: 183. Курсив мой. – А.З.

Цит. раб.: 195.

Цит. раб.: 166. Курсив мой. – А.З.

Цит. раб.: 194.

Фортунатов 1973: 313.

1982: 100.

Фортунатов 1957: 148–149.

Фортунатов 1973: 319.

Бодуэн де Куртенэ 1963а: 60.

Бодуэн де Куртенэ 1963а: 77.

Бодуэн де Куртенэ 1963б: 217.

Бодуэн де Куртенэ 1963б: 214. Выделено мною. – А.З.

См., Например, Шарадзенидзе 1980: 28–29.

Крушевский 1973а: 406.

См.: Залевская 1990.

Крушевский 1973б: 421. Курсив мой. – А.З.

Крушевский 1973б: 430.

Щерба 1974: 25.

Щерба 1974: 67.

Сеченов 1953.

Цит. раб.: 305.

Цит. раб.: 298.

Цит. раб.: 225.

Цит. раб.: 302.

Цит. раб.: 130–131.

Выготский 1984.

Цит. раб.: 14–15. Курсив мой. – А.З.

Выготский 1984: 69.

Выготский 1968: 187.

Цит. раб.: 190.

Цит. раб.: 194.

Выготский 1935: 5.

Выготский 1935.

Лурия 1975: 4.

Лурия 1982: 161.

См.: Лурия 1975; 1979; 1982; 2006.

Лурия 1979: 49–50.

Лурия 1979: 115.

Жинкин 1982: 63.

Цит. раб.: 123.

Цит. раб.: 54–55.

Цит. раб.: 145.

Жинкин 1982: 18–19.

Цит. раб.: 83.

100

Цит. раб.: 98.

101

Цит. раб.: 92.

Жинкин 1982: 18.

Цит. раб.: 52. – Разрядка моя. – А.З.

Зинченко 1998: 27. – Курсив мой. – А.З.

105

БПС 2004: 177.

Василюк 1993.

Бернштейн 1990; 2008.

108

Холодная 2002.

109

Цит. раб.: 226.

Цит. раб.: 122.

111

Там же.

112

БПС 2004: 261.

Леонтьев А.Н. 1977: 145.

Леонтьев А.Н. 1977: 144.

115

Цит. раб.: 276.

Леонтьев А.Н. 1977: 147.

117

Цит. раб.: 139.

Цит. раб.: 140.

119

Цит. раб.: 148.

120

Цит. раб.: 275.

121

Цит. раб.: 152.

Цит. раб.: 174.

123

Цит. раб.: 146.

Цит. раб.: 99.

Леонтьев А.Н. 1983: 243.

Леонтьев А.Н. 1974: 9.

Леонтьев А.Н. 1974: 17.

128

Цит. раб.: 18, 19.

Леонтьев А.А. 2001.

130

Цит. раб.: 317.

131

Цит. раб.: 316.

132

Цит. раб.: 317.

133

Цит. раб.: 321.

Цит. раб.: 319.

Леонтьев А.А. 1997: 268–269.

Леонтьев А.А. 2001: 320.

Стеценко 1983.

Величковский 2006, т.2: 60

Сонин 2005; 2006.

Леонтьев А.А. 2001: 322.

141

Eco 2000.

142

См. подробно: Цит. раб.: 136–139.

Рассел 1957.

Eco 2006.

Например, Менегетти 2005.

Потебня 1976: 465–466.

147

Бодуэн де Куртенэ 1963б: 214.

Лендваи 1998.

Верньо 1995.

Верньо 1995: 17.

Эко 1998: 49–54.

Цит. раб.: 50.

Василюк 1993.

Леонтьев А.Н. 1977.

Василюк 1993: 8.

156

Цит. раб.: 5.

Леонтьев А.Н. 1977.

Василюк 1993: 6.

Цит. раб.: 7. Курсив мой. – А.З.

160

Цит. раб.: 9.

161

Цит. раб.: 16.

162

Там же.

163

Цит. раб.: 18.

Цит. раб.: 18.

165

См.: Зинченко 1997; 1998, а также обсуждение этой проблемы в работах: Карасева 2006; Медведева 1999а; Соколова Е.Е. 2003.

166

2003: 207

2005: 187.

168

Цит. раб.: 188, 189.

169

Пищальникова 2005: 189.

Наумова С.Н. 2006: 62.

171

Цит. раб.: 63.

Ruthrof 1998; 2000.

173

В качестве первоисточников См., Например, Barsalou 1999; 2012.

Hardy 1998.

175

Цит. раб.: 17.

Violi 2001.

177

Цит. раб.: 139–140.

Цит. раб.: 219–241.

179

Цит. раб.: 219.

Цит. раб.: 221–225.

181

Цит. раб.: 308.

Цит. раб.: 310–311.

Цит. раб.: 312–313.

Цит. раб.: 352.

185

Цит. раб.: 353–354.

Evans 2006.

Дашинимаева 2010а; 2010б.

Дашинимаева 2010а: 208. Курсив мой. – А.З.

Цит. раб.: 209. Курсив мой. – А.З.

Barsalou 1999.

191

Дашинимаева 2010а: 213.

192

Цит. раб.: 213.

Дашинимаева 2010б: 39.

Цит. раб.: 24.

195

Цит. раб.: 21.

Цит. раб.: 38.

197

Цит. раб.: 3.

198

Цит. раб.: 6.

199

Цит. раб.: 9.

Курганова 2012а; 2012б.

Курганова 2012а; 2012б.

Цит. раб.: 256. Курсив автора.

Цит. раб.: 257. Курсив автора.

Цит. раб.: 258.

205

Цит. раб.: 260.

Моррис 1983: 41.

207

Там же.

Эко 1998: 54. Курсив мой. – А.З.

209

Моррис 1983: 43.

Эко 1998: 53.

Молодо… 2004: 200.

Эко 1998: 53. – Курсив автора.

См., Например, Крысин 1998; ЛЭС 1990; ФЭС 2003.

КСКТ 1996.

215

БПС 2004.

АРСЛС 1996: 525.

217

Моррис 1983: 39.

Damasio 1995; 1999; 2003.

219

См. подробно: Рубинштейн 1997: 48–49.

Сеченов 1953.

См. также: Матурана, Варела 2001.

Менегетти 2005.

223

Цит. раб.: 53.

Цит. раб.: 60. Выделено мною. – А.З.

там же.

Цит. раб.: 61.

227

Цит. раб.: 89.

Цит. раб.: 141.

Веккер 1998.

230

Цит. раб.: 390.

231

Цит. раб.: 390–391.

Холодная 2002: 112.

Газарова 2002: 5. Выделено мною. – А.З.

Цит. раб.: 45.

Многомерный образ … 2001: 27.

Цит. раб.: 46. Выделено мною. – А.З.

Ruthrof 1997; 2000.

Webster 1854: 517.

239

TAHDEL: 940.

Крысин 1998: 280.

АРСЛС 2001: 192.

Bush 1945.

243

Эпштейн http.

Эпштейн http.

Эпштейн, «Введение в гипертекст и гипертекстовые системы». – Разрядка моя. – А.З.

См., Например, Асмус 2005; Беляева 2010; Гипертекст 2013; Дедова 2006, 2008; Залевская 2013; Зыкова 2006; Ильина 2009; Клочкова 2009; Махов 2010; Раскладкина 2006; Рязанцева 2010; Самелюк 2006; Сергиенко 2009; Стройков 2010.

См., Например, Гольдберг 2003.

Например, Дашинимаева 2010а; 2010б.

249

См., Например, Дмитриева 2000; Соломаха 2003; Чугаева 2007; 2009; Швец 2005; Ягунова 2008; 2009.

Гирнык 2010; Карасева 2007; Федурко 2008; Чернышова 2010.

251

Рублёва 2010.

Nelson 1965.

Gernsbacher 1994.

Залевская 2007.

Spivey, McRae & Joanisse 2012.

256

См., Например, Залевская 1968; 1969а; 1969б; 1970; Zalevskaya 1969; 1972; 1976.

Кузнецова 1982.

Залевская и др. 1998; Психолингвистические проблемы 1999.

Рогожникова 1986; 2000а; 2000б.

Галерея… 2009.

Барсук 1991.

Михайлова С.Е. 2003.

263

Хватова 2004.

Туркова-Зарайская 2002.

265

Колодкина 1985; 1987.

Мягкова 1986; 2000а; 2000б.

Соловьева Н.В. 1989.

Карасева 2007.

Шмелева 1988а; 1988б.

Дмитриева 2000.

Соломаха 2003.

Швец 2005.

Воскресенская 2007.

Бардовская 2005.

См. Например: Бардовская 2013.

Тарасова 2007.

Медведева 1989.

Новичихина 1995.

Лебедева 1991.

Лебедева 2001; 2002.

Маскадыня 1987; 1989.

Павлова 2013.

Тогоева 1989: 2000а; 2000б.

Сазонова 1993; 2000а; 2000б.

Родионова 1994.

Лачина 1993.

Шумилина 1997.

См., Например, Курганова 2011а; 2011б; 2012а; 2012б.

Медведева 1999а; 1999б.

Зайцева 2005.

Иванова 2004.

См., Например, Саркисова 2013а; 2013б.

Золотова 1989.

Золотова 2005а; 2005б.

Федурко 2008.

296

Корытная 1996.

Балдова 1999.

Каминская 1996; 1998.

Михайлова Т.В. 1997.

300

Бревдо 1999.

Воскресенский 2007.

302

Галкина 2004.

303

Рафикова 1994; 1999; Мохамед 2000.

Чугунова 2001.

Чугунова 2009а; 2009б.

Чернышова 2010.

См. Например: Голубева 2013а; 2013б.

Медведева 1999а; 1999б.

Поймёнова 1999.

Соловьева М.В. 2006.

Ищук 2009.

Корниевская 2012.

313

См. подробно: Залевская 2011; 2012.

См., Например, Залевская 1968; 1979; Zalevskaya 1977a; 1977b.

315

См.: Залевская 1969а; 1969б; 1970; Zalevskaya 1972; 1976.

Например, Залевская 1969в.

Залевская 1977; 1982.

См. подробно: Залевская 2010.

319

См., Например, Бутакова 2012: 7.

Kiss et al. 1972.

См.: Залевская 1981; 1983.

Золотова 2005а; 2005б.

323

Гольдин 2011.

Бутакова 2012.

325

Цит. раб.: 6.

Сюда относятся, Например, Коротун 2010; Рудакова, Стернин 2011; Стернин, Рудакова 2011; Уфимцева и др. 2004; Филиппович и др. 2001.

327

По: Коротун 2010: 183–186.

328

По: Рудакова, Стернин 2011: 100.

329

По: Коротун 2010: 190–192.

В том числе: Гольдин 2011; Филиппович и др. 2001.

Гуц 2004.

332

По: Гуц 2004: 76–77.

333

Это требование к научному исследованию подробно рассматривается в Залевская 2011: 61–64; о категориальном поле См. также: Василюк 2003.

ЛЭС 1990: 238.

Васильева и др. 1995: 51.

Цит. раб.: 52.

См.: Залевская 1979.

САНРЯ 1977.

PAC 1994–1998

2001.

Филиппович и др. 2002.

2004.

2004.

1994.

Береснева и др. 1995; Овчинникова и др. 2000.

Гольдин 2011.

2009.

2011.

349

См., Например, Бутакова 2012; Бутенко 1979, 1989; Голикова 2004; Гуц 2004; Дмитрюк 1998; Мартінек 2007; Палкин 2004; Соколова Т.В. 1996; Титова 1975; Цітова 1981; Ульянов 1988.

См., Например, Дебренн 2006.

Таких как: Entwisle 1966; Gerrow & Pollio 1965; Kent & Rosanoff 1910; Kiss et al. 1972; Kurcz 1967; Jenkins 1970; Jenkins & Russell 1960; Maršálová 1972; 1974; Postman & Keppel 1970; Rosenberg 1965; Rosenberg & Carter 1965; Rosenzweig 1957, 1964; Russell 1970; Russell & Jenkins 1954; Russell & Meseck 1959.

См., Например: De Deyne & Storms 2008a; De Groot 1980; de la Haye 2003; Fernández et al. 2004; Ferrand & Alario 1998; Guida & Lenci 2007; Hirsh & Tree 2001; Magyar verbális asszociációk 1 1983; Magyar verbális asszociációk 2 1985; Melinger & Weber http; Moss & Older http; Nelson et al. 1998; Novak 1988; Pérez & Navalón 2005.

353

См., Например: Hamp & Feldweg 1997; Joyce 2005; Lahl et al. 2009; Stamou et al. 2002; Vossen 1998.

См.: Battig & Montague 1969; Brown & Ure 1969; Paivio et al. 1968; Toglia & Battig 1978; Ashcraft 1978.

Например.: Altarriba et al. 1999; Balota et al. 2001; Balota et al. 2002; Barca et al. 2002; Bellezza et al. 1986; Bradley & Lang 1999; Clark & Paivio 2004; Cortese & Fuggett 2004; Friendly et al. 1982; Izura et al. 2005; Gilhooly & Logie 1980; Kerr & Johnson 1991; McEvoy & Nelson 1982; McRae et al. 2005; Ruts et al. 2004; Snodgrass & Vanderwart 1980; Stevenson et al. 2007; Storms 2001; Twilley et al. 1994; Vinson & Vigliocco 2008; Vó et al. 2006; Wollen et al. 1980.

Маскадыня 1987.

Колодкина 1985.

См., Например, Черкасова 2010.

См., Например, логико-гносеологический подход в монографии Войшвилло 1989, обзоры лингвистических Кузнецов 1986 и психологических Беляева, Самойленко 1985 исследований, экспериментальный подход в работе Шабес 1989; 2008, теоретическую трактовку роли признака в связи с уровнями языковой семантики Юрченко, 1995 и т.д.

См. также: Карасик 2010.

Аткинсон 1980.

Ломов, Беляева, Носуленко 1986.

Брунер 1977.

Глезерман 1986.

Шабес 1989; 2008.

Рубинштейн 1958 (см. также: Рубинштейн 1997).

Кузнецов 1986 (см. также: Кузнецов 1992.

Крюкова 1989.

Юрченко 1995.

Шмелева 1988а, 1988б.

Залевская 1977.

Шехтер 1981: 226.

Войшвилло 1989: 128.

Брунер 1977.

Поливанов 1968.

Юрченко 1995.

Крюков 1988.

Никитин 1988.

См. подробнее: Сокулер 1988.

Левин 1987.

381

См. обсуждение «образов множества» в работе: Лукьянова 1986.

См., Например, Ляудис 1990; Fivush 1987.

Дмитриева 2000.

См., Например, Садикова 2009; 2011а; 2011б; 2012; 2013.

Садикова 2012: 3.

386

Цит. раб.: 6.

Садикова 2011б: 117.

Садикова 2012.

389

Садикова 2012: 4.

390

Садикова 2012: 3.

391

Цит. раб.: 7.

392

Цит. раб.: 6.

393

Там же.

Садикова 2011б: 118.

395

Садикова 2012: 3.

Садикова 2011б: 117.

397

Там же.

Садикова 2009: 99.

1977, воспроизведено в Залевская 2005.

Воспроизведено: Залевская 2005: 168.

См. подробнее: Залевская 2011; 2012.

Курганова 2011а; 2011б; 2012а; 2012б.

403

Голдберг 2003.

Spivey et al. 2012, См., Например, суммирование современных трактовок этих вопросов в главе Boroditski 2012 (см. также: Коули 2009; Кравченко 2004; 2009; Cowley 2007; Kravchenko 2008.

Barsalou 2012.

См., Например, Пищальникова 2010; Пищальникова и др. 2010.

Hellevig 2010.

Клюканов 2010; Klyukanov 2005.

Шехтман 2009: 146.

Крысин 1998: 280.

АРСЛС 2001: 192.

АРСЛС 2001: 321.